

Академия управления МВД России

В. В. Синиченко

**В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ: ОТ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ДО ЗАГРАНИЧНЫХ
РЕЗИДЕНТУР ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (1913–1930 ГГ.)**

Монография

Москва
2024

УДК 351.742
ББК 63.3
Д59

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Суверов Е. В.*, доктор исторических наук, профессор (Барнаульский юридический институт МВД России); *Лясович Т. Г.*, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербургский университет МВД России); *Зверев В. О.*, доктор исторических наук, профессор (Омская академия МВД России).

Д59

Синиченко, Владимир Викторович.

В интересах России: от заграничной агентуры Департамента полиции до заграничных резидентур Объединенного государственного политического управления (1913–1930 гг.) : монография. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. – 192 с.

ISBN 978-5-907721-38-8

Монография предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей органов внутренних дел и спецслужб России, для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, профессорско-преподавательского состава и сотрудников органов внутренних дел.

УДК 351.742
ББК 63.3

ISBN 978-5-907721-38-8

© Синиченко В. В., 2024
© Академия управления МВД России, 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Резидентуры МВД Российской империи в системе российского разведсообщества на Дальнем Востоке в начале XX в.	16
Глава 2. Агентурная работа ведомств Российской империи по сбору информации военно-политического характера в Китае и Монголии	28
Глава 3. «Агентурный союз» Министерства финансов и МВД России в Китае при решении задач борьбы с преступ- ностью	65
Глава 4. Агентурная работа Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов МВД Российской импе- рии в Китае в годы Первой мировой войны	89
Глава 5. От агентурной разведки Российской республики к резидентурам СССР в Китае	146
5.1. Работа агентурного аппарата российских спецслужб в Китае в годы гражданской войны	146
5.2. Становление агентурной разведки СССР в Китае...	156
Заключение	176
Список сокращений	178
Список источников и литературы.....	179

Введение

В истории России дальневосточное направление всегда занимало важную роль для экономического, политического развития государства.

Исторический опыт государственных органов, имевших своей обязанностью охранение властных институтов, общественной безопасности, превенцию и локализацию преступных действий, нацеленных на дестабилизацию государственного строя, бесспорно, не нуждается в переоценке, и именно его надлежит учитывать при конструировании форм и методов современных органов правопорядка и государственной безопасности. К этой теме отечественные исследователи обращались с начала XX в.

Из работ дореволюционной эпохи в рамках рассматриваемой темы интерес вызывает 69-страничная брошюра «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции», написанная А. А. Лопухиным, возглавлявшим в 1902–1905 гг. Департамент полиции. На страницах этого сравнительно небольшого труда А. А. Лопухин предпринимает серьезную попытку проанализировать принципы устройства и деятельности современных ему имперской полиции и жандармского корпуса, выводит фронтальную оценку их профессиональной деятельности, а также подчеркивает необходимость реформирования рассматриваемой сферы¹.

Первой советской специальной работой, посвященной агентурной разведке, стало учебное пособие заместителя начальника информационного (агентурного) отдела Разведывательного управления (РУ) Штаба РККА Александра Ивановича Кука «Канва агентурной разведки», изданное в 1921 г.².

Основные выводы из этого учебного пособия заключались в следующем. Во-первых, агентурная работа в зарубежных странах продолжается как в военное, так и мирное время. Во-вторых, автор книги дал определение понятию «агентурный шпионаж» – это тайная деятельность по получению необходимой информации. В-третьих, главной задачей агентурной разведки является оказание целенаправленного воздействия на население зарубежного государства посредством прессы, пропаганды, распространения слухов, определенных идей и взглядов. Во многом А. И. Кук определил

¹ Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.

² Хлобустов О. М. Разведка и контрразведка в начале XX века // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. М., 2023. С. 7.

взгляды, высказанные в 1923 г. бывшим начальником разведывательного управления германского Генерального штаба Вальтера Николаи, положенные на Западе в основу концепции психологической войны¹.

Следующей работой, затрагивающей вопросы агентурной разведки стало подготовленное в 1924 г. для слушателей Военной Академии РККА генерал-майором П. П. Сытиным пособие «Разведывательная служба».

Развивая идеи А. И. Кука, П. П. Сытин считал, что задачами агентурной разведки является изучение отношения населения и отдельных политических групп к правительству и его отдельным членам, парламенту, а также настроения широких народных масс, исследование очагов недовольства в стране и их причины; изучение политических фигур – и правительства и оппозиции. При этом тайные агенты в соседней стране должны быть ориентированы на создание благоприятной для Советской России политической комбинации сил, привлечению на свою сторону политиков, ведению за границей пропаганды идей, выгодных России. Кроме того, агентурные ресурсы должны были быть направлены на устранение с руководящих ролей государственных деятелей, работающих во вред советской республике (путем работы прессы, пропаганды, слухов)².

Агентурная работа же контрразведки, считал П. П. Сытин, должна быть направлена на противодействие работе неприятельских шпионов, должна стремиться раскрыть их организации, цели разведки, приемы, средства, методы, направления деятельности. Службы контрразведки должны были контролировать все отрасли жизни страны, а именно: дипломатическую, чисто военную, политическую и экономическую.

В 1920–30-е годы в СССР подготовка специалистов в области разведки и контрразведки велась по линии двух наркоматов: внутренних дел и обороны (НКВД и НКО СССР).

В связи с этим IV (разведывательным) управлением Штаба РККА была поставлена задача «провести обширное исследование, охватывающие деятельность агентуры важнейших государств, принимавших участие в мировой войне».

В результате в 1929 г. появился 1-й том труда Константина Кирилловича Звонарева «Агентурная разведка», опубликованный под грифом «для служебных целей». В этом учебном пособии содержался обзор техники и методики разведки и контрразведки. Автор

¹Хлобустов О. М. Указ. соч. С. 8.

²Хлобустов О. М. Указ. соч. С. 11–12.

пришел к выводу, что российский Генеральный штаб до Первой мировой войны и в ее годы не имел системно организованной разведки. В частности, отсутствовало направление промышленного шпионажа и экономической борьбы¹.

В рамках учебных заведений органов государственной безопасности в качестве учебного пособия использовалась вышедшая в 1924 г. работа «Шпионаж», подготовленная С. С. Турло.

С. С. Турло различал два вида агентурной деятельности. Во-первых, это пассивный шпионаж, то есть сбор сведений о противнике, его намерениях, военном потенциале и резервах. Во-вторых, это «активная разведка», такая как дезинформация, пропаганда, шпионаж, саботаж, диверсии и террор.

Опережая современников, С. С. Турло указывал на существование разведки психологической, задачами которой являются познание противника с целью отыскания у него опасных для себя качеств для их своевременного обезвреживания и поиск его слабых мест для нанесения по ним удара. При этом он подчеркивал, что «психология масс является решающей в войне, но зависит она от экономических, социальных, национальных и иных свойств этой массы»².

Период, последовавший за революционными событиями 1917 г., отмечен появлением существенного количества исследований деятельности жандармов, связанной с противодействием революционному движению, в числе которых стоит назвать труды В. К. Агафонова, А. Волкова, М. А. Осоргина, И. М. Троцкого, П. Е. Щеголева³. Вышепоименованные авторы в своих работах, созданных на серьезной архивной базе, рассматривали формы и практические методы имперской политической полиции, ставили акцент на специфичности этой деятельности – анализе агентурной работы. Тем не менее названных почтенных исследователей, к сожалению, следует упрекнуть в отсутствии комплексного подхода в изучении заявленной проблематики и недостаточной объективности суждений. Поскольку общественно-политическая ситуация (низвержение царизма, а следом и буржуазного Временного правительства, приход к государственному кормилу коммунистов-большевиков) не пребывала в неизменном состоянии, то во всех упомянутых сочи-

¹ Хлобустов О. М. Указ. соч. С. 12–14.

² Хлобустов О. М. Указ. соч. С. 22–23.

³ Агафонов В. К. Заграничная охранка: (сост. по секрет. Документам загранич. Агентуры и Департамента полиции). С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секрет. сотрудников загранич. агентуры. Пг., 1918; Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917; Троцкий И. М. Третье отделение при Николае I. М., 1930; Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

нениях явственно прослеживалась тенденциозность: деятельность дореволюционной жандармерии оценивалась отрицательно.

В 1960-х гг. стали издаваться исследовательские работы, затрагивающие деятельность жандармерии. Так, Н. П. Ерошкин и П. А. Зайончковский¹ анализировали причинно-следственные связи кризиса внутренней политики правительства империи. Аналогичным образом в названный период возникают труды, посвященные юридическим аспектам жандармской деятельности, среди которых отдельно следует упомянуть исследования Р. С. Мулукаева и Д. И. Шинджикашвили², которые, хотя и носят обзорный характер, тем не менее отмечают изучением вопросов организации политической полиции и ее взаимодействия с иными имперскими органами правоохраны.

В конце 1980-х гг. Н. Н. Ансимов³ исследует методологию деятельности имперской политической полиции, отдельно выводя на передний план особенности сыскной, провокаторской, агентурной и дознавательской работы.

Следует отметить (хотя это абсолютно очевидно), что для историографии советской эпохи весьма характерно представлять имперских жандармов как агрессивных и непременно превышающих свои полномочия самодуров – это истолковывается наличием идеологических установок, которых строго придерживались советские цензоры. Как следствие, граждане СССР практически с детства считали, что жандарм – это не столько служитель закона (как, например, советский милиционер), а самый настоящий «цербер» эксплуататорского режима, совершенно нечуткий и бесчеловечный душитель народного волеизъявления. Ввиду сказанного из поля научных интересов исключались многие стороны жандармской деятельности, как, например, работа жандармских полицейских управлений на железных дорогах бывшей империи.

Наряду с этим не подлежит сомнению тот факт, что научные изыскания периода Советского Союза ощутимо дополнили историографическую базу по обозначенной проблеме. Сведения

¹ Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. М., 1975; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

² Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974.

³ Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск, 1989.

о практической деятельности имперской политической полиции стали предметом исканий профессиональных историков, непреложная заслуга которых состоит в том, что ими был введен в научный оборот солидный пласт архивного материала, ставшего отправной точкой для изучения организации деятельности и степени участия жандармских органов в общей системе правоохраны имперской России, анализа правоприменительной практики того времени, рассмотрения приемов и набора методов работы жандармских чинов, в том числе работы с агентурным аппаратом, а также в открытии множества имен, ставших отныне историческими.

Невозможно и несправедливо не отметить, что переходным этапом в изучении целого ряда вопросов отечественной истории стала дезинтеграция Советского Союза. Не остались в стороне и вопросы, связанные с деятельностью полицейских органов царской России, для изучения которых рассекреченные архивы предоставили, без сомнения, колоссальный материал: историки стали не только делать акцент на отдельных аспектах службы жандармских структур, но и приводить общую характеристику их положения и эффективности.

В качестве объекта изучения исследователи постсоветского периода уже полагали региональные жандармские структуры, такие как губернские жандармские управления и жандармские полицейские управления на железных дорогах империи. В свете этого фиксирует на себе внимание неоднократно переиздававшаяся монография «Политический сыск в России (1880–1917)», автор которой З. И. Перегудова¹ детально исследует учреждение, функционал и методы работы особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел, устройство подразделений Отдельного корпуса жандармов (а именно губернских жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог, розыскных охранных отделений), кадровую политику, а также вопросы и проблемы взаимодействия имперской жандармерии с рабочим движением.

В самом начале 1990-х гг. вопросы правового статуса жандармских полицейских управлений железных дорог царского периода и их повседневной деятельности по борьбе с преступными элементами попали в фокус внимания М. И. Сизикова,

¹Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.

А. В. Борисова, А. Е. Скрипилева¹, исследовать же вопросы периодизации деятельности царской политической полиции уверенно взялись Ч. Рууд и С. А. Степанов².

В свою очередь, А. Ю. Реент произвел широкое комплексное исследование всей полицейской системы бывшей империи, начиная с уездной полицейской стражи и заканчивая, собственно, министерством внутренних дел, поставил вопрос об эффективности методов, использовавшихся политической полицией, сбора доказательственной базы, согласованности действий между полицией и тогдашней системой исполнения наказаний³.

По представлению автора данной монографии, предметом исследовательского внимания может служить также солидное издание под редакцией В. С. Измозика «Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX века», на страницах которого коллективом профессиональных историков отражены этапы становления и поступательного развития российского политического сыска со времен Иоанна IV Грозного до 1917 г., а также личностные качества первых лиц полицейских служб и ведомств и их непосредственное влияние на вопросы организации служебной деятельности⁴.

Архивные массивы документов предоставили возможность А. В. Борисову, А. Я. Малыгину, Р. С. Мулукаеву, И. А. Потемкину⁵ дать анализ процесса развития органов дореволюционной полиции, фаз их реформирования, эволюции полицейского права, его практической приложимости в историческом контексте.

Исследования же В. О. Зверева, А. А. Здановича, Б. А. Старкова⁶, в свою очередь, посвящались проблемам ведения чинами политической полиции борьбы с военным шпионажем.

¹ Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилов А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). М., 1992.

² Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

³ Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.): монография. Рязань, 2001; Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России (1879–2009): монография. М., 2009.

⁴ Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

⁵ Полиция Российской империи: монография / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. М., 2014; Три века российской полиции / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. М., 2016; Потемкин И. А. Министерство внутренних дел Российской империи в обеспечении безопасности государства в условиях Первой мировой войны: монография. М., 2017.

⁶ Зверев В. О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016; Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004; Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи, 1903–1914. СПб., 2006.

Процесс создания политической полиции, в том числе и деятельность жандармских полицейских управлений и отделений на железных дорогах Российской империи, получил освещение в диссертационных исследованиях Ю. В. Гончаровой, В. М. Горяинова, М. Н. Иванцова, А. О. Костылева и др.¹

История создания и функционирования бывшей российской имперской политической полиции находилась в центре внимания также и зарубежных историков. Так, Н. Шляйфман и Ф. С. Цукерман рассматривали деятельность заграничных резидентур МВД дореволюционной России, отличительные черты координации данных структур с находившимся в Санкт-Петербурге (Петрограде) полицейским департаментом².

Выработавшаяся историографическая основа благоприятствовала аккумуляции и систематизации знаний о функционировании полицейских органов бывшей Российской империи, что дало неоспоримую возможность ученым-историкам достигнуть качественно нового яруса изучения деятельности рассматриваемых в настоящей монографической работе государственных структур несуществующего ныне государства. Тем не менее удручающим фактом представляется скудость региональной историографии, не раскрывающей многих ракурсов деятельности имперской жандармерии на Дальнем Востоке страны. Однако именно постсоветский период, с присущими ему изменениями в идеологических и методологических установках, а также рассекречиванием архивных фондов, ознаменовался заметным ростом научных публикаций (количество которых и в современный период продолжает возрастать) по истории деятельности российских дальневосточных жандармских структур.

В избранном автором тематическом очертании вопроса невозможно исключить из сферы внимания и проблемы функционирования Китайско-Восточной железной дороги, защита безопасности которой находилась в компетенции специального жандармского подразделения – Жандармского полицейского управления Китайской Восточной железной дороги, нашедшие свое раскры-

¹ Гончарова Ю. В. Жандармско-полицейские управления железных дорог в Российской империи 1900–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000; Горяинов В. М. Исторические аспекты деятельности Корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001; Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Костылев А. О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи (1880–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

² Schleifman N. Undercover agents in the Russian revolutionary movement: The SR party, 1902–14. London, 1988; Zuckerman F.S. The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917. London, 1996.

тие в трудах П. В. Виноградова, В. П. Казанцева, М. А. Ковальчука, Я. Л. Салогуб¹. Равным образом А. М. Буяков, В. А. Черномаз, В. О. Шелудько производят анализ структуры, функциональных обязанностей жандармских и полицейских подразделений, системы исполнения наказаний, пожарных команд, действовавших во второй половине XIX – начале XX в. на приморских территориях Российской империи².

Автор настоящей монографической разработки, в свою очередь, в течение нескольких лет проводит изучение практической работы Иркутского губернского жандармского управления и подчинявшихся ему жандармских полицейских управлений в имперском регионе Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. В свое исследовательское поле автор данной монографии включает контрразведывательную и агентурную деятельность дальневосточной жандармерии³.

Российскую государственную политику по защите страны в имперском дальневосточном регионе в конце XIX – начале

¹ Виноградов П. В., Шабельникова Н. А. Китайско-Восточная железная дорога – главная транспортная артерия на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны // Клио. 2020. № 7 (163). С. 121–126; Казанцев В. П. Формирование командно-полицейской системы КВЖД (1896–1905) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 33–43; Ковальчук М. А. Статус Китайской Восточной железной дороги: формально-юридический и фактический аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (49). С. 42–49; Ковальчук М. А. Управление Китайской Восточной железной дорогой (1903–1917 гг.): историко-правовой аспект // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем востоке. 2014. № 1 (41). С. 96–104; Казанцев В.П., Салогуб Я. Л. Строительство КВЖД глазами современника / В. П. Казанцев, Я. Л. Салогуб // Железнодорожный транспорт. 2012. № 2. С. 74–77 и др.

² Шелудько В. О., Буяков А. М., Черномаз В. А. Органы внутренних дел Приморья (1860–1917 годы). Владивосток, 2004; Черномаз В. А. Из опыта реформирования полиции Дальнего Востока в начале XX века // Вестник ДВЮИ МВД России. 2015. № 1. С. 92–99; Шелудько В. О. Денежно-вещевое обеспечение сотрудников полиции как фактов укрепления правоохранительной системы на Дальнем Востоке России в дореволюционный период // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2019. С. 156–161.

³ Синиченко В. В. Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны: монография. М., 2021; Синиченко В. В., Сирохин А. И. Взаимодействие МВД и военной контрразведки России в годы первой мировой войны в Сибирском и Дальневосточном регионах. Иркутск, 2020; Синиченко В. В. Внутренняя агентура и контрразведывательная работа жандармов на русском Дальнем Востоке в начале XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19–2. С. 115–116; Он же. Агентурная работа жандармерии России на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. М., 2018. С. 49–53.

XX в. в своих исследованиях описывает А. Н. Качкин¹. Развитие в историческом срезе деятельности структур контрразведки дальневосточной территории царской России освещается в трудах Ю. Н. Ципкина, Е. Б. Кондратова, затрагивается в монографии Т. Я. Иконниковой².

В советской литературе тема, касавшаяся деятельности ответственных разведывательных структур за пределами страны (и в том числе в Китайской Народной Республике), считалась табуированной. Данный status quo стал в корне изменяться только в постсоветской России. Так, увидел свет целый ряд (речь идет о десятках книг и статей) исследований о советской разведывательной работе в 1920–1940 гг. Однако первоначально полагаем целесообразным упомянуть солидный шеститомный цикл под названием «Очерки истории российской внешней разведки», который по настоящий момент издается Службой внешней разведки Российской Федерации под редакцией академика, известного советского и российского политика, третьего председателя Правительства Российской Федерации (1998–1999) Е. М. Примакова. Небезынтересным обстоятельством является то, что в Российской Федерации это первое издание подобного рода. На данный период времени в свет вышло первых четыре тома, освещающие этапы становления дореволюционной разведки до 1917 г. (том 1), далее советской разведки 1917–1933 гг. (том 2).

Безусловно (и однозначно логично), неподдельный интерес к деятельности советской внешней разведки достаточно давно наблюдается и за пределами Российской Федерации³.

¹ Качкин А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 61–65; Качкин А. Н. Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке перед началом и в годы Первой мировой войны // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24). С. 281–286; Кудина Н. Т., Качкин А. Н. Формирование жандармской полиции на Дальнем Востоке Российской империи: предпосылки и особенности // Вестник ТОГУ. 2012. № 2 (25). С. 275–280.

² Ципкин Ю. Н., Кондратов Е. Б. Русская контрразведка на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Хабаровск, 2017; Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999.

³ Richard Deacon. A History of The Russian Secret Service. London, 1987; Roger Faligot, Remi Kauffer. The Chinese Secret Service. London, 1989; Frederick S. Litten. The Noulens Affair. The China Quarterly. June 1994, № 138. P. 492–512; C. Martin Wilbur, Julie Lien-ying How. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China 1920–1927. London. 1989; Чжун – Э вайцзяо цзи Чжунгун шэньтоу юй бэйцин цзинго шиляо (Исторические материалы китайско-русских международных отношений и просачивания коммунистов и очищения от них) // Гэмин вэньсянь, 1968; № 9.

Известный российский ученый-китаист В. Н. Усов в 2011 г. выпустил в свет монографию (основой которой стали архивные материалы внешней разведки, министерства иностранных дел, Коминтерна, а также воспоминаний участников описываемых им событий), горизонтом интереса которой стала разведдеятельность сотрудников Коминтерна, ГРУ и ОГПУ в Китайской республике 20-х гг. XX в.¹

По утверждению В. Н. Усова, после октябрьского захвата верховной власти в 1917 г. большевистская администрация имела весьма скудные сведения о политическом раскладе сил в гоминьдановском Китае. В тот непростой период, еще со времен Синьхайской революции, в китайском государстве сложилось довольно непонятное двоевластие, и советским дипломатическим представителям, которым было весьма непросто выстраивать дипотношения одновременно с двумя правительственными образованиями, приходилось ограничиваться декларациями о насущной необходимости дружбы. Более того, поскольку пекинские власти испытывали дипломатический прессинг со стороны европейских государств, то вопрос о признании Китаем Страны Советов постоянно откладывался. Только в мае 1924 г. после подписания документа «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» дипломатические отношения между двумя пережившими революции странами стали считаться установленными.

Китайской комиссией Политбюро РКП(б) 17 апреля 1925 г. был образован Центр, который осуществлял координацию и руководство военной работой в тогдашнем Китае. В качестве председателя вновь учрежденного ведомства комиссия назначила Л. М. Карахана – представителя Наркомата иностранных дел СССР. Однако советская разведывательная деятельность той поры с позиции Центра не могла считаться удовлетворительной, поскольку на ее осуществление выделялись весьма немалые финансовые средства,

Цзиньдай Чжунго вайде ю нейцзянь шилляо хуйбянь (1871–1947): сборник материалов по истории зарубежной агентуры и провокаторов в Китае в период новой истории (1871–1947). Тайбэй, 1986; Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1, М., 1996; Т. 2, М., 1996; Т. 3, М., 1997; Т. 4, М., 1999; Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге. М., 1996; Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Т. 1, М., 1997; Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917–1922) // Свободная мысль, 1998. № 6; Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль. 1998. № 5, 6; Гордиевский О., Эндрю К. КГБ – разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки: в 2 книгах. М., 2000 и др.

¹ Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2011. 383 с.

а чекисты и разведчики «работали параллельно, не информируя друг друга, скрывая добытые данные, разведывательные данные приходили в центр с большим опозданием. Посылаемые в Москву материалы часто базировались на отрывочных, случайных, непроверенных данных».

По сути, новый этап в динамике советско-китайских отношений наметился к 1926 г., который ознаменовался ростом количества легальных, полулегальных и нелегальных резидентур Союза ССР в тогдашнем Китае, внутривнутриполитическая обстановка в котором к тому периоду вновь усложнилась. Максимально возможным вкладом советской разведки в так называемые китайские внутренние дела считается непосредственное формирование, обучение и вооружение армии Гоминьдана и пресловутых национальных армий, основание военных школ. Тем не менее политическая ситуация негативно изменилась уже в 1929 г., когда дипломатические отношения между двумя молодыми государствами оказались разорванными, пекинская дипмиссия СССР и советские консульства по всей гоминьдановской республике были захвачены. Между тем стоит упомянуть и о том, что Японская империя к этому моменту уже начала подготовку к захвату Маньчжурии, которая до 1945 г. будет марионеточным государством Маньчжоу-Го (Государством Маньчжурия и Великой Маньчжурской империей соответственно). Руководитель ИНО ОГПУ Мейер Трилиссер был вынужден подать в отставку в октябре 1929 г., в разгар боев между советскими и китайскими войсками на КВЖД.

Расширению представления у заинтересованного читателя о различных сторонах деятельности внешней разведки СССР, введению в научное обращение большого ряда неизвестных ранее фактов, открытию новых (теперь уже исторических) имен содействует открытие ранее секретных архивных фондов, а благодаря этому – появление новых исследовательских книг и научных журнальных публикаций. Однако справедливости ради необходимо заявить, что удручающим обстоятельством по-прежнему является несовместное открытие архивных массивов, в силу чего множество материалов до сегодняшнего момента остается за пределами доступности для отечественных историков и политологов.

В подготовленном автором монографическом издании заинтересованному читателю предлагается получить емкое представление о том, как появились жандармско-полицейские учреждения МВД Российской империи на территории Китая, как возникли резидентуры различных силовых ведомств России на Дальнем Востоке и прежде всего в полосе отчуждения Китайской Восточной желез-

ной дороги, а также о становлении советской разведдеятельности в регионе до захвата Маньчжурии японцами в 1931 г. и последующей вынужденной продажи Советским Союзом КВЖД новым правителям «Маньчжоу Го», бесспорно, добавит дополнительных штрихов в картину взаимоотношений молодого советского государства с таким же молодым китайским государством в очерченный временной период, продемонстрирует сложный и многогранный пласт данной работы, обозначит ее успешные и проигрышные стороны.

Глава 1. Резидентуры МВД Российской империи в системе российского разведсообщества на Дальнем Востоке в начале XX в.

Впервые секретная агентура Российского государства в Китае была создана 21 августа 1902 г. Тогда товарищ министра иностранных дел Российской империи разрешил чиновнику 6-го класса этого министерства, находящемуся в городе Мукдене, расходовать 3 600 руб. в год на содержание шести постоянных секретных агентов в Северо-Восточном Китае – Маньчжурии.

Это решение Министерства иностранных дел Российской империи было утвержденное императором 19 августа 1902 г. и отправлено в качестве распоряжения российскому посланнику в Пекине депешей № 71/с¹.

Секретные агенты МИДа должны были оказывать содействие МВД Российской империи, на которое с конца XIX в. легла обязанность обслуживать территории Китайской Восточной и Южной Маньчурской железных дорог (далее – КВЖД и ЮМЖД). Оперативное руководство секретной агентурой находилось в руках консула в Мукдене, которое оказывал агентурное содействие начальнику временного управления жандармско-полицейским управлением КВЖД².

В годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. существовало Временное жандармское полицейское управление КВЖД (далее – Вр. ЖПУ КВЖД), ведавшее проверкой (визированием) паспортов и прочих документов у проезжающих из Харбина во Владивосток и на юг от Харбина до Дальнего (Даляня, по южной ветви КВЖД) и в обратном направлении.

В то время жандармско-полицейские управления железных дорог расследовали как преступления общеуголовной направленности, так и государственные преступления, определенные Уголовным уложением³.

Что касается специфики деятельности жандармерии на территории Китая – пределах полос отчуждения КВЖД и ЮМЖД, то в приказе по Временному жандармскому полицейскому управлению Китайско-Восточной железной дороги № 1 от 15 июня 1904 г. отмечалось, что территория железных дорог проходит через Китай-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1902-06. Оп. 491. Д. 3064. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 7. Л. 48; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

³ Высочайше утвержденные правила «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. № 49615.

скую империю, что делает жандармскую службу в данной местности особенной, так как жандармы сталкиваются при выполнении своих служебных обязанностей с подданными чужой страны¹.

По всем случаям нападений китайских бандитов – хунхузов в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги необходимо было немедленно производить подробное негласное расследование и результаты безотлагательно представлять начальнику Временного жандармского полицейского управления КВЖД².

Важной формой деятельности жандармских подразделений была оперативная работа и противодействие шпионажу (контрразведывательная деятельность). Особенно это стало актуальным в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., проходившей на территории Маньчжурии, через которую собственно и проходили КВЖД и ЮМЖД.

После войны на железных дорогах, где жизнь и торговля осуществлялась непрерывно днем и ночью, потребность в создании агентурного аппарата по выявлению преступлений для охраны личности и имущества подданных Российской империи ощущалась особенно остро.

Но только приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г. № 14528 на чинов ЖПУ железных дорог были возложены обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях» политического характера, совершенных в полосе отчуждения железных дорог. При производстве дознаний начальники жандармских полицейских управлений железных дорог подчинялись начальникам губернских жандармских управлений. В результате ЖПУ железных дорог стали выполнять функции политической полиции.

Циркуляром Департамента полиции от 7 августа 1906 г. № 9489 указывалось начальникам жандармских полицейских управлений на железных дорогах позаботиться о приобретении секретной агентуры³.

Таким образом, только с лета 1906 г. жандармские полицейские управления железных дорог смогли создать собственную секретную агентуру, а не пользоваться как например в Китае агентами Министерства иностранных дел⁴.

¹ РГИА ДВ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² РГИА ДВ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

³ РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.

⁴ Лясович Т. Г., Макеева И. А. Охрана общественного порядка на железных дорогах Российской империи в начале XX века // Государство и право: эволюция, современное

ЖПУ КВЖД было учреждено 31 августа 1908 г. на базе Вр. ЖПУ КВЖД. ЖПУ КВЖД комплектовалось офицерами порядком, установленным по ОКЖ. При назначении на службу в ЖПУ КВЖД все офицеры переводились одновременно в Пограничную стражу Министерства финансов, но при этом продолжали числиться по спискам Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ) МВД Российской империи.

Впоследствии Департамент полиции в целях эффективной работы вопроса организации розыска на железных дорогах направил письмо начальникам жандармских полицейских управлений и районных охранных отделений от 7 июня 1908 г. № 133133, в котором просил дать заключение о том, стоило ли каждому начальнику жандармского отделения иметь секретную агентуру или же агентура должна быть сосредоточена на узловых станциях и в пунктах, где располагались железнодорожные станции и депо и в густонаселенных местностях¹.

Несмотря на большую текучесть агентов из-за отсутствия у последних необходимых профессиональных и нравственных качеств, агентурные сведения стали основной формой информирования жандармерии о деятельности различных организаций накануне и в годы Первой мировой войны².

В 1907 г. Департамент полиции МВД разослал по подведомственным подразделениям инструкцию по организации наружного (филерского) и внутреннего наблюдения и таким образом разъяснил формы и методы работы политического розыска по изобличению преступлений, посягающих на государственную власть. Данная инструкция сделала использование агентуры основой политического сыска, а наружное наблюдение получило вспомогательную роль³.

Отметим, что до образования в конце 1911 г. контрразведывательного отделения на Дальнем Востоке (Хабаровск и Владивосток) военно-окружные штабы не располагали разветвленной агентурой сетью для выполнения контрразведывательных мероприятий

состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): сборник трудов по материалам конференции. СПб., 2017. С. 155.

¹ РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

² Синиченко В. В. Агентурная работа жандармерии России на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII международной научной конференции. М., 2018. С. 53.

³ Вейт А. В. Историко-правовые аспекты создания и деятельности органов жандармерии Забайкальской железной дороги // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2017. С. 133.

и поэтому обращались за поддержкой в таком сложном деле к руководителям местных жандармских органов¹.

До 1911 г. жандармские чины должны были выявлять и негласно сопровождать подозрительных иностранцев, путешествующих по России, чтобы выяснить истинную цель их поездки и принимать меры к недопущению разведки². Указанная деятельность была характерна и для жандармско-полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги³.

При исполнении обязанностей жандармско-полицейской службы необходимо было руководствоваться существовавшими законоположениями, инструкциями и пособием для унтер-офицеров. Начальникам отделений надлежало подробно разъяснять унтер-офицерам наказ прокурора Иркутской судебной палаты об особенностях правоприменения в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, принимая во внимание особые условия подсудности в пределах Маньчжурии.

Данная особенность заключалась в том, что в случае совершения каких-либо преступлений на территории КВЖД китайскими подданными, они судились смешанным судом из представителей русских и китайских властей. Данными русскими властями являлись консульские представители в Харбине, Цицикаре, Гирине и Куаньченьцзы, чины Генерального Консульства в Харбине, командование ОКПС в Хайларе и Имяньпо, а также находившийся в Харбине Уполномоченный управляющего Китайско-Восточной железной дороги по сношению с китайскими властями и на линии дороги.

Дознание же о всех остальных проступках и преступлениях, в которых обвинялся русский или иностранец, а потерпевшим являлся китаец, направлялись по принадлежности одному из перечисленных консульских представителей⁴.

Все китайцы, которые были арестованы на территории КВЖД по обвинению в преступлениях и проступках, немедленно, в случае

¹ Соколенко А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.: особенности и проблемы // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3 (72). С. 169.

² Мурашко А. И. Деятельность железнодорожных жандармов по обеспечению государственной безопасности Российской империи // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 211.

³ Синиченко В. В., Токарева Г. С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 161.

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2095. Л. 27.

отсутствия в них надобности для дознания, препровождались при копиях постановлений о их задержании в Харбин в китайское Главное бюро Гиринской или Цицикарской провинции¹, поэтому чины Жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги были заинтересованы в эффективном взаимодействии с китайскими властями.

Отметим, что после Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Китае, кроме министерства иностранных дел и затем министерства внутренних дел, агентурный аппарат завели военные штабы Иркутского военного округа (территория Монголии и Западного Китая), Приамурского военного округа (Хабаровск – территория трех провинций Маньчжурии) и гражданские ведомства – штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи Министерства финансов Российской империи (шанхайская резидентура и агентурная сеть в 100-верстной зоне от русско-китайской границы).

Координацию агентурной работы различных российских министерств в Китае возложили на российские дипломатические представительства.

Секретная телеграмма российского посланника в Пекине – действительного статского советника Д. Д. Покотилова была послана из Пекина в Санкт-Петербург министру иностранных дел Российской империи

1 (14) июля 1906 г. № 491. В ней говорилось: «В виду особого положения дел в южной Маньчжурии (переданной по условиям Портсмутского мира от 23 августа 1905 г. от России Японии) я находил бы настоятельно организовать там правильную агентуру, которая окажет нам особую пользу в настоящее время до назначения в Мукден нашего консульского представителя, а впоследствии будет оказывать несомненно услуги последнему. Позволяю себе доложить Ваш Высокопревосходительству, что для исполнения обязанностей агента в Мукдене я имею в виду надежного Китайца, хорошо мне рекомендованного с разных сторон. Для отводки глаз Китайцу этому необходимо было бы открыть небольшое фотографическое заведение, на что потребовалось бы единовременно до 3 000 руб. Затем ежемесячные расходы на эту агентуру не превысили бы 300 руб.»².

Министр финансов Российской империи В. Н. Коковцев в секретном письме от 14 августа 1906 г. сообщил министру иностранных дел А. П. Извольскому: «Государь Император по всеподданнейшему докладу моему от 11 августа Высочайше соизволил

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2095. Л. 27об.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1902-06. Оп. 491. Д. 3064. Л. 2.

отпустить из средств Государственного казначейства 4 000 руб. на известное его императорскому величеству употребление. Сделано распоряжение об открытии к смете МИДа 1906 г. особым последним пунктом кредита в 4 000 руб. на вышеуказанную надобность. Что же касается дальнейшего ассигнования кредитов на указанные в означенном письме расходы, то таковые будут опускаться Министерством Финансов в размерах, не свыше приведенных в означенном письме, по мере надобности»¹.

Министерство иностранных дел по этим «сверхрасходам» обратилось в Министерство финансов Российской империи уже в секретном письме от 27 ноября 1906 г. № 85. В нем испрашивался вексель на сумму в 428 английских фунтов на секретные расходы Императорской миссии в Пекине².

Впоследствии, русский посол в Китае (1905–1908 гг.) Дмитрий Дмитриевич Покотилов на основании соответствующей инициативы Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов Министерства внутренних дел Российской империи разрешил секретными распоряжениями от 23 декабря 1906 г. и 2 января 1907 г. открыть при посольстве и консульских учреждениях России в Китае «секретные агентурные миссии».

После Русско-японской войны в Китае складывается несколько видов агентурных аппаратов. Первый вид стали создавать военные Российской империи в Китае, действующие при консульствах. Второй – чиновники гражданских ведомств, пребывавших в Китае: Генеральный консул в Шанхае, действительный статский советник А. И. Павлов и член правления Русско-китайского банка статский советник Л. Ф. Давыдов, которые сумели в начале XX в. создать разветвленную сеть тайных агентов в южном Китае. Именно завербованные А. И. Павловым французские граждане оказывали содействие 2-й Тихоокеанской эскадре, перед Цусимой базировавшейся на стоянках французского Индокита. Интернированные в портах Китая офицеры 1-й Тихоокеанской эскадры переправлялись агентами Министерства финансов Российской империи на суда 2-й Тихоокеанской эскадры, стоявшей на рейде Сайгона.

В 1906 г. А. И. Павлов передал свою агентурную сеть Льву Викторовичу фон Гойеру. К началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. тот уже успел поработать несколько лет в Японии вместе с военным агентом России в Японии Л. Ф. Давыдовым, во время войны, будучи титулярным советником, работал в шанхай-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1902-06. Оп. 491. Д. 3064. Л. 5.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. 1902-06. Оп. 491. Д. 3064. Л. 8.

ской агентуре А. И. Павлова. Шанхайская агентура управлялась Л. В. фон Гойером до 1909 г.

Однако первые донесения секретных агентов шанхайской агентуры мы можем фиксировать в архивах только от 18 апреля и 1 мая 1909 г.

Так, в Архиве внешней политики Российской империи отложилось следующее сообщение: «Ныне уезжая из Шанхая на несколько месяцев я имею ввиду не столько себя самого, сколько всякого, кто руководил бы делами агентуры и занял бы здесь положение, которое я занял в течение 2,5 лет (т. е с декабря 1906 г. – Прим. автора). Заведывание секретной агентурой и добывание сведений сопряжено с целым рядом личных расходов, независимо от найма агентов, которые желательно было бы покрывать из специальных средств агентуры. Миссия (в Пекине. – Прим. автора) ставит в распоряжение агентуры 3 250 мексиканских долларов в месяц и 1 000 долларов в год. Руководствуясь телеграммой Д. Д. Покотилова от 23 декабря 1906 г. и 2 января 1907 г. из этих денег покрываются расходы по субсидии печати и содержанию агентуры японской и китайской, а также по уплатам Д. М. Позднееву. Кроме уплат жалований и вознаграждений агентам из этих денег покрывались расходы чисто служебные: как по поездки по делам агентуры и абонементы газет и канцелярия. Содержание агента стоит 8 000 руб. в год или 630 рублей в месяц¹.

Нужны расходы на представительство на перепроверку сообщений. Агент в Шанхае должен быть знаком со всеми консулами и представителями других стран, с директорами банков, с хозяевами и доверенными больших фирм, с чиновниками таможни, агент должен быть членом важнейших клубов. Где изыскать средства? Два секретных агента в Шанхае М. и Л., один получает 300 долларов в месяц. Большие расходы у него на обеды, приглашения в театр и пр. около 700 руб.²

Таким образом мне кажется разрешение агенту тратить 2 000 долларов в год на добывание сведений и предоставление этой суммы в его распоряжение (обычно 670 долларов на разное представительство) облегчило бы работу»³.

В документах АВПРИ, в той же папке, передаваемое по дипломатическим каналам сообщение от 13–26 мая 1909 г. № 37, содержит следующую информацию: «Пришло 9 858 долларов 47 центов на покрытие расходов агентуры. Фон Гойер, сдавая мне агентуру и знакомя меня со способами своих разведок, говорил об ассигно-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 490. Л. 138–139.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 490. Л. 140.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 490. Л. 142.

вании 19 000 руб. в год. Таким образом 21 040 долларов в распоряжении миссии есть следующие агенты: китайские корреспонденты в Нанкине, Учане и Кантоне по 80 долларов в месяц; агент В. завербован Гойером на телеграфе 300 долларов в месяц; агент В. — на отчисление; агент Ф. — 290 долларов; агент Хр. отправленный мной в Корею — 400, итого 1 230 долларов в месяц¹.

Затем Л. фон Гойер снова был агентом Министерства финансов, работал сначала в Китае, потом в Японии (снабжал сведениями Отдельный корпус пограничной стражи, подчиненный тогда Министерству финансов Российской империи), где успешно занимался сбором разного рода сведений в интересах своего ведомства.

Тем временем борьба с политической преступностью в России показала, что без хорошо налаженного заграничного аппарата все усилия органов безопасности внутри государства обречены на провал. Без органов политической разведки вести борьбу с противником, который действовал не только внутри России, но и за ее пределами, свободно перемещаясь по всей политической карте мира, было невозможно.

Изучение архивных материалов показывает, что в начале XX в. особым отделом Департамента полиции МВД Российской империи была создана политическая заграничная агентура, которая имела свой центр в Париже и разветвления в Италии, Швейцарии, Англии, Скандинавии (до войны и во вражеских странах (Германии, Австро-Венгрии), а также в Канаде).

Такой же заграничный аппарат был создан и в странах Дальнего Востока. Первым формировать его стало жандармское управление Владивостокской крепости в декабре 1906 г. Этот местный орган политического сыска подчинялся жандармско-полицейскому управлению Уссурийской железной дороги, а тот в свою очередь Иркутскому губернскому жандармскому управлению (далее — ИГЖУ). ИГЖУ же в оперативном плане подчинялось Департаменту полиции МВД Российской империи, который и предписывал местным органам правопорядка заниматься розыском революционных организаций и отдельных революционеров как с помощью как наружного наблюдения, так и внедрения секретной агентуры в антиправительственную среду.

В декабре 1906 г. было предписано создать сеть из секретных сотрудников, внедренных в революционные организации, действовавшие на территории сопредельных Российской империи стран.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 490. Л. 167.

Здесь большую роль сыграло образованное в г. Владивостоке охранное отделение, которое распространяло свои полномочия за пределы г. Владивостока, на Китай и Японию.

Министерство внутренних дел в 1907 г. признало необходимым учредить в г. Владивостоке охранное отделение. Охранные отделения представляли собой отдельные розыскные органы, проводящие негласные оперативно-розыскные мероприятия по делам о государственных преступлениях. Чины общей полиции, получая из негласного источника сведения, относящиеся к политическому розыску, сообщали их начальнику охранного отделения¹.

Для местного розыска были учреждены розыскные пункты в городах: Хабаровске, Благовещенске и Никольск-Уссурийском. Заведующие этими розыскными пунктами обязаны были руководствоваться указаниями начальника Владивостокского охранного отделения. Причем в обязанности заведующих указанными пунктами офицеров входило и производство дознаний как по собственной инициативе, так и по сообщениям начальника Владивостокского охранного отделения².

Начальники охранных отделений имели доступ к документам губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог, их агентуре и т. д.³

Начальник Владивостокского Охранного отделения, по совместительству являвшийся также начальником Владивостокской крепостной жандармской команды, ротмистр Вячеслав Капитонович Петров, за неимением секретных сотрудников, решил отправить в Японию местного агента Илью Никифоровича Демьяненко, 1884 г. рождения.

И. Н. Демьяненко, прибыв в Нагасаки, устроился там работать паспортистом. Там он установил контакт с представителями партии социалистов-революционеров, проживавших в Японии и стал активно «помогать» им в получении фальшивых паспортов для проезда по России. Неудивительно, что по этим паспортам впоследствии полиция задерживала революционеров в России.

Агентурную работу И. Н. Демьяненко высоко оценивал военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг, который в рапорте директору департамента полиции М. И. Трусевичу писал: «Агент в Японии – знающий и очень благонадежный человек, поэтому

¹Филер – наружный агент тайной полиции (охранки).

²РГИА ДВ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 119.

³Гурлев И. В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи (1826–1917 гг.) // Власть. 2017. № 7. С. 145–146.

передвижения всех подозрительных лиц нам известны, арест видного революционера Алексеевского доказывает деятельность агента»¹.

Однако чрезмерная инициативность привела этого агента к краху, он предложил уже новому начальнику Владивостокского охранного отделения Ю. М. Гириловичу для ликвидации революционной организации в Японии устроить провокацию: взорвать от ее имени бомбу, что повлекло бы арест российских революционеров в Нагасаки силами японской полиции.

Подполковник жандармского отдельного корпуса Ю. М. Гирилович по неопытности сообщил о предложении агента руководству Департамента полиции и жандармского корпуса, в результате чего по инициативе начальства, пришедшего в негодования от подобной инициативы, подполковника отстранили от должности, а агента отозвали из Японии.

Как видно из архивных материалов 3 апреля 1909 г. ротмистр И. Е. Хуциев, новый начальник Охранного отделения Владивостокской крепости, получил от директора Департамента полиции М. И. Трусевича указание выделить из «сумм, отпущенных на агентурные расходы», бывшему сотруднику Охранного отделения Владивостокской крепости Демьяненко 200 руб. на переезд из Шанхая». Но кроме этого указания на стол начальника Охранного отделения легла секретная телеграмма за №126875: «Бывший сотрудник охранного отделения Илья Демьяненко хоть и оправдан судом за соучастие в деле подполковника Заварицкого (о провокации вооруженного мятежа на миноносцах во Владивостоке), он ни в коем случае не должен быть допущен к оставлению по службе при Охранном отделении в виду уличения в провокации и шантаже. Подпись: М. И. Трусевич»².

Так была поставлена точка в служебной карьере секретного агента охраны в Нагасаки и Шанхае.

Как мы можем судить, агенты охранного отделения должны были работать в основном по революционным организациям.

Так, отдельного корпуса жандармов ротмистр Ивановский из Хабаровского розыскного пункта сообщал 28 декабря 1912 г. в Иркутское губернское жандармское управление, что им «приобретен секретный сотрудник партии социалистов-революционеров под кличкой "Воробьев". Вознаграждение за услуги ему не было определено, а будет установлено в зависимости от полезности сообщаемых им сведений в размере от 25 руб. до 50 руб. за раз (т. н. агент-штуч-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 893. Л. 24.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 893. Л. 28–29.

ник). "Воробьев" действовал не только на территории Российской империи, но и Китая, доставляя оттуда запрещенную литературу»¹.

На 9 января 1913 г. в Хабаровском розыском пункте числилась следующая агентура: «Александров», социал-революционер, сдельщик; «Амурский» и «Петровский» – секретная цензура, первый получал 25 руб. в месяц жалования, второй – 10 руб.; «Варфоломеев» – социал-демократ, 50 руб. жалования; «Воробьев» – социал-революционер, уже числился с жалованием в 25 руб. в месяц. Вспомогательные агенты: «Верхний» – социал-демократическая партия, 50 руб. в месяц; «Успенский» – «военная организация», сдельщик².

Однако некоторые агенты оказывались абсолютно негодны к своей работе.

Так, уже 10 марта 1913 г. в донесении в Иркутск за № 411 Ивановский писал: «Состоящий у меня секретный сотрудник по партии социалистов-революционеров под кличкой "Воробьев" – мещанин города Сердобска Саратовской губернии Василий Михайлович Курчавов оказался незаслуживающим доверия вследствие склонности ко лжи и шантажу. Вследствие этого сношения с ним прекращены, и 12 февраля Курчавов был подвергнут в порядке 21 ст. Положения о Государственной охране обыску. Вместе с Курчавовым были обысканы и лица, отмеченные наружным наблюдением как имеющие с ним сношения, а именно: крестьянин Орловской губернии, Брянского уезда Алексей Гергиевич Дудевский, казачка Михайлово-Семеновского станичного округа Мария Степановна Пожарская, конторщик Уссурийской железной дороги, потомственный почетный гражданин Сергей Николаевич Протопопов, проживающий в квартире полковника, начальника станции Хабаровск Вардья и крестьянин Курской губернии Старковского уезда Тарас Семенович Долженков. Все эти лица ввиду безрезультатности обыска (по подозрению в контрабанде алкогольной продукции из Китая) оставлены на свободе.

Приметы Курчавова: 23–24 лет, выше среднего сложения, сутуловатый, темный шатен, усы маленькие, чуть пробиваются, бороды нет, глаза серые, голос хриплый, одевается как рабочий. Копия на Владивостокское охранное отделение от 10.03.1913 № 412»³.

14 мая 1913 г. в донесении в Иркутское губернское жандармское управление за № 802 ротмистр Ивановский сообщал, что им принят на службу бывший сотрудник Владивостокского охранного отделе-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 764. Л. 1.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 764. Л. 2–3.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 764. Л. 4.

ния по партии социал-демократов «Федотов» с окладом жалования в 50 руб. в месяц. Он должен был освещать настроения матросов и мастеровых Амурской речной флотилии, базировавшейся в деревне Осиповке Хабаровского уезда. В то время по Амурской флотилии работали агент «Шарик» – штучник и агент «Павлов», также получавший деньги сдельно.

В отношении контактов за границей (Китаем) работал агент «Федоров», зачисленный как освещавший ситуацию по партии социал-демократов и находившийся на пограничной станции Корфская. Он также работал сдельно¹.

Итак, функции МВД Российской империи и подчиненного ему жандармско-полицейского управления КВЖД и Владивостокского охранного отделения, осуществлявших активную агентурную работу за границей на Дальнем Востоке, были до Первой мировой войны не определены и размыты. Они должны были действовать как в отношении всех зафиксированных агентурой уголовных, так и государственных преступлений или потенциальных преступных посягательств. Важную роль при организации оперативно-розыскной работы в Маньчжурии играл Департамент полиции, который в МВД Российской империи руководил всеми сыскными и охранными подразделениями. Заграничных агентов имело Владивостокское охранное отделение и ее розыскной пункт в Хабаровске.

Обязанность иметь секретную агентуру в жандармско-полицейских управлениях (далее – ЖПУ) железных дорог в России вынашивалась длительное время. Однако только в 1906 г., как было сказано выше, такое разрешение получили ЖПУ в целом и ЖПУ КВЖД в частности. Помимо этих подразделений МВД Российской империи в Китае в начале XX в. агентурной работой и формированием аппарата негласных осведомителей были заняты и иные министерства Российской империи: иностранных дел, военное, финансов. Для связи использовались консульства России в Китае и посольство России в Пекине.

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 764. Л. 9.

Глава 2. Агентурная работа ведомств Российской империи по сбору информации военно-политического характера в Китае и Монголии

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. российскими властями были предприняты все меры по усилению разведывательной и контрразведывательной деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи (далее – ОКПС), который в то время подчинялся Министерству финансов. Донесения разведки ОКПС Заамурского округа за 1907 г. показывают, что агентура занималась выявлением всех видов преступлений (как государственной, так и общеуголовной направленности) в российском приграничьи.

Так, ОКПС Заамурского округа передала в ведение жандармско-полицейских управлений КВЖД и Уссурийской железной дороги информацию о функционировании японских разведывательных бюро в полосе отчуждения этих коммуникационных линий¹.

Разведка от 12 июня 1909 г. за № 27 сообщала: «Установлено, что куаченцзское отделение старается всеми силами собрать точные сведения: 1) об организации, численности и личном составе нашей полиции в полосе отчуждения; 2) то же о судебных учреждениях»².

С созданием в середине декабря 1911 г. региональных контрразведывательных отделов, ориентированных на работу в регионе (Иркутского и Хабаровского КРО) ОКПС стал взаимодействовать и с армейской контрразведкой, которая также находилась в ведении двух органов государственной власти Российской империи: министерства внутренних дел (Отдельного корпуса жандармов) и военного министерства. В этом направлении наиболее интенсивно шла работа по проверкам японских домов терпимости в приграничной зоне. Так, на станции Маньчжурия действовал публичный дом Накамуры Оки. Он представлял из себя тайное место для свиданий японских разведчиков перед отправкой в Россию³.

В фондах Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) (Фонд Китайский стол. Опись 491. Дело 3162) содержатся отпечатанные в типографии штаба Заамурского округа пограничной стражи секретные бюллетени «Разведка Заамурского округа пограничной стражи» за 1910–1917 гг. Эти бюллетени представляют собой сводную аналитическую записку по поступившим агентурным сообщениям. Содержание бюллетеня позволяет понять,

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 77.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 222.

на какой объект была нацелена агентура штаба Заамурского пограничного округа в тот или иной период времени.

Бюллетень от 4 января 1910 г. «Мероприятия китайского правительства в Монголии»¹; от 15 января 1910 г. «Китайские войска»²; от 6 февраля 1910 г. «Китайские войска»³; от 11 марта 1914 г. «Войска Мукденской провинции»⁴; от 19 марта 1914 г. «Хунхузы за время с 14 ноября 1913 г. по 25 февраля 1914 г.»⁵; от 21 марта 1914 г. «Политическое и хунхузское брожение в Южной Маньчжурии»⁶; от 22 марта 1914 г. «Хулунбуирский округ. Перечень концессий горных, рыбных и лесных богатств в Хулунбуирском округе к 20 января 1914 г. по официальным данным Хайларского амбана»⁷; от 26 мая 1916 г. «Поездка монгольского посольства в Пекин»⁸.

Как мы видим, штаб Заамурского округа пограничной стражи интересовали различные задачи военно-политического и правоохранительного содержания.

Примером сбора информации военно-политического характера является разведбюллетень штаба Заамурского округа пограничной стражи № 33 от 5 октября 1916 г.

В нем говорится, что в конце августа последовало разрешение правительства на формирование 4-й Гиринской смешанной бригады. Бригаду намечено сформировать в составе 3 инов (батальонов) пехоты и 3 инов кавалерии, для чего потребуется набрать 7 тысяч человек.

Согласно агентурным сведениям состоялись назначения высших чинов новой бригады: начальником бригады назначен Жэнь Фуюань, адъютантом бригады – майор Чжан Шушэнь, делопроизводителем по строевой части – Лу Кушьшань, командиром пехотного полка – Цао Чжигань, полковым инструктором – Чжао Юбин, делопроизводителем – Дун Фынгэ, командиром 1-го ина – Ван Линцян, 2-го ина – Се Цзяшэнь, 3-го ина – Лю Шунхэ, конного полка – Чжан Дэхай⁹.

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 2.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 3.

³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 4.

⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 7.

⁵ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 8.

⁶ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 10.

⁷ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 11.

⁸ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д. 3162. Л. 16.

⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 55.

Потери китайских войск в столкновениях с монгольскими повстанцами были следующие: из 2-го конного ина выбыло убитыми 120 человек, ранеными – 60, из 3-го ина 105 пехотного полка 27-й дивизии убитыми 150 человек, ранеными – 38; из частей 28-й дивизии 50 убито и ранено 60.

При описании японо-китайских отношений в разведсправке отмечались факты розни и даже взаимных убийств представителей двух стран, случаи разграбления китайцами японских лавочек, торгующих морфием, описан факт грабежа японского часовщика Иосида, подкидывания китайцами бомбы к японскому консульству в Чаньчуне.

Подчеркивалось в справке, что в последнее время в китайских газетах размещались статьи, направленные против русских. О наиме китайских рабочих появилась статья от 15 сентября в газете «Шэнцзиншибао». Там найм китайских рабочих на работы в России подавался как продажа людей в рабство. Отмечалось, что бывший часньчунский даоинь (градоначальник) Чай Вэнтунь по делу найма рабочих судом приговорен к лишению права состоять на государственной службе в течение 4 лет за взятки от русских вербовщиков¹.

Однако сбор сведений винено-политического характера не всегда был успешен. Пример этого – во взаимоотношениях агентуры штаба Заамурского округа пограничной стражи и монгольского вождя Бабучжаба.

Впервые сведения о попытках монгольского вождя Бабучжаба образовать антикитайское княжество во Внутренней Монголии появились в донесениях российского вице-консульства в Хайларе в императорскую (российскую) миссию в Пекине в сентябре 1915 г.

Так, в донесении от 29 сентября 1915 г. за № 168 говорилось, что по полученным секретным сведениям, собранным агентурой Заамурского округа пограничной стражи, японцы предоставляли Бабучжабу оружие, кроме того, командировали к нему с десятков советников и инструкторов. Как оружие, так и японцы должны были прибыть в Хайлар примерно в половины октября вместе с выехавшим ранее от Бабучжаба в Японию чиновником Таса-Шубу, из перехваченного письма которого к Бабучжабу и заимствованы были эти сведения.

В Японии тогда, по сообщению вице-консульства, проживал находящийся в изгнании бывший губернатор провинции Ганьсу Шэн Юнь. Таса-Шубу виделся с Шэн Юнем и вошел с ним в какое-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 86.

то соглашение. Возможно, предполагал вице-консул, соглашение это касалось подготавливающегося восстания Бабучжаба против Китайской республики, в котором японцы планировали принять участие¹.

Эту информацию косвенно подтверждал в своей секретной телеграмме от 12 октября 1915 г. № 242 Миллер (дипломатический агент в Монголии), адресованной посланнику России в Пекине В. Н. Крупенскому. В ней говорилось, что по циркулирующим в Урге слухам находившийся в Японии Шэнь Юнь доставил будто бы через посредство японского правительства монголу Бабучжабу значительное количество оружия и патронов для похода во Внутреннюю Монголию².

Более развернутая информация содержится в секретной телеграмме российского дипломатического агента в Монголии от 13 октября 1915 г. за № 247. В ней говорится, что миссия возвратившегося в Ургу Дамдин-Суруна не увенчалась успехом вследствие обещанной будто бы Бабучжабу японским правительством присылке оружия. Автономное правительство (Внешней Монголии), ходатайствовало перед российским правительством о недопущении вооружения японцами упомянутого монгола, если не будет гарантирована безопасность автономной Монголии, как государственного образования, находящегося под российской защитой. Правители Внешней Монголии, видя угрозу в монгольском же восстании, во Внутренней Монголии провели мобилизацию около двух тысяч солдат. В предвидении возможных осложнений на границах монгольское правительство было вынуждено заняться поисками займа для восполнения планируемых военных приготовлений³.

Секретная телеграмма посланника в Пекине от 16 октября 1915 г. за № 617 сообщала, что министр иностранных дел Китая предупредил его, что ввиду враждебных намерений Бабучжаба китайское правительство отправляет против него карательную экспедицию, которая однако не коснется территории ни Халхи (Северной Монголии), ни Барги (Восточной Монголии)⁴.

Таким образом, российские дипломатические представители как во Внешней, так и Внутренней Монголии, зафиксировали антикитайское движение среди монголов, отметили, что официальная Урга в отношении этого восстания заняла отрицательную позицию.

¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 2.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 3.

³ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 4.

⁴ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 5.

Отмечалась и японская поддержка антикитайского движения во Внутренней Монголии.

Однако агентурная сеть Отдельного корпуса пограничной стражи, равно как и жандармско-полицейского управления КВЖД, стала жертвой одной крупной политической мистификации.

Шифрованная телеграмма из Харбина от начальника Заамурского округа на имя командира Корпуса за № 1058, поданная 21 октября 1915 г. в 4 часа 58 минут пополудни, полученная 22 октября 1915 г. в 3 часа 45 минут пополудни, содержала следующие сведения: «От гуна Бубуджаба получены сведения о появлении партии германцев силой 100 человек, направляющихся из Пекина через ставку Хошун Цзунь Хгинь к линии дороги, охрана усилена, высланы конные разъезды окрестностях Хингана, Хайлара и Фуляэрд. Дешифровал Переверзев»¹.

В условиях Первой мировой войны (1914–1918 гг.) лидер монгольских повстанцев из Внутренней Монголии Бабучжаб попытался под предлогом противодействия совместным операциям, будто бы германцев и китайцев, заручиться поддержкой российских властей, распротраняя слухи о своем вооруженном конфликте с германцами.

Так, в секретной телеграмме вице-консульства в Хайларе от 1 ноября 1915 г. № 214 говорилось, что по сведениям от Бабучжаба немецкий разъезд в княжестве Абаганар был встречен его разведывательным отрядом, который подвергся обстрелу немцев, причем убито было семь монгол. Немецкий отряд был численностью более ста человек; из них – 70 немцев, остальные – китайские солдаты. После этого немцы повернули на Калган. Вслед за ними на Калганской дороге появился большой китайский отряд, который по соединению с китайскими отрядами из Линьсяня и Таонаньфу напал на Бабучжаба 19 октября. В происшедшем сражении будто бы было убито около трехсот китайцев, потери же монгол, со слов Бабучжаба, были незначительны. Бабучжаб убедительно просил снабдить его патронами трехлинейных винтовок, которых у него около пяти тысяч².

9 ноября 1915 г. в 4 часа пополудни в Петроград из Харбина была направлена шифрованная телеграмма, получена и дешифрована 10 ноября 1915 г. в 1 час пополудни. Телеграмма эта шла от начальника Заамурского округа пограничной стражи на имя командира корпуса пограничной стражи за №1108: «Дополнение

¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 8.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 10.

телеграммы № 1058 доношу: гун Бабуджаб сообщил о появлении в княжестве Абаганском немецкого отряда силой 100 человек, из которых немцев 70. После перестрелки с солдатами Бабуджаба немцы повернули на Калган, вслед за немцами подошел к ставке Бабуджаба китайский отряд, в перестрелки с ним убито монгол – 20, китайцев – 300. Бабуджаб едет в Хайлар просит помочь ему патронами. Из запаса в пулеметных взводах возможно дать ему несколько тысяч под видом возмещения израсходованных в стычке с немцами»¹.

По поводу боевых действий Бабучжаба против германского отряда секретная агентура ОКПС сообщала, что отряд Бабучжаба действительно имел столкновение с партией в 40 иностранцев неизвестной национальности, причем было убито 11 монголов. Иностранная экспедиция затем будто бы пошла на север по направлению к Хайлару или Маньчжурии².

Главное управление Генерального штаба (далее – ГУГШ), 2-е обер-квартирмейстерство 15 ноября 1915 г. за № 11336 сообщало в 4-й политический отдел (Дальний Восток) МИД Российской империи, что так как Бабуджаб столкнулся с немецким отрядом, который направлялся, по-видимому, к линии российской железной дороги, а также имея в виду, что означенный Бабуджаб уже ранее оказал России услугу, не допустив партию германского военного агента фон Паппенгейма в российские пределы, со своей стороны ГУГШ не видел препятствий к отпуску из запасов Военного ведомства России 25 000 патронов, если бы МИД России со своей стороны признало полезным оказать поддержку Бабуджабу. Подписал письмо генерал-майор Леонтьев³.

Военное ведомство решило поддержать Бабучжаба по инициативе Министерства финансов, а именно Отдельного корпуса пограничной стражи. Так, «спешное секретное письмо» начальника Штаба ОКПС от 10 ноября 1915 г. за № 600 в ГУГШ содержало просьбу о передаче 25 000 патронов «гуну Бабуджабу»⁴.

Эти сведения о будто бы случившемся боестолкновении монгольского и германского отряда привели к тому, что появилось даже «доверительное письмо» от 27 ноября 1915 г. за № 145720 министра внутренних дел (А. Н. Хвостова) к министру иностранных дел (С. Д. Сазонову). Получено и зарегистрировано от 4 декабря 1915 г.

¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 17.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 45.

³ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 21.

⁴ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 22.

В нем говорилось: «По поступившим в мое распоряжение сведениям в монгольском княжестве Абогунар 19 минувшего октября произошла перестрелка монголов с соединенным отрядом германцев и китайцев, а затем бой с отрядом одних китайцев при следующих обстоятельствах. Монгольский князь Бабуджаб, получив сведения о появлении в названном выше княжестве немецкого отряда, 19 октября выслал разведочный отряд из монгол, который действительно встретил отряд, состоящий из 70 немцев и 30 китайцев, и подвергся со стороны последнего обстрелу, причем монголы заставили немцев отойти на Калагунскую дорогу, с потерей семи человек убитыми. Вслед за отступившим немецким отрядом на стороне Калагунской дороги появился большой отряд китайских войск, с которым и вступил в бой прибывший на место сам князь Бабуджаб. В этом бою китайцы потеряли 300 человек убитыми, у монгола же убыль оказалась незначительной. По имеющимся сведениям, появившийся в Монголии германский отряд сформирован немцами с целью порчи полотна и сооружений Китайской Восточной Железной Дороги»¹.

Однако против инициативы вице-консула в Хайларе, Заамурского округа ОКПС и Военного министерства выступил посланник России в Пекине.

В секретной телеграмме В. Н. Крупенского заведующему МИД Анатолию Анатольевичу Нератову Пекин 18 ноября 1915 г. за № 396 говорилось: «Я не преминул проверить в Пекине, насколько справедливы сведения Бабужаба о присутствии во Внутренней Монголии германского отряда, как-то доносил, со слов названного монгола, императорский вице-консул в Хайларе. Вместе с тем мной для этой цели были посланы с нарочитым письмом к заслуживающим доверия монголам с просьбой проверить этот слух. По получении ответов на оные можно будет составить определенное мнение на этот счет, и я не замедлю сообщить Вам таковое. Пока же, насколько можно судить из собранных здесь данных, сообщение Бабужаба не подтверждается и можно скорее предполагать, что оно является вымышленным, причем оно вероятно имело целью побудить нас к снабжению его оружием для истребления, по-прежнему примеру, немцев, между тем как на самом деле таковое послужило бы ему для его борьбы с китайцами»².

Как свидетельствует рапорт полицейского надзирателя Н. Подопригора на имя помощника начальника 1-го отделения

¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 50.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 27.

Полицейского надзора ЖПУ КВЖД от 2 декабря 1916 г. проводило расследование этого дела и жандармско-полицейское управление КВЖД, которое к сожалению, тоже ограничилось поверхностным опросом заинтересованных лиц.

Полицейский надзиратель был командирован распоряжением Начальника 1-го отделения Полицейского надзора ЖПУ КВЖД «...для розыска похищенного у концессионера Шевченко 80 лошадей и их похитителей, а также для установления присутствия в Монголии германцев и этапов бежавших военнопленных».

Выехав 20 октября 1916 г. из Хайлара в Монголию Н. Подопригора следов похищенных лошадей там не обнаружил, но в Халхе встретился с хайларскими купцами Побержанским, Мееровичами: Моисеем и Абрамом и Евсеем Зоттом, гнавшими в Россию гурт скота. Один из них, а именно Зотт, сообщил полицейскому надзирателю, что он, будучи в Белине Сумане от Халхи верстах в 250, слышал от монгольских солдат, что где-то в Монголии путешествовали немцы под видом китайских купцов, и что они направлялись в Хулуьбуирский округ. Получив эти сведения, полицейский решил их проверить. Прибыв в Белин Суман, он нашел там штаб войск Бабучжаба и узнал там от монгол следующее:

1. В район Бандит Гегена в 850–900 верстах от Хайлара находится будто бы отряд китайских войск в 80 человек, меж ними 30 человек германцев;

2. В октябре 1916 г. другой отряд германцев в числе 70 человек двигался к линии железной дороги через большой Узумчин на Халху, но наткнулся на разъезд войск Бабучжаба в районе Дархан хошуна, и после перестрелки с ним вернулся и направился в обход по направлению к Цицикару под прикрытием китайских войск. Германцы эти в отряде китайских войск следовали под видом китайских маркитантов, но были основательно вооружены. Правильность этих сведений, помимо монгола, Н. Подопригоре засвидетельствовали четыре японских офицера, находившихся в отряде Бабучжаба.

Временный заместитель Бабучжаба Цаган-ноен сообщил полицейскому, что он по прошлому примеру и по завету убитого Бабучжаба принимает все меры к поимке находящихся в Монголии германцев, которые вредят русским и их железной дороге и что за вышеуказанными германцами наблюдает его отряд в 100 человек.

Японцев в отряде Бабучжаба находилось, по показаниям Н. Подопригоры, 4 офицера и 30 нижних чинов – топографов и фотографов. Они обслуживали артиллерию отряда – четыре трехдюймовые пушки. Отряд Бабаучжаба в целом состоял из 5–6 тысяч монгол, вооруженных винтовками разных систем и ручными бом-

бами. В то время они планировали передвинуться на стоянку в Старом Хайларе, о чем якобы вели переговоры с Ургинским правительством Внешней Монголии.

При этом Цаган-ноен утверждал, что его поддерживают многие монгольские князья, в частности Югозырь прислал в отряд 300 человек своих солдат, и даже китайские монархисты. Так, по утверждению монгола, китайский отряд войск в 30 000 человек под началом генерала Лю-Чжан-гуйды в местности Дурботы хошун поддержал восстание Бабуджаба.

Что касается бежавших через территорию Монголии в Китай германских военнопленных, то, по мнению Цаган-ноена, им помогал живший в 40 верстах к юго-востоку от Хайлара зажиточный Доли-Сурен, который, по словам монгольского инсургента, к русским относился враждебно¹.

Впоследствии в секретной телеграмме посланника в Пекине от 21 декабря 1916 г. за № 814 говорилось, что по сообщению как монгольских агентов, так и источника, завербованного в руководство китайской армии (совершенно секретного агента), при проверке сведений о китайском карательном отряде во Внутренней Монголии и о появлении во Внутренней Монголии немецкого отряда «...по наведенным им справкам известие это оказалось вымышленным и никаких немцев во Внутренней Монголии не было: по-видимому, слух этот был умышленно пущен Бабучжабом в надежде получить от нас оружие»². Копия секретного агентурного сообщения была сообщена начальнику Управления КВЖД генерал-лейтенанту Дмитрию Леонидовичу Хорвату.

Так, в разведбюллетене № 4 от 31 января 1917 г. докладывала, что по имеющимся у нее сведениям, за последнее время деятельность германских агентов, находящихся в Мукдене и Гиринской провинции, заметно усилилась. Главным центром, из которого давались указания, является Мукден и находящееся там германское консульство, а центром, из которого эти указания агентами выполняются, являлся город Чаньчунь.

Деятельность германских агентов была направлена на:

1. Повреждение наших железных дорог;
2. Возбуждения китайского населения против русских; в частности, агитация среди населения в целях прекращения обращения русских денег в Китае;

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 292.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1915–1916. Оп. 491. Д. 3105. Л. 80.

3. Оказание содействия побегам военнопленных германцев из России и помощи им при их проезде через Маньчжурию.

18 октября 1916 г. произошло нападение китайцев на двух нижних чинов Заамурского округа, находившихся в служебной командировке на станции Уайюань ЮМЖД для закупки для армии мулов.

Выстрелами из револьверов китайские бандиты убили одного и ранили другого сотрудника русской пограничной стражи, а затем хунхузы скрылись. Нападение было организовано германским агентом Стефлером, проживающим в Чаньчуне. Стефлер посылал своих китайцев на север с различными поручениями и оказывал с помощью своей агентуры помощь бежавшим из русского плена германским и австрийским военнопленным.

Кроме Стефлера, по полученным агентурным сведениям, в Чаньчуне проживали следующие германские агенты: Мумме, занимающийся главным образом переотправкой пленных на юг Китая и сбором сведений о деятельности русских, для чего был завербован ряд корейцев в Приморской области; Крогман-Кронштейн руководитель фирмы «Гаодзянхань», скупающей, якобы, волос и щетину для перепродажи на американский рынок, причем в Харбине у него работали некие Либарский и Котович, контрабандисты товаров в Россию и скупщики резины для последующей ее переправки в Германию. Крогман находится в каких-то сношениях с германцем Кордес, за последнее время часто приезжавшим в Чаньчунь.

Указывала агентура штаба Заамурского округа пограничной стражи и на такого авантюриста, как Альфонс Броненгеерт, занимавшегося шпионажем и торговлей опиумом, поддерживающего для этого постоянные сношения с русскоподданными. Некоторые из германцев и австрийцев, проживавших в Чаньчуне, как-то бывший служащий Скидельского – Киль, братья Новотные и Прокеш, оказывали помощь русскоподданным, уклоняющимся от воинской службы после их бегства за границу.

Под подозрением были и проживающие в Чаньчуне Брокенгоф, торговец оружием, действовавший с китайцами Чэнь Би и Лю Лицюань, а также германец по фамилии Готлиб, владевший русским языком, ранее проживавший в Харбине.

Имелись указания, что германцы в Чаньчуне наняли японцев для шпионажа и сбора сведений о перевозе военных грузов в Россию. Один из них, Хираяма, был замечен в деле содействия побегам

пленных германцев, и за это он был выселен из Чаньчуня японскими властями¹.

При задержании в 1916 г. году нижними чинами Заамурского округа в поселке при станции Дуйцыньшань двух офицеров австрийской армии, бежавших из концентрационного лагеря со станции Даурия Забайкальской железной дороги, у них при обыске были найдены записка с надписями, занесенными стенографическим образом и указывающими фамилии и адреса некоторых лиц, проживавших в районе КВЖД. Из этой записки было видно, что лица, оказывающие помощь побегам военнопленных, проживали на станции Хайлар и Куаньченьцзы, причем в их обязанности входило оказывать содействие бегущим военнопленным, движущимся вдоль КВЖД.

По агентурным сведениям были выяснены еще три пути побегов военнопленных из Приамурья в Маньчжурию.

Первый из них шел из Благовещенска по тракту через Мерген на Цицикар, по этому пути уже начали прибывать в Цицикар бежавшие военнопленные, так, 14 января 1917 г. в цицикарское полицейское управление явилось несколько австрийцев, которые заявили, что в июле 1916 г. они были захвачены в плен и размещены в России, а затем, воспользовавшись купанием в реке, офицеры бежали из лагеря в Сибири. Военнопленные были временно размещены в гостинице «Инбинлюйгуань» в северном пригороде Цицикара.

По второму пути военнопленные бежали в уезд Мишаньсян, находившийся на границе выше озера Ханко, где имеется много китайцев, говоривших по-русски, которые стали проводниками для германских и австрийских солдат, направляющихся после побега из военного лагеря в Уссурийске через уезд Мишаньсян в Мулинсянь. Агентура отмечала большое движение по этому пути².

Третий путь начинался из лагеря для военнопленных в Хабаровске, а затем от Амура по реке Сунгари до города Саньсина, откуда далее по реке к Харбину и не доходя до него в сторону на восток от реки через города Биньсян и Ашихэ на Гирин.

Для организации в Саньсине убежища для военнопленных и дальнейшего их отправления германским консулом в Мукдене в начале декабря 1916 г. в Саньсин был командирован известный германский коммерсант Ретгер, часто исполнявший секретные

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 63.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 64.

поручения германского консула, знающий китайский, русский и японский языки, и проживавший в Гирине, где имел торговлю разного рода товарами под «крышей» фирмы «Дэлианхань».

Ретгер на поездку в Саньсин и выполнение своего поручения получил большие средства от германского консульства и ему даны следующие указания: 1) до конца войны находиться в Саньсине; 2) командировать в Хабаровск и нужные пункты агентов-китайцев с целью содействовать побегам военнопленных германцев и австрийцев; 3) в случае окончания войны начать работу в направлении восстановления торговых интересов германцев на Дальнем Востоке России.

Лично при себе Ретгер имел агента-китайца, говорящего по-русски и по-немецки. Немец взял с собой в Саньсин запас статского платья на 40 человек. Проживал он в помещении, принадлежавшем китайской банкирской конторе «Иньчэнь хао», куда привез письмо с просьбой оказать содействие.

Ретгер должен был переправлять бегущих в Гирин в фирму «Дэхэ», принадлежавшую немцу Лютермана, а тот должен был переправлять бегущих в Тяньцзинь¹.

Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи в разведбюллетене № 5 от 8 февраля 1917 г. сообщала, что германцы, живущие в Китае для нанесения вреда России, пользовались местной китайской прессой, широко распространяя всевозможные сведения о России и действиях русских.

Китайские агенты: Ван Юнчжи (Ван Мукунь), проживавший в Фуцзяне (пригород Харбина), бывший редактор русофобской газеты «Синьдунчуйбао», издававшейся в начале войны в Фуцзяне на германские деньги. Когда эта газета была закрыта, то Ван Мукунь организовал газетное агентство «Дунгуйшунсиньшэ» в Фуцзяне и начал посылать свои русофобские статьи в различные газеты Внутреннего Китая и Маньчжурии: «Миньшибао», «Миньсубао», «Синьвэньбао», «Цзичанжибо» и др. И наконец принял живое участие в газете Гирина «Синьгунхэбао», где он писал под псевдонимами «Юнь», «Гуй» и «Ни-гунь» статьи с резкими выпадами против России, освещая положение дел на театре войны в пользу Германии. Материалы для своих статей он получал из Мукдена от китайца Чжан Фушэна, который являлся главным агентом германско-китайского телеграфного агентства. Он же рассылал сво-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 65.

им агентам инструкции, полученные от германского посланника в Пекине через германского консула в Мукдене.

В помощь Ван Кумыню из Мукдена в Фуцзядан был прислан китаец Чжан Шаоянь, брат вышеупомянутого Чжан Фушена. Чжан Шаоянь ранее состоял разбездным агентом у германского консула в Мукдене и неоднократно по его поручениям посещал Харбин.

Перечисленные лица имели тесную связь с проживающим в Харбине китайцем Сунь Дэшэном, занимающим должность начальника лесо-каменного бюро в Харбине. Он заводил знакомства с китайцами, служащими в русских учреждениях.

Совместно с этими китайцами действовали немцы Ридель и Ретгер, проживавшие в Гирине. Они подкупали в Гирине корреспондентов китайских газет для составления статей против России, Японии, их союзников.

Очевидно германцы придавали такой газетной кампании против России большое значение, так как за помещение соответствующей статьи в китайских газетах они платили очень щедро. Так, в конце декабря 1916 г. редакции газеты «Дунсаньшэньчжэнжибао» – 500 долларов, а редактору газеты «Тайдунжибао» – 300 долларов¹.

В статьях говорилось, что Россия, потерпевшая за последнее время поражения, не в силах уже продолжать войну и поэтому заявила своим союзникам Англии и Франции, что необходимо заключить мир, и несмотря на старания последних удержать Россию от этого, все же просит мира у Германии, уступая ей часть своей территории. Кроме того, русские кредитки выпускаются без ограничения, их выпущено 10 млрд, и все они представляют собой из себя негодный хлам, который не будет приниматься во всем мире, поэтому газета призывала китайцев прекратить прием русских денег и перейти в расчете с русскими на доллары.

Китайские власти к агитации германцев против России, производимой на страницах китайских газет, относились безучастно, и лишь когда русские консулы протестовали против слишком резко написанной статьи, делали редакции виновной газеты формальное внушение².

Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи в разведбюллетене № 9 от 3 марта 1917 г. сообщала, что 25 февраля 1917 г. из Бодунэ прибыло в Чаньчунь семь австрийских военнопленных

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 66.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 67.

солдат, бежавших из России. В Чаньчунь эти австрийцы приехали в телеге, запряженной 4 лошадьми, которых приобрели в Монголии. В Чаньчуне они искали Стефлера, но не нашли. Затем они были обнаружены китайской полицией в китайской гостинице, где они остановились. Немцы были арестованы и доставлены в китайский полицейский участок. О появлении австрийцев узнал Стефлер, он бывал у них в участке неоднократно. Хлопотал у китайских властей об их освобождении, но они были отправлены в Гиринский концентрационный лагерь. На вокзале Стефлер дал каждому из военнопленных по 40 долларов на расходы и письма к проживающему в Гирине Фридриху Ретгеру, представителю фирмы «Дэляинхань».

Агентура штаба Заамурского округа пограничной стражи отмечала, что в связи с разрывом дипотношений Китая и Германии консул Германии в Мукдене Витте готовился к переезду в Шанхай. Всю ночь 13 февраля осуществлялась укладка вещей и архива. Однако генерал-губернатор Мукдена Чжан Цзолин просил правительство в Пекине оставить в Маньчжурии германцев, австрийцев и турок. В ответ на это он получил согласие, но правительство Китая попросило генерал-губернатора поставить всех немцев и турок под полицейский надзор¹.

Что касается разведки Военного министерства Российской империи, то она велась в Китае силами штабов приграничных военных округов, а также Главного управления Генерального штаба, которому подчинялся военный агент России в Китае.

В начале 1910 г. Главное управление Генерального штаба командировало на Дальний Восток делопроизводителя 5-го делопроизводства полковника Энкеля для обследования на месте дела агентурной разведки, нацеленной на сбор военной и политической информации. После возвращения из поездки Энкель представил подробный доклад, из которого мы приведем некоторые выдержки.

Во-первых, разведывательная работа штаба Иркутского военного округа осуществлялась окружным генерал-квартирмейстером, который завербовал двух казаков-торговцев, проживавших в Монголии на юге озера Косогол. Кроме того, на связи у подьесаула Тонких, командовавшего охранной сотней Ургинского сотника, было несколько монголов. Монголы были простолюдинами, так как для вербовки монгольских князей банально не было денег. Основными источниками сведений о соседних державах для штаба округа были агентурные аппараты других министерств и ведомств: посланника

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 90.

в Пекине, консулов в Урге, Цицикаре, Гирине и Улясутае, Заамурского округа пограничной стражи и пограничного комиссара в Кяхте. Для оправдания штаба округа отметим, что он получал в год на агентурную разведку лишь 3 000 руб.

Разведывательную работу штаба Приамурского военного округа Энкель признал провальной. Разведка в пограничной с Китаем полосе была возложена руководством военного округа на станичных атаманов Амурского и Уссурийского казачьих войск, но результатов она не приносила. Энкель объяснял это тем, что ведение разведки было вменено казакам в служебную обязанность, но без соответствующего финансового и методического обеспечения. Для сбора сведений по Корее штаб округа завербовал двух корейских эмигрантов, которые по словам проверяющего оказались «для активной разведки за границей непригодными». Один из них бывший переводчик российского консульства в Сеуле, другой – бывший офицер корейской армии. Эти агенты, проживающие во Владивостоке, были втянуты в дела местной корейской общины, чем сообщали ценные сведения в штаб округа в Хабаровск. Штаб округа обменивался материалами со штабом Заамурского округа, консулами в Цицикаре и Гирине, военным агентом в Китае. На дело агентурной разведки штаб Приамурского военного округа получал больше всех – 51 000 руб. в год, но расходовал средства крайне нерационально, на поездки офицеров штаба округа в Маньчжурию. По сведениям Энкеля, у штаба округа сосредоточилось большое число негласных агентов, «работающих совершенно независимо и вне всякой взаимной связи, хотя и преследующих зачастую один и те же задачи». Агенты эти «сплошь и рядом враждуют между собой, стараясь дискредитировать друг друга в глазах соответствующего начальства».

Двойко Энкель характеризовал и агентурную работу Заамурского округа пограничной стражи. Министерство финансов с большой неохотой отпускала в ведение ОКПС финансовые средства «секретного характера». Согласно директивам министра финансов Российской империи необходимо было приобретать агентуру среди китайского населения для предупреждения диверсий на железной дороге от китайских бандитов-хунхузов. Трату же средств на сбор сведений военного характера министр финансов признавал напрасным. От Управления Китайской Восточной железной дороги штаб Заамурского округа пограничной стражи получал ежегодно на ведение агентурной разведки 7 000 руб.

Резидентуры Заамурского округа пограничной стражи были расположены в Мукдене и Куанченцзы, во главе которых стояли

лица, способные к разведке, любящие это дело и знающие китайский язык.

Для обеспечения полной осведомленности о событиях в регионе штаб Заамурского округа пограничной стражи установил обмен сведениями с русским военным агентом в Китае, консулами в Гирине, Цицикаре и Инкоу, со штабами Приамурского и Иркутского военных округов, с Жандармско-полицейским управлением КВЖД.

Помимо исследования монгольского сепаратизма и антикитайского движения среди монгол, разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи была ориентирована на противодействие агентам германской разведки в Китае.

Таким образом, накануне Первой мировой войны был поставлен вопрос о реорганизации агентуры в соседних странах. Начальник Главного управления Генерального штаба предлагал новый план переорганизации всей агентурной службы, создание в странах ряда разведывательных центров в лице офицеров или особо доверенных лиц, как руководителей всех агентурных организаций.

Указанные выше разведывательные центры в целях конспирации и большей свободы действий должны быть организованы, казалось бы, независимо от официальных военных агентов, действующих в иностранной державе.

Руководители разведывательных групп по распоряжению военного министра получали известную самостоятельность в пределах указаний и смет, полученных от Генерального штаба. В отношении вербовки агентов было признано желательным использовать коммерческие и финансовые круги, редакции газет и их корреспондентов.

Для примера агентурной работы военных в Китае опишем деятельность Гиринского разведцентра, обслуживающего 1-е делопроизводство Главного управления Генерального штаба, восток и штаб Заамурского округа пограничной стражи Министерства финансов Российской империи.

24 февраля 1915 г. поступила разведсводка от 21 февраля 1915 г., в которой говорилось о перехваченном секретном донесении местного генерал-губернатора Цзо Цзянь-цзюня. Он отправил секретное отношение на имя Штаба войск Мукденской провинции о том, что по сведению китайских агентов Япония планирует воспользоваться мировой войной и захватить всю Маньчжурию.

На первом этапе реализации своего плана Япония, пользуясь удобным моментом, решила начать торгово-промышленную экспансию в этом регионе Китая. Политическая сторона этого движения была инспирирована Токио в 21 требовании, предъявленном Пекину.

В связи с тем, что Япония предъявила ряд требований к Китайской республике, Цзо цзянь-цзюнь высказывал мнение о неизбежности китайско-японской войны и планировал сформировать в пределах Гиринской провинции группу войск в количестве 30 000 солдат, не считая кадровые части – войска 23-й пехотной дивизии и отряда смешанной бригады, находящейся в Чаньчуне. Войско это Цзо проектировал сосредоточить в южных пределах Гиринской провинции, напротив японских войск, оккупировавших Южно-Маньчжурскую железную дорогу и Ляодунский полуостров, охрану же городов и уездов Гиринской провинции возложить на милиционные войска Китая¹.

Разведсводка от 16 марта 1915 г. сообщала о перехваченном донесении Цзо цзянь-цзюня командиру 23-й пехотной дивизии. В нем говорилось, что Китай соблюдает в мировой войне строгий нейтралитет. В то же время китайские власти получили информацию о планах ряда германских подданных, проживавших в Маньчжурии, произвести повреждения русским железнодорожным коммуникациям. Эти германцы предполагали провести взрывы железнодорожных мостов на линии КВЖД и прочее. Принимая это во внимание, в целях строжайшего сохранения нейтралитета Китайской республики генерал-губернатор просил воинского начальника принять меры к предотвращению подобных диверсионных действий. Цзо указал, что если факт вредных выступлений германцев свершиться, то начальник воинской части, расположенной в местности диверсии, будет привлечен китайской администрацией к ответственности².

Разведсводка от 11 апреля 1915 г. содержала информацию, что приказом по 23-й пехотной дивизии китайской армии было решено взять под охрану мосты на КВЖД, чтобы они не были повреждены джонками китайцев, нанятых германцами для диверсий. Китайским военным было приказано проверить и взять под охрану все мосты по реке Сунгари³.

Сообщалось также, что из Владивостока бежало пять германских пленных офицеров, прибывших в китайский приграничный город Яньцзисянь. Начальник уезда тотчас же сообщил цзянь-цзюню Цзо об этом по телеграфу, доложив, что среди бежавших из русского плена есть военнослужащие с отмороженными ногами и больные. Так как там не было врачей с европейским образова-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 73–76.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 84.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 106.

ем, кроме японцев, китайский чиновник отправил доктора Линь с фармацевтом Ху в означенный город. По донесениям медиков, после предпринятых процедур, здоровье бежавших из плена офицеров улучшилось¹.

В разведсводке отмечалось, что германский подданный, прибывший в Гирин, оказался доктором Леманом из Тяньцзиня. Немец имел удостоверение китайского МИДа на право путешествия по Маньчжурии, это удостоверение было им предъявлено комиссару по дипломатической части Чжилийской провинции. Немец купил лошадь и направился в город Яньцзисянь, его сопровождали китайцы Вэй Милэ и Хай Ши, нанятые им для охраны².

Разведсводка от 26 апреля 1915 г. № 106 сообщала о получении цзянь-цзунем Цзо секретного сообщения из города Даляня (ранее Дальнего), в котором говорилось, что германцами нанят анархист глава Шаньдунского анархического общества «Ся и Туань» по фамилии Лю Тиньхань для диверсий против Японии и России. В Мукденскую и Гиринскую провинции этой партией анархистов отправлены Ечжун Линь и другие революционеры-бомбисты³.

Сообщалось, что китайская разведка в Чаньчуне информировала Цзо что, по их сведениям, из города Таонаньфу в Горлосе проехали три германских подданных, которые наняли хунхуза-монгола То Цзи для диверсии на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД). То Цзи должен был действовать совместно с китайцем-хунхузом Фуй Юйсянем.

Однако при проверки этих сообщений командир 91-го полка в приграничном городе Нингуте сообщил Цзо, что в районе Шитоухэцзы и Модаша хунхузы действовали без участия германских подданных. Хунхузы числом более 100 человек взаимодействовали не с немцами, а с японцами-комиссионерами, которые собственно им и доставляли оружие со станции Гуньчжулинь.

Получив эти сведения, Цзо приказал уничтожить хунхузов, а леса, где они укрывались, вырубить, а также усилить охрану полосы отчуждения КВЖД отрядом стражников в 10 конных и 20 пеших бойцов⁴.

Разведсводка от 25 мая 1915 г. № 115 сообщала, что тайный агент Ван информировал полицмейстера города Гирин что в Гирине на улице Бэйдагай у германского подданного Ретгера проживал

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 107.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 107.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 107.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 118–119.

некий Готлиб, имевший в Харбине торговлю недалеко от торгового дома «Чурин и К.». Там же жил другой немец – Годен. Оба этих германца совершали поездки по Маньчжурии по заданию германской дипломатической миссии в Пекине. Разведчик Чаньчуньской бригады подтвердил это сообщение, отметив, что вышеуказанные немцы собирали сведения о количестве войск КВЖД¹.

Разведсводка от 7 мая 1916 г. № 5 сообщала, что новый Гиринский цзянь-цзунь Мэнь прислал министру финансов секретную телеграмму, в которой информировал, что расход на секретных агентов в Харбине, Хунчуне, Дуньниньсяне и Илансяне, наблюдавших за приезжавшими туда немцами или командированными ими китайцами, для организации и нападения на русскую железную дорогу составил сумму в 18 600 мексиканских (серебряных) долларов. В связи с этим генерал-губернатор просил о возмещении ему суммы и об отпуске аванса на те же расходы в дальнейшем. По сообщению источника на ведение разведки министерство финансов Китая выделило цзянь-цзуню 20 000 мексиканских серебряных долларов².

В разведсводке сообщалось и о докладе начальника Гиринского концентрационного лагеря комиссару по иностранным делам Гиринской провинции. В нем говорилось, что ранее бежавшие из русского плена военнопленные австро-венгерской, германской и турецкой армий были расположены китайскими властями в городах Тяньцзинь, Мукден и Пекин. Через некоторое время они передавались на поруки германским дипломатам в этих городах. Но после принятия решения о создании в Гирине концентрационного лагеря для содержания военнопленных туда было переведено более трех десятков солдат армий центральных держав.

Только за последний месяц в лагерь в Гирине прибыли военнопленные: из китайских приграничных городов: Хунчуна – трое, Дуньниньсяна – один и пять – из Ниньяньсяна.

По сведениям агента, вскоре восемь военнопленных будут отправлены из Гирина в приграничный город Тяньцзинь, где возможно германский консул постарается переправить соотечественников в США.

Источник сообщал, что в лагере в Гирине был больной, который через лечащего его доктора Грейга ходатайствовал у японского консула в Гирине Аmano об его эвакуации по японской железной дороге (Южно-Маньчурской железной дороге). Аmano снесся по этому

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 755. Л. 142.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 75–76.

вопросу с Токио и получил отказ. Тем не менее считающийся большим интернированный пользовался большой свободой в Гирине и большую часть времени жил не в лагере, а у известного немца Луттермана, у которого постоянно питался.

Отмечал источник русской разведки, что проживавшие в Гирине немцы Ретгер и Ридель в середине апреля 1916 г. уехали из Гирина, вызванные телеграммой немецкого посланника в Пекине. Германский дипломат поручил этим двум жителям Гирина заняться скупкой железа, меди и кожи в Мукдене и Тяньцзине. Русская разведка зафиксировала, что немцы вернулись из Пекина со значительной суммой денег и начали часто производить поездки в Чаньчунь, Мукден и другие города Маньчжурии. Все это наталкивало резидентуру в Гирине на предположение, что Луттерман, Ретгер и Ридель выполняют задания германского генерального штаба¹.

Вызывали подозрения факты путешествия немцев с фотографическими аппаратами и вовлечения в торговые сделки значительного числа местных жителей-японцев².

Приводился в разведсводке от 7 мая 1916 г. и текст секретного доклада яньцзинского даоиня. В нем глава уезда докладывал руководству провинции, что в его округе проживало 200 000 корейцев. Многие из них примкнули к тайному корейскому обществу «Пай жидай» (Ненавидящих японцев).

В декабре 1915 г. члены этого общества хотели устроить нападение на японских жандармов в местности Циньшаньлинь. Но попытка эта не удалась благодаря предпринятым мерам со стороны китайских специальных служб и военных. В январе 1916 г. корейские инсургенты собирались поджечь здание японского консульства в Янзиньсяне, однако и эта диверсия была пресечена.

Для обеспечения работы секретных агентов в городах Холинь, Циньцзинь и Хэлуньсянь, наблюдавших за проживающими там корейцами, китайской тайной службой было потрачено 10 000 мексиканских серебряных долларов³.

Сообщалось в разведсводке и о докладе начальника китайской разведки Ланя председателю Гиринской окружной палаты. В этом докладе отмечался ненадлежащий надзор за военнопленными в лагерях Приморской области, случаи пьянства русских карауль-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 77.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 78.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 79.

ных солдат, результатом чего являются частые побеги военнопленных из России в Китай¹.

Китайская разведка отмечала, что в районе Владивостока китайцы сеют мак, выращивают опиум, а русские власти, которые ранее боролись с опиепроизводством, по инициативе Приамурского генерал-губернатора в 1916 г. перестали этого делать².

Разведсводка от 30 мая 1916 г. сообщала, что агент германского генерального штаба Ретгер по-видимому лишился доверия со стороны германских консульских властей. Такой вывод агенты российской разведки сделали из-за того, что немец находился в стесненных материальных условиях и даже был вынужден для подработки преподавать китайским детям в школе немецкий язык. Тем не менее за образом его жизни продолжал осуществляться негласный надзор.

Сообщалось, что в Гирине появился некий китаец Гунь, который служил разведчиком при германском консульстве в Мукдене и был откомандирован в Тяньцзинь. У китайского агента германских властей было оружие и значительные денежные средства. Он был направлен немецким консулом для организации отрядов хунхузов (бандитов) в пограничных с Россией уездах: Дуниньсинь, Хулиньсян, Хэйдиньцзы и Хуньчуньян³.

Хунхузы должны были противодействовать 20 лесным стражникам, нанятым китайскими властями для прочесывания пограничного леса и поимки бежавших с территории России военнопленных. Немцы также спланировали снабдить оружием хунхузов для нападения на русскую железную дорогу.

Так как ранее был создан охранный полицейско-разведывательный отряд для борьбы с диверсиями на КВЖД, китайские власти, получив информацию о миссии Гуня, приказали немедленно командировать достаточное число полицейских и милиционеров из местностей Улиньтунь и Ичисунь для противодействия этой деятельности.

Генерал-губернатор Мэнь также получил от Государственного совета Китайской республики разрешение на установление негласного наблюдения за немцами, проживавшими в Маньчжурии и, если они нарушили китайский нейтралитет, право отправлять их к германскому консулу для последующей депортации из страны⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 80.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 81.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 92.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 93–94.

В разведсводке от 30 мая 1916 г. говорилось о прибытии в конце мая 1916 г. из Мукдена в Чаньчунь двух китайцев – Юйя и Сюйя с двумя японцами. Эти четыре коммивояжера были посланы германской фирмой в Мукдене «Исинь янхан» для покупки старинных вещей в Харбине и Владивостоке.

Однако основная цель была поставлена китайским компаньоном германским консулом в Мукдене – они посланы для разведки вопроса о военнопленных и установления точного количества русских войск в Приморье. Японцы-предприниматели использовались германским консулом и китайцами для отвода глаз¹.

Наконец в разведсводке от 30 мая 1916 г. отмечалось исчерпание средств на содержание Гиринаского лагеря. Комендант израсходовал к маю на содержание военнопленных годовую сумму, отпущенную ему правительством и просил, в связи с этим, сделать лагерь не концентрационным, а пересыльным. Им предлагалось открыть концентрационные лагеря там, где находились германские консулы: в городах Мукден, Тяньцзинь и Пекин².

Разведсводка в Гирине от 20 июня 1916 г. № 7³ содержала информацию, что у немца Луттермана, владевшего в Гирине торговой фирмой «Дэхэянь хань», проживал одно время немец по фамилии в китайской транскрипции «Фэй кэсэ», командированный германским консулом в Мукдене для организации помощи военнопленным и для информирования консула о действиях, предпринимаемых русскими в пограничной зоне. Этот немец сформировал сеть агентов во Владивостоке, Хабаровске, которые пересылали ему в Гирин письма, содержавшие сведения о русских войсках и о положении военнопленных в лагерях русского Дальнего Востока. 18 июня 1916 г. этот немец выехал из Гирина в Мукден. 19 июня 1916 г. его сменил другой немец по фамилии Дудэли. За ним со стороны тайных агентов также был установлен надзор.

Тем временем Гиринаский цзянь-цзунь получил от своего тайного агента из Таонаньфу донесение следующего содержания: «Сюда приехали из Тяньцзиня два европейца в сопровождении четырех китайцев. Европейцы эти выдают себя за англичан. Покупают сало и бараньи меха. По моему мнению, европейцы не похожи на англичан, а скорее на немцев и отправляются в Тяньцзинь». Эта информация также отражена в разведсводке⁴.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 95.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 96.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 101.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 102.

Разведсводка от 25 июня 1916 № 8 сообщала подробности о деятельности агентов германской разведки в зоне русско-китайской границы.

Так, один немец по фамилии «Ми эр» получил в Мукдене от китайских властей «хучжао» (разрешение) на пребывание в Гиринской и Мукденской провинциях. Из Чансуня он направился в уезды Нэньвань и Духэй, где скупал серу и селитру и отправлял их в Мукден¹.

Впоследствии 28 июня 1916 г. проживавший в Гирине немец Риддель передал купленную серу и селитру в Мукдене германскому консулу².

Германский предприниматель Готлиб также привез и передал консулу купленную в Маньчжурии медь. Риддель производил скупку не непосредственно, а через приказчика фирмы «Дэлиянь хань» китаец Цзя Дэчэна.

Бывший компрадор фирмы «Брагенгефт» Ли Цзиньчэнь через своих агентов вошел в переписку с главарем хунхузнической шайки – Вань Лином, действовавшей в окрестностях седьмой станции КВЖД (Силиньхэ), у которого под начальством было 160 человек хунхузов. Кроме того, китайский коммерсант установил контакт с Пао Тоем и Чжан Бо, главарями шайки хунхузов, оперировавшей на пятой станции КВЖД (Пограничная).

У первого из этих главарей в подчинении было более 40 человек, а у второго более 50. Ли Цзиньчэнь снабжал их деньгами с целью подготовки нападения на русскую железную дорогу и порчи ее сооружений.

В разведсводке от 25 июня 1916 г. сообщалось, что в ночь с 7 на 8 июня в Гирин были привезены из Дуинясяна четыре бежавших из России военнопленных – два немца и два австрийца³.

Впоследствии, после взятки от германского консула в Мукдене, 17 июля 1916 г. двое германцев были отправлены из Гирина в Тяньцзинь, до Чаньчуня по железной дороге, а от Чаньчуня до Мукдена на фудутунках (повозках)⁴.

В разведсводке от 25 июня 1916 г. также говорилось, что Гиринский шэнь-чжан (градоначальник) получил от Хунчунского уездного начальника секретное донесение о том, что в местности Хулубэ и Яньтуньланыцзы действовал отряд из 150 хунхузов, нападавших

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 117.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 118.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 119.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 120.

на русские пределы и угонявших русский скот. Русский Южно-уссурийский пограничный комиссар писал ему, что если он своими средствами не может справиться с этими хунхузами, то он готов оказать вооруженную помощь. В связи с этим начальник уезда просил вышестоящее начальство прислать китайские войска для борьбы с хунхузами¹.

2 июля 1916 г. цзянь-цзюнь (генерал-губернатор) предписал по телеграфу начальнику 2-го полка в Хунчуне поймать хунхузов и отобрать у них ранее угнанный у русских скот, который надлежит передать Южно-уссурийскому пограничному комиссару, сообщив ему, что помощь его не требуется.

Впоследствии после ликвидации отряда китайских бандитов при расследовании оказалось, что в данном случае в организации хунхузских выступлений немцы участия не принимали, отобранные же у пойманных хунхузов винтовки были русского производства и куплены бандитами в Ханьдаохэцзы у местных китайских торговцев, скупавших оружие в Приморье у русских солдат на складе².

Разведсводка от 16 августа 1916 г. помимо вышеназванной информации сообщала, что 10 августа в Чаньчунь приехал из Тяньцзиня один немецкий офицер по фамилии «Вэй Бо». У него имелось «хучжао» (разрешение) на право путешествия по Маньчжурии, полученное от китайских властей в Тяньцзине. С этим немцем приехали два китайца. По словам последних цель этой поездки состояла в изучении новых фортификационных сооружений и расположения русских и японских войск в Маньчжурии³.

Разведсводка от 15 сентября 1916 г. за № 10 содержала сведения, что в Чаньчуне на иностранной концессии проживал немец по фамилии «Дэ Маотань», ранее проживавший в Бодунэ. Он получил поручение от германского консула в Мукдене скупать медь. Ему помогали в этом деле несколько японцев. Он часто бывал на японской концессии «Тойдаогоу», где имел много приятелей. Японская концессионная полиция не чинила германцу препятствий в его передвижениях. В «Тойдаогоу» проживало также несколько немцев, занимавшихся продажей опиума, морфия и других запрещенных вещей. Несмотря на это японская полиция не беспокоила этих иностранцев.

Кроме того, в разведсводке содержалась информация о Гирином концентрационном лагере.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 121.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 122.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 135.

Там говорилось об отправке в Тяньцзинь одного австрийского офицера будто бы «ввиду его плохого поведения». Он не исполнял правил, установленных для военнопленных интернированных, старался проникнуть в места, куда вход иностранцам был воспрещен, как, например, в места расположения войск, имел сношения с подозрительными китайцами, снимал фотографии окрестностей¹.

Разведсводка от 18 октября 1916 г. за № 11 сообщала в Петроград, что цзянь-цзунь Мэнь послал в Пекин секретное письмо, в котором сообщал, что по сведениям подчиненной ему секретной службы немцы командировали из Мукдена несколько китайцев в города: Ачэнсян, Биньчжоу, Чанчжэньян, Иланмсянь Ибинь-цзяньсянь для покупки селитры и серы. Поэтому Управлению китайской губернской администрации было приказано командировать агентов для наблюдения за лицами тайно, без разрешения китайских властей, скупающих серу и селитру. В Управлении при покупке большой партии серы и селитры надо было не только проверить соответствующее удостоверение, но и запросить уездного начальника, выдавшего удостоверение, о том, имеется ли действительно в уезде фабрика, изготавливающая фейерверки, для которой и покупалась сера и селитра и о количестве потребном для нее в год таких материалов, дабы выяснить, покупает ли фабрика для себя или с целью перепродать неустановленным лицам взрывчатые вещества².

Разведсводка от 5 декабря 1916 г. № 13 сообщала информацию, что комиссар по иностранным делам Гиринской провинции получил от германского и австрийских консулов в Тяньцзине секретное письмо-благодарности за содержание в Гирине военнопленных. В письме говорилось, что в лагере ожидалось прибытие еще более 20 военнопленных из пограничных с Россией уездов. Консулы просили комиссара посодействовать в том, чтобы признать этих интернированных инвалидами и отправить их на фудутунках (повозках) под конвоем солдат в Мукден для сдачи там германскому консулу, который несомненно отправит их затем по железной дороге в Тяньцзинь и далее пароходом в Америку³.

Приводились в разведсводке и сведения секретного агента о том, что германский консул в Мукдене командировал китайцев Вань Вэньцзяна и Цзай Мосяна в Чаньчунь и Гирин для подкупа корреспондентов газет и размещения там недоброжелательных ста-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 150–151.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 163–164.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 193.

тей о действиях русских и японцев по отношению к Китаю, а также о разных неурядицах и восстаниях, имеющих будто бы место в этих государствах. Вань и Цзай – это служащие немецкой фирмы «Исин яньхань» в Мукдене и Инкоу¹.

Агентура отмечала, что по распоряжению китайского генерал-губернатора была проведена проверка сведений, что в хунхузской шайке, оперирующей в окрестностях Дунньинсяна, имеются несколько европейцев. Были посланы в уезд специальные агенты для проверки этих слухов, но такие слухи оказались ложными².

Кроме того, начальник полиции просил принять меры к охране германских подданных накануне вступления Китая в войну против Германии³.

«По запросу русского консула в Мукдене о том, что германский подданный "Дэ Гэли" (Гинц), постоянно проживающий в китайском городе Чаньчуне, а в настоящее время пребывавший в Дашицяо, готовит взрыв железной дороги», – начальник полиции писал, что выяснено, что подготовка взрыва осуществлялось около моста местности Лаошаогу. Однако начальник уезда – Хай Лунь, узнав об этом, своевременно командировал полицейского офицера с отрядом для разгрома сброда разбойников, собранного Гинцем⁴.

В связи с наметившимся разрывом с Германией Гиринский генерал-губернатор решил установить тайный наблюдательный надзор за всеми проживающими в провинции германскими подданными⁵.

Начальник Гиринской полиции из-за разрыва дипломатических отношений с Германией распорядился больше не выдавать германцам денег и не отправлять их к дипломатическим лицам, а напрямую в концентрационный лагерь в Гирине. В то время в нем содержалось только 2 австрийца и 12 турок⁶.

Разведсводка из Гирина от 15 марта 1917 г. № 3 содержала сведения из Чаньчуна. Туда прибыл из Тяньцзиня, командированный германским консулом немец «Лай Лихэ» (Штакельман) с двумя китайцами. Он намеревался направиться в зону границы для снабжения деньгами и одеждой бежавших из русских лагерей военнопленных⁷.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 194.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 195.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 57.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 94.

⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 94.

⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 98.

⁷ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 73.

Сообщалось в разведсводке и то, что находившиеся в Гириномском концентрационном лагере 11 военнопленных по-прежнему пользовались большой свободой. Они направляли письма в Ияньцзинь, Пекин, Мукден и пр. города Китая без всякой цензуры. Кроме того, они партиями по несколько человек посещали находящийся в городе японский публичный дом¹.

Аналогичные сообщения поступали по линии штаба Заамурского округа пограничной стражи из Цицикара. Так, секретной телеграммой от 19 февраля 1917 г. № 68 сообщалось, что в Цицикаре, Мергэне и Хайлунзяне имелось до 83 человек военнопленных австро-германцев, которых губернатор Би, вопреки обещанию, данному русскому консулу, тайно отправляет в Мукден. Их было отправлено до 34 человек. На днях планировалось китайским губернатором отправить очередную партию в 10 человек. Эта партия выехала из Мергэня 1 марта 1917 г. (по новому стилю), следовала в Мукден по дороге Цицикар-Бодунэ. Агентура планировала установить «немедленное наблюдение на переездах» и близ таковых после привлечения жандармов с Китайской Восточной железной дороги провести задержание транспортируемых в Мукден беглецов².

Возвращаясь к агентуре ОКПС Заамурского округа, отметим, что как и военная разведка в годы Первой мировой войны была сосредоточена на выявлении нелегально действующих разведчиков и агентов противника в Китае. Борьба велась не только с шпионажем, но и с диверсиями, терроризмом, враждебной пропагандой. Объектом наблюдения стали военнопленные и беженцы. Об этом мы уже говорили выше, когда описывали деятельность Гиринского разведцентра, где трудились бок о бок агенты, завербованные по линии как Военного министерства, так и Министерства финансов.

Как мы отмечали, резидентура штаба Заамурского округа пограничной стражи была открыта и в крупном городе в Маньчжурии – в Мукдене.

Разведсводка из Мукдена от 22 января 1915 г. за № 67 сообщала, что из секретных источников стало известно о направлении немцем Ф. Шаллером шайки численностью до 50 человек китайских кули для разрезания телеграфных проводов на участке Чаньчунь-Харбин КВЖД. Об этом немедленно был уведомлен генерал Хорват

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 74.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1917. Д. 3065. Л. 1–2.

(начальник Управления КВЖД) посредством шифротелеграммы № 64¹.

Впоследствии было выяснено, что диверсантов возглавляет китаец Сунь Юнь².

Разведсводка от 9 апреля 1915 г. за № 324 сообщала информацию «О внутреннем устройстве китайско-немецкой подпольной организации "Гунь-Вэй-Туань", полученную из секретных источников».

Главный добровольческий отряд этой организации действовал в Мукдене и распространял свою деятельность на все уезды Фынтяньской провинции генерал-губернаторства при посредстве отдельных, подчиненных ему отрядов на местах. Например, в Чаньчуне был сформирован вспомогательный отряд, деятельность которого охватывала Гириинскую провинцию. На него же возлагалось заведывание всеми местными отрядами в уездах, как в этой провинции Маньчжурии, так и в соседней, Хэйлунцзянской.

Все местные организации получали руководящие указания от главного отряда через Чаньчуньский отдел, которому они обязаны доставлять результаты своей агентурной работы на северо-востоке Китайской республики.

Возглавлял главный отряд начальник организации с двумя помощниками, число же рядовых членов отряда не ограничивалось определенным числом членов. Вспомогательным отрядом руководило особое лицо в звании помощника главного начальника отряда. Численный состав рядовых членов этого отряда также не ограничивался.

Во главе каждого отдельного отряда действовали особые начальники, имеющие в своем подчинении по одному помощнику.

Управление главного отряда состояло из четырех отделений:

1. Секретного, куда поступали сведения и где происходила разработка планов;
2. Для взаимодействия с отрядами на местах;
3. Финансовое;
4. Вооружения и снаряжения.

Во главе каждого отделения стоял заведующий, в подчинении которого было четыре секретаря.

В управлении вспомогательного отряда также имелось четыре таких отделения, причем персонал каждого состоял из заведующего с двумя секретарями.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 282.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 283.

Управление отрядов на местах состояло из трех отделений, а именно:

а) по выполнению секретных замыслов;

б) военных снаряжений;

в) финансов. Этими отрядами руководили старшины, у каждого из которых было по два помощника.

Начальнику главного отряда германским правительством было назначено жалование по 200 долларов США в месяц, его помощникам по 150, членам же по 30. Заведующие отделениями управлений получали по 80 долларов в месяц, а секретари – по 60. Руководителям отрядов на местах жалование назначили по 80 долларов США в месяц, отдельные начальники получали 60 долларов в месяц, а помощники их по 40 долларов.

Всякий рядовой член организации, причинивший вред торговле или промышленности японцев или русских в Маньчжурии штучно вознаграждался из средств главного отряда. Причем если заслуга его была бы признана перворазрядной, то вознаграждение составляло 1,5 тыс. долларов США, вознаграждение за деяние второго разряда – 1 000 долларов и третьего – 500 долларов США¹.

Всякому рядовому члену организации, устроившему повреждение железной дороги или мостов, выдавалась начальником главного отряда «особая» награда в сумме 3 000 долларов.

За всякого рядового члена организации, потерявшего жизнь при совершении диверсии, полагалась выдача его семье компенсации в размере 300 долларов.

По сведениям того же секретного источника начальник главного отряда этой организации Чэнь Чжисянь отправил на средства, полученные им из немецкого консульства в Мукдене, девять человек своих единомышленников в разные местности Маньчжурии для агитации среди остатков китайских анархистских шаяк. Обезд Фынтянской провинции поручено сделать Янь Цзысину, Чэнь Хуаню, Фу Голяни. В Гириную провинцию посланы Цзяньдэлинь, Хань Чжэнянь и Фэнь Цзолян, а в Хэйлунцзянскую – Вань Дабэнь, Чжан Шиин и Ху Шулинь².

В разведсводке отмечалось, что в связи с раскрытой поездкой в Монголию немецкого военного агента в Китае Папенгейма, с известными диверсионными намерениями, о чем открыто писалось в китайской прессе, местной мукденской властью было получено недавно из Пекина распоряжение о том, чтобы на будущее время

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1028. Л. 5.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1028. Л. 6.

при поездках немцев вглубь трех восточных провинций и в пределы Монголии назначались бы для сопровождения каждого такого путешественника по три или четыре человека конных солдат, которые должны зорко следить за деятельностью путешественников и подробно доносить о своих наблюдениях местным властям, что давало бы возможность своевременно принимать надлежащие меры, если бы оказалось, что цель этих путешественников заключается в агитации к возбуждению народных беспорядков.

7 апреля 1915 г. по сведениям секретного агента в китайской тайной полиции (т. н. «монго»), Мукденским цзянь-цзюнем (генерал-губернатором) и сюнь-аньши (глава полиции) был получен запрос от президента Китайской республики – Юань Шикая по поводу развития подпольной деятельности некоторых иностранцев в Маньчжурии, направленной к возбуждению неприязни населения против русских и японцев. При этом обоим сановникам предложено в строгих выражениях принять серьезные меры к прекращению этой деятельности. Одновременно подобные указания были даны властям Гириньской и Хэйлуныцзянской провинций¹.

В разведсводке от 25 апреля 1915 г. № 377 сообщалось о встрече русского консула в Мукдене с японским коллегой, на которой обсуждался вопрос противодействия немецко-китайской организации «Гунь-вэй-туань». Российский консул указал что, по его сведениям, случившиеся два дня тому назад ночные крушения по линии Южно-маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) вблизи Мукдена и неподалеку от моста через реку Хуньхэ, по-видимому, осуществлены китайцами из этой организации.

Японский консул сообщил, что у него не имеется таких сведений и что он со своей стороны произведет их проверку. Что же касается крушений в ночь на 23 апреля 1915 г., то, сообщал японский консул, по заключению компетентных лиц произошло из-за оседания пути и не имело ничего общего с диверсией. Но происшествие у моста через реку Хуньхэ в ту же ночь явилось следствием злоумышления. Японской охраной была обстреляна группа китайцев, пытавшихся разрушить мост, одного диверсанта удалось задержать, он допрашивался. К этому консул прибавил, что на днях на линии Мукден-Аньдунской железной дороги произошло вооруженное нападение китайцев на японскую военную охрану, причем был смертельно ранен выстрелом один японский солдат. Это происшествие также

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1028. Л. 7.

находилось в стадии предварительного расследования у японской жандармерии¹.

В разведсводке из Мукдена от 3 (по новому стилю 16) июля 1915 г. за № 111 вновь говорилось о деятельности, направленной против России проживающих в Южной Маньчжурии немецких агентов.

Она проявлялась в намерении немцев привлечь за деньги китайских граждан и направить их под видом мастеровых и рабочих на север в район станции Маньчжурия с целью нанести вред линии КВЖД. В качестве немецких агентов, орудующих в указанном направлении, были замечены китайские граждане: Ма Цзылинь и Си Дэфа, которые пытались нанять в Мукдене значительное количество кули (чернорабочих) якобы для постройки мельницы в Хэйхе (китайский город напротив Благовещенска). Вышеназванные китайцы являлись субагентами проживавшего в Харбине китайского гражданина Ши Фэнкуя. Имелись сведения, что, потерпев неудачу в вербовке китайцев-диверсантов в Мукдене, помянутые Ма и Си направились с той же целью в Шаньдун².

Осенью 1915 г. в Главное управление Генерального штаба поступили агентурные сведения о существовании в Шанхае сильной организации немецкой разведки. С целью пресечения ее деятельности был задействован Харбинский разведывательный центр, который возглавлял старший адъютант разведотделения штаба Заамурского округа пограничной стражи Титов. Оперативное содействие ему оказывал начальник контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа ротмистр Попов³.

Для внедрения в агентурный аппарат немцев использовался бывший русский офицер-артиллерист 45-летний Петр Кавтарадзе. Ранее он был разжалован и судим за растрату казенных денег. После этого он оказался в Китае и там попал в поле зрения германской разведки. Катарадзе, однако, после того как на него вышли представители германского консула, искусно разыграв перед ними желание сотрудничать, связался с российскими военными властями. Германские разведчики, поверив Кавтарадзе, поручили ему организовать диверсию на Китайской Восточной железной дороге. Завязалась многомесячная оперативная игра. В феврале 1916 г. из штаба Иркутского военного округа в ГУГШ пришла жалоба на непрофес-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1028. Л. 8.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1028. Л. 11.

³ Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки: 2-е изд., дополненное. М., 2002. С. 155.

сиональные действия Титова. Резидент не верил своему агенту Кавтардзе и не считал, что немцы способны на диверсионные операции. Кавтардзе и его помощник Вачадзе, к этому времени получившие неопровержимые доказательства противоправной деятельности немцев в Китае, были вынуждены обратиться за помощью к британскому морскому агенту в Шанхае капитану Сину. Благодаря добытым Кавтардзе сведениям англичане смогли провести аресты в Шанхае причастных к организации лиц и даже возбудить против них в Шанхайском смешанном консульском суде громкие судебные процессы¹.

При этом был подтвержден факт, что германская разведка планировала диверсии не только на железных дорогах России, но и на транспортных судах Добровольного флота. Был установлен и ведущий немецкий специалист по диверсионным средствам в Китае химик Нильсен.

По итогам операции Титов был отозван в Россию, а П. А. Кавтардзе по представлению штаба Иркутского военного округа и ГУГШ получил помилование и возвращение звания².

Важную роль в агентурной работе военной разведки в Китае играл военный агент Российской империи, возглавлявший резидентуру в Пекине.

В годы первой мировой войны резидентура российского военного агента в Китае была направлена на описание как военных приготовлений Китайской республики, выявления дислокации и состояния вооружения китайских войск, так и на описание революционной ситуации в Китае, так называемой «Третьей революции», которая началась на юге Китая, прежде всего в Шанхае.

Так, в секретной телеграмме военного агента в Китае от 23 ноября 1915 г., направленной в отдел генерал-квартирмейстера Генерального Штаба, говорилось: «22 ноября 6 вечера 20 вооруженных революционеров силой овладели речным крейсером «Qjaohe» и открыли огонь по Шанхайскому арсеналу с целью завладеть последним. Охранявшие войска остались лояльными, восстание 23 утром подавлено. Говорят, «Qjaohe» потоплен выстрелами других судов, стоявших близ арсенала. Восстание поднял «Qencimeu», проживающий сейчас на французской концессии Шанхая. Положение еще раз не выяснилось, но это показывает, что вопрос о перемене формы правления на юге не пройдет в полном спокойствии»³.

¹ Лубянка, 2. Указ. соч. С. 156.

² Лубянка, 2. Указ. соч. С. 157.

³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 4.

24 ноября 1915 г. военный агент в Китае телеграфировал в отдел генерал-квартирмейстера Генерального Штаба, что по дополнительным сведениям крейсер «Qiaoh» был лишь поврежден, часть команды бежала, а часть была захвачена правительственными войсками. Стрельбою легко повреждены два правительственных судна и в арсенале убито и ранено около 20 солдат. В арсенал для его охраны после этого был переведен батальон 15-го полка из «Lunhua»¹.

13 декабря 1915 г. военный агент в Китае полковник Василий Васильевич Блонский сообщил в отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба, что в связи с прошедшими беспорядками в Шанхае, туда в первых числах декабря была переведена 20-я пехотная бригада с пулеметами, один дивизион кавалерии и 2 дивизиона артиллерии с 18-ю полевыми и 12-ю горными орудиями. Туда же был отправлен 18-й пехотный полк из Цинанфу. В штабе китайской армии рассматривался вопрос о переносе шанхайского арсенала на север Китайской республики. Антиправительственное брожение развивалось особенно в провинциях Юнанской, Гуичжоуской, Гуансинской².

Секретная телеграмма военного агента в Китае от 6 января 1916 г. в отдел Генерал-Квартирмейстера Генерального Штаба содержала сведения, что для борьбы с отложившейся провинцией в Юнани были сформированы из правительственных войск три армии, которые предполагалось направить: 1-ю в составе 3-й дивизии из провинции Хубэй и Хунань через город Кунцинвсичаань на соединение с 4-й смешанной бригадой; 2-ю в составе 7-й дивизии, прибывшей уже из Пекина в Ханькой и части 6-й дивизии, стоявшей в Дзианзи через провинцию Гуичжоу; 3-ю в составе 10-й дивизии с одним полком 5-й дивизии из Шанхая морем, а затем по железной дороге через Тонкин. В виду же объявления нейтралитета Гуичжоуской провинции и отказа Франции пропустить через Тонкин (Вьетнам) китайские войска, передвижение было 3-й армии приостановлено. Поэтому 3-я дивизия с двумя аэропланами стягивалась в город Чунцин провинции Хубэй; 7-я дивизия с частью 6-й дивизии с двумя аэропланами направлялась в город Чанша провинции Хунань, готовились к отправке на юг страны в качестве резерва 8-я дивизия и часть 2-й дивизии. Гуандунская и Гуансийская провинциальные войска, как малонадежные, были направлены к западным границам провинции Гуанзи. Приказом правительства были смещены Юнанский цзянь-цзюнь (гене-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 5.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 10.

рал-губернатор) Тан Зиао и губернатор Цай Е; на их место соответственно, были назначены оба начальника Юнанских дивизий. Движение правительственных войск крайне замедлялось отсутствием сносных путей сообщений, между тем Юнанские войска из Джаотуна под командой Лиле Цзюна, Цай Е подходили к городу Сюджоу, заняв который, полагали идти на город Чунсин, город Ченду, затем Ичан. Ненадежность провинциальных войск Сычуанских, Гуандунских, Гуансинских сильно беспокоило китайское правительство. Тем не менее эти ненадежные войска предполагалось противопоставить другим повстанцам – монголам. В то время город Сюйнаньчань к северо-западу от Калгана осаждался монгольскими повстанцами, против которых действовали части 20-й мукденской дивизии. В Кантоне, отмечал военный агент, тоже не совсем спокойно¹.

Телеграмма российского военного агента в Китае от 4 мая 1916 г. за № 12002, в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба содержала информацию, что в борьбе с революционерами правительственные войска Китая не имели никакого успеха, и в связи с этим положение Пекинского правительства стало затруднительным. Генерал Цао Кунь имел намерение оттянуть свои войска и штаб к городу Ичану, защищая границу провинции Хубэй. Революционное движение распространилось на новые провинции: в Шандуне несколько городов было занято революционерами, и, по слухам, последние были намерены атаковать города Денчжоу и Чифу; ходили слухи что революционерам оказывали поддержку японские военные инструкторы, среди которых есть раненые. Для расследования вмешательства Японии в дела в Китае была создана даже смешанная комиссия, поскольку официально Япония не находилась в состоянии войны с Китаем. В то же время части провинции Шэнси и Шанси провозгласили независимость. Хотя Маньчжурия не объявила независимости, однако такая там фактически сложилась. Цицикарский, Гиринский и Мукдэнской цзянь-цзюни вынуждены были оставить свои посты, должности были замещены новыми лицами, назначенными местными военными властями – командирами размещенных здесь войск. В Государственном Казначействе Китая не было серебра и два крупных банка Китая отказались разменивать на серебро кредитные билеты. Для мирного разрешения конфликта, заключающегося прежде всего в удалении Юань Шикая от власти 2-го мая в Нанкине (столица Южного Китая), было открыто особое совещание представителей китайского пра-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 20.

вительства, решение которого должно было потом рассматриваться делегатами обеих конфликтующих сторон на совещании в Шанхае. «Возможно, – предполагал военный агент, – что Юань Шикай добровольно оставит пост президента в пользу Люан Хуна, который уже избран южанами Президентом Китайской республики. Лица, близкие к Юань Шикаю, до последнего времени надеялись на возможность оставления его у власти, ныне же они стремятся лишь к тому, чтобы найти почетный выход из создавшегося положения для обеспечения безопасности имущества и личности как Юань Шикая, так и его приближенных»¹.

О дополнительных возможностях российской военной разведки говорит отношение Начальника Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) от 12 мая 1916 г. № 6970 управляющему МИД Российской империи А. А. Нератову. Министру иностранных дел, «для личного сведения» пересылался перевод документа, «полученного совершенно секретным путем» военным агентом в Пекине². Этот документ представлял собой донесение от 8 апреля 1916 г. нидерландского посланника в Пекине, направленное в МИД в Гааге³.

Кроме военного агента секретные донесения по Китаю генерал-квартирмейстеру ГУГШ подавал Штаб Приамурского военного округа.

Так, в депеше от 10/12 августа 1916 г. за № 928 они сообщили, что благодаря своему секретному агенту, внедренному в японскую компанию «Мицуи», удалось выяснить, что правление компании внесло 20 000 000 иен в фонд монархического общества приверженцев Циньской династии, на агитацию в пользу восстановления в Китае монархического образа правления, с наследником Циньской династии во главе.

Таким образом, японцы надеялись под флагом Циньского государства создать из самодержавного Китая вторую Корею. Подписал секретное сообщение и т. д. начальника штаба военного округа⁴.

11 апреля 1917 г. за № 36517 Главное управление Генерального штаба передало министру иностранных дел России (П. Н. Милюкову) «для сведения» донесения секретного агента в Китае под заголовком «Участие японцев на стороне монгольских инсургентов» и секретного агента в Японии под заглавием «Японская экономическая работа».

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 152.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 160.

³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 161.

⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 257.

В донесении секретного агента в Китае говорилось о перехваченном российской военной разведкой рапорте верхового командования китайской армии об участии японцев в боевых действиях на стороне монгольских инсургентов, сражавшихся с китайскими правительственными войсками. Отмечалось, что ранее Гиринский цзянь-цзунь донес военному министру, что японцы продолжают всячески тормозить работу правительственных войск, высланных на борьбу с монгольскими инсургентами. Так, когда китайским войсками посчастливилось наголову разбить инсургентов при Синьхэкой, то только вмешательство японских войск спасло монголов от разгрома.

«Во время преследования китайскими войсками отступающих в беспорядке монголов при Синьхэкой – доносил своему правительству генерал Минь, – вдруг из Эр-да-хэцзы появился отряд японских войск и под видом наблюдения за монголами остановил наше наступление. Только благодаря этому маневру японцев, – отмечал китайский военачальник, – мы лишены были возможности использовать весьма удобный случай для окончательного разбития противника при указанном выше пункте. В то время как японское правительство в лице Квантунского генерал-губернатора старается уверить нас, что их войска высланы на западную границу Фэнь-тянской и Гиринской провинции для наблюдения за действиями монголов и недопущения их вглубь страны, мы видим совершенно обратное явление. Японские войска зачастую оказываются на стороне наших противников, их инструктора руководят боевыми действиями монгольских инсургентов почти на всем фронте, японское население всегда мешает свободному действию наших войск в местах боя неприкосновенным для нас элементом. Имеется также много данных о снабжении японцами разбойничьих шаек оружием и припасами»¹.

Итак, накануне и в годы Первой мировой войны разведка Военного министерства создала агентурную сеть при консульствах Российской империи в приграничных с ним районах Китайской республики. Особенно активно работал разведцентры в приграничных районах с Россией (Западный Китай и Маньчжурия) и военный агент России в Китае (Пекин). Главная задача – сбор военно-политической информации о стране пребывания. Активную работу по сбору военно-политической информации осуществлял и штаб Заамурского округа пограничной стражи Министерства финансов Российской империи,

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3124. Л. 337.

имевший резидентуры в Гирине, Мукдене и Куаньченьцзы (в пределах Южной Маньчжурии отошедшей по итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг. к японской зоне влияния в Маньчжурии (южная ее часть)). Роль МВД Российской империи состояла в периодической проверке агентурных сообщений военно-политического характера силами своего агентурного аппарата и сотрудников «секретных отделений» жандармско-полицейского управления КВЖД.

Глава 3. «Агентурный союз» Министерства финансов и МВД России в Китае при решении задач борьбы с преступностью

С 1908 г. Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов Российской империи, равно как и Департамент таможенных сборов Министерства финансов Российской империи, были обязаны уведомлять Департамент полиции МВД Российской империи обо всех агентурных сведениях, свидетельствующих о намерении иностранных лиц или российских подданных совершить преступления в приграничной зоне. Таким образом, с 1908 г. установился регулярный обмен «секретнодобытыми сведениями» в Китае между Министерством финансов и Министерством внутренних дел Российской империи. При проверке отложившихся в архивах документов мы можем отметить, что «секретные донесения из Китая», передававшиеся по линии Министерства финансов и Департамента полиции МВД Российской империи, порой слово в слово дублируют друг друга. Это говорит о том, что борьба с преступностью велась единым заграничным агентурным аппаратом, который обслуживал как МВД, так и Министерство финансов Российской империи.

Совместная агентурная сеть этих двух министерств Российской империи в Китае в период 1909–1917 г. серьезно разрослась, охватила уже не только Шанхай и Пекин, но и ряд других городов Маньчжурии и Монголии, где находились русские консульские представители¹.

Для полноты раскрытия рассматриваемой темы вызывает научный интерес письмо начальника Жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги командиру Отдельного корпуса жандармов № 260 от 23 июля 1912 г., в котором говорилось, что в Жандармском полицейском управлении Китайско-Восточной железной дороги имелась секретная агентура, которая освещала местный революционный элемент социал-демократов, социал-революционеров, военную организацию, профессиональное движение и железнодорожный союз. Также говорилось, что имелся и вспомогательный агент, следящий за перепиской лиц, которые были установлены как принимающие участие в подпольной работе.

Всеми состоявшими при Жандармском полицейском управлении Китайско-Восточной железной дороги секретными сотрудниками руководил в то время помощник начальника управления – ротмистр Коростылев под личным и непосредственным руководством начальника управления. У начальников отделений секретной аген-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 490. Л. 167.

туры, направленной на борьбу с революционной деятельностью, не было, а весь агентурный аппарат был задействован на освещении незаконной деятельности общеуголовного преступного элемента на линии Китайской Восточной железной дороги.

В отношении борьбы с общеуголовной преступностью активное содействие ЖПУ КВЖД оказывал агентурный аппарат штаба Заамурского круга¹.

Посмотрим на агентурные сводки по общеуголовной преступности агентуры ЖПУ КВЖД, штаба Заамурского округа пограничной стражи и «шанхайской группы» Министерства финансов.

Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи в разведбюллетене от 1 августа 1916 г. сообщала о действиях хунхузов на линии КВЖД. По донесениям частей округа, с наступлением весны численность хунхузской шайки Вань Линя увеличилась и достигла 40 человек. 4 апреля 1916 г. в китайском поселке при станции Пограничная несколькими хунхузами было совершено нападение на китайский магазин «Тун-фа-тпй». Хунхузы связали и зарезали хозяина, приказчика и повара и сильно поранили мальчика из obsługi магазина. Ограбив магазин, хунхузы скрылись.

В первых числах апреля по распоряжению Гиринского цзяньцзюня, командиром 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бригады были высланы в район станции Модаоши разведочные команды из 2-го ина (батальона), находящегося в Мулинсяне, которые обнаружили местонахождение шайки хунхузов Вань Линя, но вступить с ними в столкновение не удалось, так как осведомленные своей разведкой о приближении китайского отряда хунхузы скрылись в недоступном убежище в сопках Мопайшань, находящихся в 70 верстах юго-восточнее Модаоши, а затем тайно перобрались в район станции Силинхэ, где и бандитствовали продолжительное время, пока из Мулина снова не были посланы китайские войска.

В середине мая главарем упомянутой шайки Вань Линем была послана визитная карточка китайским коммерческим обществам в китайских поселках по станциям Пограничная и Сяосуйфынь с требованием прислать ему денег к предстоящему летнему китайскому празднику 5-й луны 5 числа (23 мая), в противном случае Вань Линь угрожал напасть, сжечь и разграбить объекты китайской торговли в этих поселках.

В это время хунхузская шайка Вань Линя снова увеличилась, причем разбилась на три партии, из которых одна в числе 28 чело-

¹ГА РФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 2855. Л. 187.

век под предводительством хунхуза Ци Тое или Цы Фынлина обособовалась в районе станции Пограничная, другая в 12 человек под предводительством хунхуза Ян Сяофына – в районе ст. Мулин, а сам Вань Линь с остальными хунхузами находился в сопках близ станции Силинхэ.

В целях своевременного получения необходимых сведений о принимаемых китайскими и русскими властями мер по преследованию шаяк, Вань Линь в китайском поселке при станции Мулин открыл лавку на имя племянника своей жены, китайца Сунь Фучена. Лавка торговала китайской обувью. Средства на означенное предприятие дано Вань Линем в сумме 200 руб. При помощи этой лавки шайка Вань Линя добывала также нужные ей продукты питания. Сведения эти были сообщены разведкой ОКПС в Управление КВЖД¹.

В начале июня 1916 г. китайские торговцы станции Хайлинь донесли командиру 1-го пехотного полка 3-й смешанной бригады, что шайка хунхузов главара Вань Линя прислала им письмо с требованием прислать ей несколько сот пар «уль» (обуви) для нужд хунхузов.

Командир полка спешно приказал командиру 1-го ина, находящемуся в Хайлине, немедленно выступить в район Силинхэ-Модаоши для преследования и уничтожения хунхузов.

Командир ина по получении приказа тотчас же выступил с отрядом в поход, но опасаясь столкновения с шайкой хунхузов главара Вань Линя, отправился в сторону, противоположную той, где находилась шайка и под предлогом розыска шайки пробыл там больше 20 дней, после чего вернулся обратно. Командиру полка он донес, что во время преследования в районе Силинхэ-Модаоши хунхузов встретить не удалось и полагает, что сведения о нахождении хунхузов в этих местах были недостоверными.

Между тем командир полка в это же время получил донесение тайного агента, что хунхузы в районе Силинхэ не только пребывали по-прежнему, но даже численность их увеличилась.

Командир полка, возмущенный ложью командира 1-го ина, сделал ему строгий выговор и предупредил, что если это повторится, тот будет уволен от службы.

В конце июня последовал приказ командирам вновь отправить отряды войск для преследования и уничтожения хунхузской шайки Вань Линя, оперирующей в восточных горах в районе Шитоухэцзы.

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп.491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 31.

Предписание это с большой готовностью было принято командирами частей инов, тогда как раньше они обычно старались избегать таких командировок. Объясняется это тем, что в начале июля начинался сбор местным китайским населением мака и тайное приготовление из него опиума. Хунхузы нападали на маковые плантации и отнимали у владельцев плантаций опиум. За защиту от хунхузов владельцы плантаций щедро платили китайским офицерам, поэтому в надежде на богатую добычу командиры полков и инов с отрядами для действий против хунхузов командировали обычно своих родственников или друзей, которые и получали от владельцев опиумных плантаций мзду¹.

1-го июля 1916 г. командир 2-го ина приказал выделить из 5 и 8 рот по 54 солдата и немедленно отправить этот отряд под командой помощника командира ина для преследования хунхузов в местечки Дуйтолэцзы и Дашитоухэ.

4 июля 1916 г. китайской фирмой «Юаньшуньюань», находившейся в китайском поселке по ст. Мулин, получено письмо от хунхузов с требованием доставить в трехдневный срок 100 комплектов обмундирования и 20 пар уль, с угрозой за неисполнение требований сжечь фирму. Требование это, однако, фирмой не было исполнено.

5-го июля 1916 г. в 15 верстах от станции Мулин на лесной концессии Черкасова близ м. Шитоухэ произошло столкновение отряда 2-го ина 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бригады с шайкой хунхузов Вань Линя, причем шайка бежала и скрылась в горах. Хунхузы были вооружены винтовками и двумя большими фальконетными ружьями.

9-го июля из Мулинсяна в помощь отряду по преследованию хунхузов выступил сам командир 2-го ина с отрядом численностью в 200 солдат.

После того как хунхузы были прогнаны из Шитоухэцзы, помощник командира 2-го ина с отрядом солдат 8-й роты отправился в Силинхэ и в 75 верстах на северо-восток от Силинхэ отряд этот наткнулся на становище хунхузов шайки Вань Лина. Хунхузы эти в числе 80 человек открыли огонь, и завязалась продолжительная перестрелка, во время которой убито и ранено свыше 10 хунхузов.

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 31.

Как только обозначились успехи войск, хунхузы сейчас же ушли в горы¹.

27 июля 1916 г. в пяти верстах на юго-восток от Мулина в местечке Синлунгоу 5 хунхузов, вооруженных берданками, револьверами и ножами, напали на хутор китайца Сюй и отняли у него одну винтовку и два револьвера. Из Мулинсяна был выслан отряд солдат в 20 человек, который, следуя по следам этих хунхузов в местечке Хуньянхатунь, вступил с ними в перестрелку. В результате боя было убито два хунхуза, а остальные скрылись. Тела убитых хунхузов отрядом доставлены в штаб 2-го ина в Мулинсянь.

28-го июля 1916 г. командир полка, недовольный безуспешным преследованием хунхузов, приказал командиру 2-й роты отправиться в район Силинхэ на поиски хунхузов. Командир роты Сунь Ханьчжань донес командиру полка, что он не может отправиться, так как чувствует себя не здоровым, не переносит сильной жары, комаров и мошек в восточных горах. Командир полка зная, что он слаб здоровьем от курения опиума, все-таки приказал ему немедленно исполнить приказание и 2-го августа отряд выступил в горы².

24 июля 1916 г. на восток от Нингута полицейским надзирателем 3-го участка были задержаны 4 китайца по подозрению в провозе опиума, у которых при обыске найдены патроны в количестве 2 000 штук, купленные ими по просьбе лесорубчиков у одного старшего унтер-офицера 1 пехотного ина в Нингуте для нужд шайки хунхузов.

По последним агентурным сведениям частей Заамурского округа пограничной стражи, китайские разведочные команды, преследовавшие шайку хунхузов Вань Линя в районе Силинхэ заставили ее разбиться на две партии по 35 человек в каждой.

По слухам, близ ветки Силинхэ в 15–16 верстах от лесопильного завода Скидельского появилась в начале августа 1916 г. новая шайка хунхузов в 40 человек под предводительством хунхуза Ян Цунцина. Эта шайка будто бы сорганизовалась еще в 1915 г. близ Дунинсяна (Санчакоу) и предполагала пробывать в районе Силинхэ до окончания сбора местным населением опиума³.

¹АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 32.

²АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 33.

³АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 33.

В отношении хунхузов на остальной территории Гиринской провинции разведка Заамурского округа пограничной стражи сообщала:

21 июня 1916 г. Гиринским цзянь-цзюнем в виду участвовавших случаев появления хунхузских шаек в уездах провинции приказано войскам принять энергичные меры борьбы с хунхузами:

1. С 1 июля 1916 г. войскам и полиции Гирин-Чаньчуньского района, находящимся на стоянке в городах, торговых слободах и селах, вменялось в обязанность ежедневно высылать разъезды и пешие дозоры для охраны трактов от нападения хунхузских шаек на проживающее там местное население.

2. В случае обнаружения или получения полицией сведений о появлении хунхузов, она была обязана немедленно уведомить об этом войска, находящиеся поблизости, для совместных действий против хунхузов и для уничтожения их. Таким же порядком надлежало поступать и китайским войскам, причем как войска, так и полиция не должны не под каким предлогом отказывать друг другу в помощи по преследованию хунхузов.

3. Нахождение в торговых слободах или селах одновременно войск и полиции не допускалось, в таких случаях войска должны были быть переведены в ближайшие от данного пункта местечко, причем это не распространялось на торговые слободки и села, имеющие стратегическое значение, где пребывание войск было обязательным.

4. В целях усиления охраны было решено выдать нижним чинам войск и полиции на руки по 200 патронов и в десятидневный срок донести о запасах патронов и, если нужно, просить о пополнении недостатка их по команде.

Выше сформулированные правила чинам полиции рассылались даоинном, а войскам – управлением начальника военной обороны.

Командиром 1-го полка 3-й смешанной бригады, расквартированной в Итунсяне, Чэн Дэтань совместно с начальником уезда У Тунсянмо опубликовали объявление об усилении охраны от хунхузов, ввели на контролируемой ими территории с 22:00 комендантский час, смастерили заборы вокруг госучреждений, а также усилили наряды и посты войск и полиции⁴.

Данные о хунхузах дублировались агентурой жандармско-полицейского управления КВЖД. Так, начальник ЖПУ КВЖД 27 сентября 1916 г. в секретном сообщении по особому отделу

⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 34.

№ 2351 сообщал в Департамент полиции МВД Российской империи следующие сведения о деятельности хунхузских шаяк в полосе отчуждения железной дороги. Во-первых, отмечалось безрезультатное преследование китайскими войсками 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бригады хунхузской шайки Вань Линя между ст. Силиньхэ и Пограничная. Шайка хунхузов Вань Линя разбилась на несколько мелких партий и безнаказанно грабила местное китайское население, легко уходила от китайских войск, высылаемых в погоню за ними.

10 августа 1916 г. командир 6-й роты этого китайского полка с отрядом в 20 солдат в 10 верстах от Мулина в Цюань-яньхэ настиг мелкую шайку хунхузов Ван Линя, но не смог ее уничтожить несмотря на превосходство своих сил; хунхузы, потеряв во время перестрелки одного убитым, скрылись бесследно.

Отряд этот, разыскивая бежавших хунхузов, 13 августа 1916 г. прибыл в сопки близ станции Модаоши и также тщетно пытался найти хунхузов Вань Линя. 15 августа нового стиля он, по указанию местных жителей, с северных сопки передвинулся на южные сопки с той же целью преследования хунхузов.

15 августа нового стиля командир 2-го ина (батальона) 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бригады, находящейся в Мулинсяне, прибыл в Нинаньсян, где совещался с командиром полка Гао о принятии мер к уничтожению хунхузов, при этом командир ина доложил, что шайка хунхузов Вань Лина состоит из 40 человек и борьба с ней вследствие гористой местности и лесов весьма затруднительна, так как масса комаров и мошек делают преследование хунхузов почти невозможным, вызывая неудовольствие солдат, и что на этой почве возможен их бунт. Докладывая об этом командир 2-го ина просил у командира полка о разрешении дать отдых солдатам его ина, командированным в разные места для преследования шайки хунхузов Вань Линя.

На просьбу эту командир полка согласился и приказал части 2-го ина вызвать на места стоянок для отдыха¹.

В начале августа были получены сведения, что хунхузская шайка Вань Линя в числе 100 человек появилась близ лесной концессии Скидельского на ветке Силиньхэ.

Главарь шайки встретился с управляющим концессией Гинцербергером и заявил ему, что хунхузы не желают иметь теперь дело с подрядчиками и хотят получить от конторы Скидельского непосредственно 10 000 рублей, угрожая в противном случае взять

¹ АВПРИ.Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 3.

заложником самого Скидельского. Срок доставки этих денег был назначен 14 августа, к которому времени хунхузы повсюду расставили свои посты с целью нападения на концессию и захвата Скидельского, бывшего в это время на концессии.

При получении этих сведений 13 августа на ветку Силиньхэ был послан отряд, назначенный от частей 615-й дружины и сверхштатная сотня 6-го пограничного конного полка.

Прибывший отряд после перестрелки с хунхузами рассеял китайскую шайку. От преследования хунхузы скрылись в глухой тайге. Во время перестрелки в русском отряде был ранен один нижний чин и убита лошадь. Число убитых и раненых хунхузов выяснить не удалось, так как тела их успели унести их сотоварищи.

Высланным отрядом были задержаны 15 китайцев, заподозренные в хунхузничестве, которые и были затем переданы китайскому представителю.

18 августа 1916 г. по приходе на станцию Мулин товарно-пассажирского поезда, при розыске русскими жандармами в вагонах контрабандистов опиума был задержан китаец с револьвером и ножом, оказавшийся хунхузом. Этот китаец 19 августа 1916 г. под конвоем был отправлен на станцию Сяосуйфынь.

26 августа 1916 г. в 15 верстах к югу от станции Мулин в местечке Дуйтоухэцзы снова появилась партия хунхузов в 11 человек с главарем Сяо Юэвагнем, беспощадно грабившая население. Для борьбы с бандитами из Мулина было послано 20 китайских солдат 8-й роты 1-го пехотного полка¹.

В уезде Ачэнсянь наблюдались следующие случаи хунхузских нападений:

1 августа 1916 г. в деревне Талашаньцзы было нападение 9 хунхузов на полицейский пост. Хунхузы забрали 4 винтовки и скрылись.

4 августа 1916 г. близ ст. Маоэршань в деревне Саньдаогай было нападение трех хунхузов на местного жителя. Хунхузы забрали золотых и серебряных вещей на 500 руб. и скрылись.

5 августа 1916 г. в 15 верстах от станции Эрцэндяньцзы хунхузы в числе 9 человек с главарем Дам Ер напали на китайский монастырь, убили одного монаха, забрали револьвер, 2 винтовки, один браслет, 3 золотых кольца и на 5000 дяо денег. Хунхузы скрылись близ деревни Дудацзы, где к ним присоединилось еще 8 хунхузов.

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 3.

Эта шайка 5 августа напала на местечко Духахэцзы, но была встречена там 12 китайскими полицейскими. После перестрелки хунхузы отступили, не понеся потерь¹.

16 августа 1916 г. в 15 верстах от города Ашихэ в деревне Учандянь шайка хунхузов в 50 человек напала на китайских солдат-почтальонов, которые бросили лошадей и бежали; хунхузы забрали их лошадей и ушли по направлению к Ашихэ, разбившись на три группы. Предводитель этой шайки Хэ Янвэнь.

23 августа 1916 г. ночью шайка хунхузов напала на сахарный завод трех провинций Маньчжурии, находящийся на берегу реки Сунгари против города Фуцзядяна.

Служащие завода и охрана его в 20 солдат не ожидали нападения, но не растерялись и оказали энергичный отпор, уведомив вместе с тем по телефону начальника полиции Фуцзядяня о нападении. Прибывшая вскоре помощь полицейского отряда заставила хунхузов бежать.

24 августа 1916 г. полицейским постовым на шоссе между новым и старым Харбином были задержаны два китайца, которые сознались в хунхузничестве и заявили, что они занимались этим в 50 верстах от Харбина. При задержанных обнаружено различное имущество, награбленное ими у разных китайцев. При задержании китайских бандитов один из полицейских был ранен пулей в грудь на вылет.

В районе южной линии КВЖД (ЮМЖД) в первых числах августа в городе Чаньчуне распространились усиленные слухи, что многочисленные шайка хунхузов предполагали воспользоваться современными событиями в Монголии и сделать нападение на город Чаньчунь с целью грабежа.

Хотя эти слухи не оправдались, но по сведениям в уезде Чаньчуньсан появилось много хунхузов, беспощадно грабящих население. Преследование хунхузов было в то время возложено исключительно на полицию и милицию, так как войска частью охраняли город Чаньчунь от монгольских повстанцев, а частью были посланы в приграничные с Монголией уезды для охраны их от вторжения монголов. В то же время действия полиции и милиции по борьбе с хунхузами были вялы и не имели успеха. Вследствии безнаказанности бандитов особенно много хунхузов появилось в 50–75 верстах на северо-запад от Чаньчуна, где хунхузов насчитывалось летом 1916 г. свыше 200 человек.

¹ АВПРИ.Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 4.

На территории 2 и 4 сельских полицейских участках уезда Чаньчуньсян в местечке Чжуцзячэнцзы опасная шайка в 30 человек под предводительством Юй Хайхуна, известного под прозвищем «Фанью», грабила местных жителей. Сельская полиция и милиция избежала с этими хунхузами боестолкновений.

21 августа 1916 г. близ станции Мейшацзы КВЖД в местечке Вейцзявокэнь местная милиция имела стычку с хунхузами и потеряла одного милиционера убитым и трех ранеными.

В виду этого зажиточные жители 2-го участка обратились к начальнику 1-й Гиринской смешанной бригады в Чаньчуне с просьбой о командировании войск «Луцзюнь», ссылаясь на неспособность милиции защитить население от грабежей¹.

Опасаясь хунхузского террора, начальник обороны Гири-Чаньчуньского района созвал совещание начальствующих лиц для обсуждения вопроса об охране местности в связи с невозможностью отправить из города Чаньчуня сколько-нибудь войск, прикомандированных для охраны города.

На совещании было решено приказать 1-му артиллерийскому и 2-й Гиринской смешанной бригады, находящемуся в южных казармах Чаньчуня, выделить один взвод и отправить его против хунхузов в район 2-го полицейского участка.

По китайским сведениям в Чаньчуне на японской концессии скрывалось более 100 человек хунхузов, которыми в середине августа захвачен китаец, служащий одной фирмы «Шин Цзиньту» и уведен на территорию японской концессии. Освобожден этот китаец был лишь при доставлении фирмой выкупа в 3 000 долларов.

Теми же хунхузами были задержаны два ученика из семьи Цзу Сянтина, возвращавшиеся из Мукдена в уезд Фууюсянь, и также отпущены только за солидный выкуп.

О действиях хунхузов, скрывающихся на японской концессии, начальник обороны Чаньчуньского района Пэйцисюнь сообщил через даоина японскому консулу и одновременно им были приняты меры, чтобы не допускать хунхузов в китайский город Чаньчунь.

28 августа 1916 г. шайка хунхузов в 20 человек через отверстие стены проникла в кумирню западной части города Итунсяна, захватила там учителя начальной школы, одного ученика и двух слуг и скрылась в горы. В погоню за хунхузами был отправлен отряд солдат 1-го пехотного полка, но хунхузов задержать не удалось и отряд возвратился обратно.

¹ АВПРИ.Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 5.

Этими хунхузами затем была прислана в школу записка с требованием доставить 20 000 долларов выкупа за учителя и 3 тысячи долларов за ученика и слуг и кроме того несколько ружей, с угрозой в случае отказа убить захваченных ими пленников.

В конце августа 1916 г. командир 2-го ина 2-й смешанной Гиринской бригады, находящейся в Итунсяне, в связи с появлением шаек хунхузов командировал отряд солдат в местность Каошань-чжэнь и Утайцзы для охраны местности. Одновременно им был послан отряд солдат в 30 человек в сельские районы этого же уезда для преследования хунхузов. Отряд этот пробыл несколько дней в разъезде, возвратился в Итунсян, не задержав ни одного хунхуза.

Командир ина, возмущенный поведением начальника отряда, который неоднократно посылался в разъезд и никогда не доставлял оттуда ни одного хунхуза, между тем как во время преследования хунхузов он будто бы израсходовал свыше 1 000 патронов, сделал ему строгий выговор и предупредил, что если и в будущем повторится то же, то он будет немедленно уволен со службы¹.

По получении выговора упомянутый начальник отряда с несколькими нижними чинами тотчас отправился в местечко Имачжан, где ему удалось задержать одного хунхуза, который доставлен в штаб ина.

В районе западной линии КВЖД: 21 августа 1916 г. на ехавших на лесную концессию дороги в районе реки Чоле (на Хинган) практиканта Земельного отдела студента лесного института Вербицкого с женой, объездчика лесной концессии Сиденко и студентку Северову в 15 верстах от этой концессии напала шайка хунхузов. Хунхузы отобрали у ехавших все бывшие при них деньги и вещи; затем нанеся ограбленным побои нагайками и отведя далеко в сторону от линии дороги хунхузы бросили их там в беспомощном состоянии. В погоню за хунхузами был послан конный разъезд, но хунхузов он не обнаружил.

По тракту Хуланьсуйхуасянь Цицикарской провинции оперировала шайка хунхузов в 40–50 человек и производила грабежи. Хотя китайскими властями и установлены были воинские и полицейские разъезды, но поймать хунхузов им не удавалось, так как они укрывались в хлебах, достигших высокого роста, вследствие чего найти их было трудно.

Одновременно разведкой ЖПУ КВЖД было замечено появление хунхузов в уезде Баяньсянь, где они укрывались в горах. Для преследования хунхузов, отмечала разведка, был выслан из Хулань-

¹ АВПРИ.Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 6.

сяна 12-й эскадрон 7 конного полка и рота 1-го пехотного полка из Дунсиньчжэня¹.

Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи в разведбюллетене № 10 от 15 марта 1917 г. сообщала, что с началом зимы 1916 г. года участились случаи выступления хунхузов, направленные против русских, причем главные районы этих выступлений местности, прилегающие к КВЖД – восточный склон Хингана и лесные концессии.

15 октября 1916 г. произошло нападение на лесную концессию Шевченко, было угнано 80 лошадей. Люди из высланной погони настигли хунхузов на привале по тракту Цицикар-Хайлар, связали их и отобрали похищенные вещи, но неожиданное появление китайских солдат, открывших огонь по погоне, заставило ее покинуть задержанных хунхузов и отступить к линии КВЖД. Было убито несколько монгольских всадников из отряда погони и без вести пропали русские подданные Никонов и Бирюков.

Для их поиска выслана разведка 1 ноября 1916 г. от Заамурского округа под командой капитана Благоразумова. Дело расследовала смешанная русско-китайская комиссия из Цицикара.

Выяснилось, что хунхузы действовали совместно с китайскими солдатами пограничной заставы, состоявшими в подчинении чиновника Ци. Никонов и Бирюков были зверски убиты китайцами. Тела убитых русских были найдены близ заставы в траве, здесь же найдены спрятанные награбленные хунхузами и китайскими солдатами некоторые вещи, принадлежавшие объездчику Земельного отдела КВЖД Вербицкому, ограбленному со спутниками в августе 1916 г. близ этой же концессии Шевченко².

29 октября 1916 г. у ст. Пограничная произошло нападение 150 хунхузов на поселок Богуславский Приморской области. Казаки и части Заамурского округа отразили шайку, и она отступила в китайские пределы – в уезд Мулинсян и скрылась в тайге. Во время вторжения было убито 14 хунхузов и 15 ранено. С русской стороны ранено три казака Амурского войска. Прорваться на территорию России с целью грабежа пытались хунхузы Вань Лина, постоянно оперирующего в районе восточной ветки КВЖД³.

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3163. Хунхузы в Северной Маньчжурии. Л. 7.

² АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 92.

³ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 93.

В конце декабря 1916 г. Вань Линь собрал 120 бандитов в районе лесных концессий. 1 января 1917 г. указанная шайка прошла концессию Джонса, 3 января Слинкина у разъезда Сарахэдзы, проходя по лесным концессиям, хунхузы предъявляли требования об уплате им денежного выкупа в противном случае угрожали разгромами и поджогами концессий. Китайскому коммерческому обществу на станции Пограничной Вань Линь предъявил требование об уплате 10 000 руб. и снабжении шайки обмундированием и продовольствием.

10 января 1917 г. русский отряд, усиленный 15 полицейских и 14 китайских солдат, столкнулся с 64 хунхузами Вань Лина. Хунхузы потеряли убитыми 5 и ранеными 15, с русской стороны был ранен ефрейтор полиции КВЖД и 3 китайских солдата.

Шайка Вань Линя разбилась на три отряда и стала уходить. Первая группа вблизи ветки Шитоухэцзы, вторая – около Мулина, третья – в район Вэйшахэ.

21 января 1917 г. со ст. Мулин была отправлена для поиска хунхузов команда китайских полицейских разведчиков, которая в 60 верстах от Мулина вблизи концессии Черкасова обнаружила фанзу с хунхузами из шайки Вань Линя. Хунхузы в новом бою потеряли 3 убитыми и 10 ранеными. У разведчиков потерь не было¹.

Против Вань Линя были отправлены войска 3-й Гиринской смешанной бригады. По полученным от частей Округа донесениям борьба с хунхузами велась вяло, чины 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бригады по-видимому имели какие-то общие интересы с хунхузами. Так, 4 января 1917 г. команда названного полка, посланная на разведку, встретила с бандитами в хижине-фанзе и два часа с ними пила чай.

10 января 1917 г. во время перестрелки у Шитоухэцзы хунхузы громко ругали китайского офицера за участие в перестрелке, говоря, что они от него такого не ожидали. В ночь с 12 на 13 января 1917 г. в районе ветки Яблоня хунхузы и китайские войска в числе 70 человек ночевали совместно на расстоянии 150 саженей. И ничего не предпринимали. По агентурным китайским источникам хунхузы платили вознаграждение офицерам и нижним чинам 1-го пехотного полка.

Дело дошло до того, что старший унтер-офицер Яо Юйтуань сознался в продаже хунхузам 4 тыс. патронов, старший унтер-офицер 2-й роты 1-го пехотного полка 3-й Гиринской смешанной бри-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 93.

гады Яо Юйтуань действовал с хозяином мастерской в Нингуте Ли Шуаньжаном, который был связным бандитов в городе¹.

Дублировали сообщения агентства штаба Заамурского округа пограничной стражи и агенты жандармско-полицейского управления КВЖД. Так, 10 января 1917 г. в докладе русского консула из Харбина за № 7, со ссылкой на их разведку, говорилось о том, что из пограничного района по лесным концессиям, прилегающим к КВЖД, двигалась небывалая по численности шайка хунхузов – до 200 чел., которая предъявляла русским концессионерам от имени предводителя Вань Линя чрезмерные требования, сопровождаемые угрозами уничтожения сооружений, сожжения материалов и разгона рабочих. Хунхузы были вооружены трехлинейками и, по имеющимся данным, везли с собой пулемет.

Было замечено, что члены шайки носили китайское военное обмундирование и находились в сношениях с китайским военным отрядом 91-го полка. Нападению подверглись на момент составления письма концессионеры Кильянский и Слоинкин, которые вынуждены удовлетворить материальные и финансовые требования хунхузов, во избежание прекращения работ и полного разорения. Шайка хунхузов направилась к концессиям Ковальского и Сидельского.

Заявив решительный протест местному генералу Ли Хуньмо, русский консул Траутшольд предупредил его, что все понесенные убытки будут возмещены за счет Китайского Правительства и что дальнейшее бездействие китайских охранных отрядов приведет к нежелательным последствиям и вынудит российские власти прибегнуть к самостоятельным мерам. Генерал Д. Л. Хорват – начальник Управления КВЖД также считал, что необходимо ликвидировать хунхузов, и с этой целью попросил консула связаться со штабом Заамурского округа².

Секретная телеграмма от русского консула в Харбине 11 января 1917 г. № 11 гласила, что хунхузы предъявили Ковальскому требование уплатить 25 000 руб. или выдать известного главаря – Хоу Бе, пойманного русскими властями на его концессии в 1915 г., смешанным русско-китайским судом приговоренного к смертной казни, но до сих пор находящегося в российской тюрьме в виду нежелания Гириных властей привести приговор в исполнение. Консул отме-

¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3162. Разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи. Л. 94.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1917. Оп. 491. Д. 3063. Л. 2.

чал, что начальник штаба Заамурского округа обещал, что все меры к ликвидации шайки Вань Линя будут приняты¹.

Секретная телеграмма русского консула в Харбине от 22 января 1917 г. № 16, со ссылкой на агентуру ЖПУ КВЖД, сообщала, что выступивший со станции Ши-тоу-хэцзы отряд 571-й Астраханской дружины под начальством полковника Коха совместно с отрядом китайского 92-го полка атаковал хунхузов, которые после упорного сопротивления бежали, потеряв пять человек убитыми, в том числе видимо, одного из главарей и десять ранеными. Преследование китайским отрядом хунхузов продолжалось. С российской стороны был ранен один нижний чин, а также три китайских солдата².

Отметим, что параллельно в разведсводке штаба Заамурского округа пограничной стражи из Мукдена говорилось, что при преследовании шайки хунхузов, оперирующих в уезде Дунин и ранее производивших набеги на русскую территорию, китайский военный отряд рассеял шайку и частично ее уничтожил, но, к сожалению, не удалось захватить ее предводителя Вань Линя. Оказалось, что хунхузы вооружены хорошими русскими ружьями и имеют большое количество патронов, которыми снабжались, по-видимому, русскими³.

Ранее в разведсводке от 5 декабря 1916 г. приводилось донесение секретного китайского агента Хань Шутяня, адресованное Ду-цзюню (городскому губернатору Гирина), о том, что Вань Линь – уроженец уезда Ишуйсянь Шаньдунской провинции. Он долгое время жил в России, но в 1915 г. после подписания русско-китайского соглашения о совместной борьбе двух стран с опиеторговлей, принадлежавшие ему посева мака на землях, арендуемых им у русских землевладельцев, были уничтожены.

Став сразу нищим, Вань Линь объединил вокруг себя две сотни пострадавших крестьян, которые выращивали в Приморье опий. Сотрудничал Вань Линь и с русскими преступниками, а именно с Иваном Хухолевым.

Этот Хухолев не только поставлял винтовки китайским бандитам, но и за деньги перевозил военнопленных немцев через границу, доставлял их из Никольск-Уссурийска в Дуньнинь. Кроме Хухолева шайку Вань Линя снабжали оружием и патронами китайские предприниматели Ли Таньцзе и Чжан Миньхао⁴.

¹ АВПРИ Ф. Китайский стол. 1917. Оп. 491. Д. 3063. Л. 3.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1917. Оп. 491. Д. 3063. Л. 6.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 196.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 197–198.

С учетом того, что Вань Линь отправился на КВЖД с целью порчи железнодорожного полотна пути, Ду-цзюнь направил срочное предписание командиру 3-й китайской военной бригады и просил приказать командиру 2-го полка, части которого располагались на КВЖД, усилить наблюдение за появлением вблизи дороги шаек хунхузов¹.

В разведсводке от 15 февраля 1917 г. говорилось и о том, что Иланский даотай (уездный начальник) для расследования вопроса об опиуме командировал двух чиновников в район между Хабаровском, Владивостоком и Харбином².

При расследовании оказалось, что главным рынком опиума является китайский город на КВЖД – Харбин, откуда он развозится и затем перепродается на территории всего Китая.

В Харбин опиум ввозился из русского города Владивостока и с 5 и 6 станций на КВЖД. На Китайскую Восточную железную дорогу опиум провозился русскими подданными – служащими дороги. В виду того, что китайская полиция не имела права осматривать помещения и вещи служащих русской железной дороги, провоз и торговля опиумом в 1916 г. увеличивалась³.

После этого цзянь-цзюнем был затребован доклад от начальника Гиринской полиции, который сообщил, что японцы под видом магазинов и ломбардов торговали морфием в следующих местах: в Гирине – 2 ломбарда и 2 фирмы, в Цзючжане – 1 ломбард, Хуапинчане – 2 ломбарда, Инчэньцзы – 2 ломбард, Сюцзютай – 2 ломбарда, Тунцзятань – 1 фирма⁴.

Отмечал глава полиции и тот факт, что на японской концессии «Тойдаогоу» проживало 300–400 хунхузов, посещавших японские публичные дома и живущие в японских гостиницах. Японцы оказывали им большое содействие, так как хунхузы обеспечивали силовое прикрытие опиоторговли в зоне русско-китайской и русско-корейской границ⁵.

Наконец, 26 августа 1917 г. поступили следующие агентурные сведения от завербованных «китайских источника».

Во-первых, выше Сахалина по Амуру содержатели китайских почтовых станций и пикеты продавали спиртоносам ханшин (спирт). Ханшинный завод в Айгуне торговал настолько актив-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 199.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 205.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 756. Л. 206.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 56.

⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 757. Л. 162.

но, что на сухопутных станциях от Айгуна до Цицикара как раз за 50-верстной полосой (более 100 км) русско-китайской границы торговалось 200 бочек спирта, который частями в банках обходом таможенный проносился и провозился на выюках в китайский приграничный город Сахалин и далее растекался по русскому берегу Амура. Особенно сильно работали спиртоносы и склады спирта на дороге Хумарди в сторону русских сел – Константиновки и Поряковой.

Отмечалось в разведсводке, что 21 августа в Сахалине в пьяном виде с ножом в руках японец бегал за прохожими. Китайская полиция, которую некоторые прохожие просили арестовать японца, боясь каких-либо осложнений с японцами, уклонились от этого, закрывали глаза на преступные действия подданного микадо. Но не только китайцы боялись противодействовать японцам. Не могла этого делать и ослабевшая русская власть.

Так, в июле 1917 г., когда казаки конвоя вместе с делегатами военной организации в Благовещенске хотели арестовать приехавших за спиртом на лодке русских, укрывшихся на складе японской фирмы «Комияма», они не были туда допущены японцами. Японцы, угрожая оружием, не допустили конвой в свои складские помещения, а затем перенесли кули со спиртом в японские лодки и вывезли в неизвестном направлении¹.

По сообщениям из различных источников летом и осенью 1917 г. китайцы под руководством японцев отлично организовали контрабанду спирта на русское побережье, они пользовались сигнализацией для сообщения с единоплеменниками на другой стороне, завели разведку, следящую за конвоем. В притонах, содержащихся японцами, скрывались темные личности и дезертиры. В японских гостиницах и особенно в гостинице «Комиямы» открыто продавали запрещенные в Российском государстве с началом войны алкогольные напитки и разрешали азартные игры. Дело дошло до того, что стоимость золота в Сахалине составила 18 руб. за золотник, тогда как в Благовещенске оно шло по курсу по 20 руб. Отток золота из России, равно как и торговля морфием и опиумом, перешла в руки японских теневых предпринимателей².

Отмечался в разведсводке и факт побега из русского плена четырех немцев. Однако они направились не в глубь Китая, а присоединились на китайской стороне Амура к 200 русским старателям-дезертирам, работающим на местных золотых приисках³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 182.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 183.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 730. Л. 181.

Очень интенсивно в годы Первой мировой войны работала секретная шанхайская резидентура Министерства финансов российской империи.

В Пекин 14 марта 1915 г. поступило донесение из генерального консульства Российской империи в Шанхае от 13 марта за № 25.

В нем говорилось, что в Шанхае был замечен усиленный ввоз русского золота из Приамурского края, который следовал в Китай главным образом из города Благовещенска. Золото скупалось китайцами у русских золотопромышленников беспрепятственно и по цене, выше установленной для них при сдаче драгоценных металлов в казну Российской империи. Сделки были особенно выгодны китайцам из-за падения курса русских кредитных билетов (бумажных денег). Привозимое золото продавалось китайцами германскому банку в Китае для последующей отправки через США в Германию. Кроме того, золото ввозилось в Шанхай транзитом из Западного Китая в качестве посылок, пересылаемых по русской почте на адрес Шанхайского отделения «Русско-азиатского банка»¹.

О данной оперативной информации российский посланник в Пекине уведомил министра иностранных дел Российской империи в письме за № 279 от 29 марта 1915 г. и Приамурского генерал-губернатора в письме № 103 от 28 марта. В ответ на это генерал-губернатор Н. Л. Гондатти телеграфировал в Пекин, что им надлежащие меры принимаются, но благодаря близости границы, портативности золота, высокой расценки, рассчитывать на полное прекращение вывоза золота было нельзя.

Глава Приамурского края просил, опираясь на секретную агентуру в Китае, выяснить роль сотрудников «Русско-Азиатского банка» в контрабанде золота².

Он отмечал, что отправлено в Китай посылками и шлихованным золотом через отделения «Русско-азиатского банка» в Приамурском генерал-губернаторстве с 17 декабря 1914 г. по 1 апреля 1915 г. 138 500 руб. или 1 млн 565 тысяч 777 франков³.

В депеше российского консула в Харбине от 18 июня 1915 г. № 730 в императорскую российскую миссию в Пекине говорилось, что Приамурский генерал-губернатор также обратил внимание Прокурора Пограничного окружного суда на то, что за время войны в Приамурском крае наблюдался массовый отлив золота, которое, по имеющимся у генерал-губернатора сведениям, большими пар-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 7.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 11.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 14–17.

тиями тайно вывозилось за границу. Как известно генерал-губернатору, из Благовещенска в Харбин и Владивосток производилась систематическая отправка золота, причем как отправителями, так и получателями в большинстве случаев были граждане Китайской республики. Китайцами посылались телеграммы в Амурскую область о закупке там золота и пересылке его частным лицам мимо казенной лаборатории, преимущественно китайцам во Владивосток и Харбин. Всего за время войны т.е с 20 июля 1914 г. по 1 апреля 1915 г. из Амурской области во Владивосток только по почте было отправлено 18 пудов 27 фунтов и 29 золотников золота на общую сумму в 384 100 руб.

Имелись сведения, что золото тайно вывозилось из Владивостока как морским путем в Шанхай, так и сухопутным по КВЖД в Тяньцзинь, а оттуда отправлялось в Шанхай. Вслед за этим денежные переводы следовали на имя китайцев и китайских фирм непосредственно по почте до востребования или через банки. Были замечены почтовыми служащими Приамурского генерал-губернаторства, при перелюстрации писем, письма со вложением в них кредитных билетов на очень крупные суммы. Скорее всего своим назначением эти письма имели уплату за купленное и переправленное за границу золото или в аванс на его приобретение для последующей контрабандной перевозки за границу¹.

Так как ввиду закона Российской империи от 15 ноября 1914 г. почтовое и таможенное ведомства не пропускали за границу посылок с золотом и не допускали его перевоз в запрещенном количестве, а золото между тем уходило в Китай большими партиями, то генерал-губернатор попросил усилить надзор и борьбу с тайной переправкой золота за границу. Отметим, что по закону от 15 ноября 1914 г. иностранцы имели право при выезде из России вывезти ценности на сумму эквивалентную не более 500 руб. денег².

В рамках этой борьбы правоохранителями были составлены:

1. Опись посылкам с вложением золота, поступившего во Владивостокскую почтовую контору;

2. Опись посылкам с объявленной ценностью, полученным той же конторой из Китая, с вложением русских кредитных билетов, очевидно присланных в уплату за купленное золото или же в аванс на его приобретение;

3. Опись зарегистрированным Благовещенской таможенной отправкам во Владивосток из Благовещенска шлихованного золота.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 17.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 32.

Из ведомости № 1 усматривалось, что золото получали следующие китайские фирмы: 1) «Хун-тай-зан»; 2) «Хун-тун-Сунь»; 3) «Итай»; 4) «Чин-тай-и»; 5) «Юн-хо-шинь»; 6) «Мошо-мо-гун-сунь»; 7) «Юн-фу-фу»; 8) «Фу-зюй-вань»; 9) «Юн-зын-чань».

Некоторые из них, как стало известно генерал-губернатору Приамурского края, имели транспортные конторы в Хабаровске, другие, как, например, фирма «Хунтайзан», имели отделения не только в России, но и в Китае, в частности в Чифу, Куанченцзы и Тяньцзине, с которыми поддерживали тесные сношения.

По сведениям генерал-губернатора, во главе организации вывоза золота за границу стоял германский подданный Беме в компании с немцем Кригером, сотрудником газеты «Де остише Ллойд». Беме до войны проживал в Харбине, занимал ответственную должность в акционерной компании «Беркиль и К». Он с объявлением войны уехал в Чаньчунь и оттуда завязал бизнес-контакты с китайскими купцами в Благовещенске, Ушаково, Екатерино-Никольском, Джалинде и Игнашино, которые и являлись непосредственными поставщиками золота¹.

Все эти данные, добытые негласным агентурным путем, по мнению Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, нуждались в тщательной проверке и отнюдь не могли быть признаны исчерпывающими, но в связи с приведенными в ведомостях сведениями о китайских фирмах и отдельных лицах, занявшихся во время войны усиленной скупкой золота большими партиями, являлись до известной степени готовым материалом для истребования от подозреваемых в сбыте золота за границу официальных, подтвержденных документальными данными показаний, для какой цели скупалось ими золото и куда они его девали.

В связи с вышеизложенным Н. Л. Гондатти дал соответствующие указания прокурорам Благовещенского и Владивостокского окружных судов, сообщил для принятия мер губернаторам края, начальнику Приамурского почтово-телеграфного округа, чинам горного и таможенного ведомства. Потребовал от чиновников вверенного ему в управление края тщательного выполнения закона от 15 ноября 1914 г., а также поручил чинам жандармской полиции установить наблюдение как за поименованными в прилагаемых ведомостях китайцами, так и вообще за всеми подозрительными, в отношении вывоза золота, лицами и в случае обнаружения подоб-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 18.

ных нарушений потребовал привлекать виновных к ответственности¹.

Началось воздействие на указанные фирмы и дипломатическим путем с призывом их исполнять закон от 15 ноября 1914 г. Велись переговоры между Российским генеральным консулом в Харбине и Харбинским комиссаром по иностранным делам о содействии в воздействии на китайские фирмы².

Вице-консульство в портовом китайском городе Чифу в письме от 23 сентября 1915 г. за № 239 сообщало, что курс русского рубля на денежных рынках Китая значительно понизился. Тем не менее случаи повышенного спроса на русские деньги возникали несколько раз периодически, причем это явление сведущие люди объясняли простой спекуляцией и игрой на курсах валют. Но оказывается, что помимо спекуляции существовала еще и другая причина повторяющегося периодического спроса на русские рубли. Так, в Чифу существовало около 14-ти китайских крупных, не считая мелких, фирм, из них первое место принадлежало Китайскому коммерческому банку, которые покупали в Китае русские деньги, отправляли их затем в Приамурский край, где и обменивали на золото в слитках и песке. Золото же отправляли в Шанхай, где оно оказывалось в руках немецких скупщиков, в свою очередь, отправлявших золото в США.

Согласно тем же агентурным сведениям, скупка золота велась в китайских кварталах Благовещенска, в Халампо и его окрестностях (городке на китайской стороне Амура) китайскими скупщиками, которые получали для своих переездов особые «Проходные свидетельства» из рук коррумпированных русских чиновников (за каждое 200 руб.). Чтобы обезопасить себя от грабежей со стороны хунхузов, при следовании сухопутным путем на Харбин упомянутые китайцы уплачивали и им особо установленный рэкитерский сбор. Золото отправляли из Владивостока и морским путем, частью – в Чифу, а частью – в Шанхай³.

Приамурский генерал-губернатор в письме от 23 октября 1915 г. за № 632 посланнику России в Пекине Крупенскому Василию Николаевичу писал, что по имеющимся в его распоряжении данным, германский подданный «Бракенферст», проживавший в Чаньчуне, скупал червонное золото, платя за один золотник

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 19.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 20.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 36.

от 11 руб. 50 коп. до 12 руб. Деньги на оплату золота он получал из Пекина через банк «Цзянь-тунь-инь-хань».

Скупщики спирта в Китае везли спирт к Благовещенску и обменивали его на золото, получая за одну бутылку спирта один золотник золота в песке. Золото это сдавалось содержателю гостиницы «Интернационал» в Чаньчуне, содержателю гостиницы «Горд» в Дайрене Саицкому, а также хозяину ювелирного магазина в Тяньцзине, русскому подданному, который специально для этого приезжал в Чаньчунь¹.

Российский консул в Куаньченьцзы в донесении от 12 ноября 1915 г. № 1461 сообщал, что секретной агентурой был установлен русский поданный Шапиро – содержатель гостиницы «Интернациональ». У него с помощью обыска смогли обнаружить золото. Обыск провели после получения разрешения местной японской администрации (консульства).

Обыск проводили чины сыскной российской полиции, действовавшие на основании агентурных данных пограничников. Что касается до германского подданного Бракенферста, то агентура его установила – это германский подданный Бракенхефт. Он содержал магазин на Шанфу, в торговой части Чаньчуня, и не появлялся в японской полосе отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД)².

Резидентура штаба Заамурского округа пограничной стражи сообщала российскому консулу в Куаньченьцзы письмом от 19 ноября 1915 г. № 1540, что все сведения, находящиеся в секретном письме Приамурского генерал-губернатора от 23 октября за № 632 «носят явный характер недостоверности».

Их источником являлся проживавший на ст. Куаньченьцзы КВЖД бывший офицер флота Деливрон, человек подозрительный, авантюрист и фантазер. Насколько удалось установить, Бракенхефт скупкой золота не занимался, а сама цена его в письме преувеличена. Рассказ же о приобретении золота в Благовещенске в обмен на спирт заключалось в агентурном сообщении «положительно наивен».

Ничего конспиративного в торговле золотом не было. Это дело вели в Куаньченьцзы две фирмы: «Юн-хэн-дэ» и «Цин-шэн-хэн», регулярно получавшие золото и переплавлявшие его в слитки, которые большей частью отправлялись в Мукден и Шанхай, где они почти целиком попадали в германские руки по высокой цене. Неко-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 40.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 49.

торое количество золота покупалось в Чаньчуне японскими «Йокашима» и «Корейским» банками.

Золото – до 30 пудов в год – поступало с китайских приамурских приисков и только частью с русского берега Амура, куда скупщики проникали беспрепятственно, «имея китайские свидетельства и добывая известными путями пропуска от наших властей».

Единственным способом прекращения не только увоза русского золота, но и возможного сокращения китайского, по мнению разведчиков, была бы «организация скупки его русской казной на китайском берегу с установлением соответствующей выгодной цены при отсутствии излишних формальностей, вредных при такого рода деле»¹.

Вследствие предписания от 4 ноября № 1367 «Об установлении надзора за проживающими в Тяньцзине лицами, подозреваемыми в скупке золота в наших пределах для тайного вывоза его в Китай» агентурой Заамурского округа ОКПС были обнаружены: переяславский мещанин Полтавской губернии Иосиф Розенфельд и мещанин Ольвиополя Херсонской губернии Тобий Лейба Айзнер. Они проживали в Тяньцзине в течение 10 лет, паспортов не имели. Но после объявления призыва ратников 2-го разряда Айзнер под предлогом призыва получил паспорт, но направился с ним не на германский фронт а в принадлежавший японцам город Дайрен (Дальний). Там он вошел в сношения с владельцем гостиницы «Норд» Савицким. От последнего получал золото и передавал его Розенфельду в Тяньцзине. За Розенфельдом был установлен надзор, выяснивший, что 10 дней назад он уезжал из Тяньцзиня на север по железной дороге, но скоро вернулся. Возможно с Айзнером он встретился в Шанхае или на какой-то станции КВЖД между Тяньцзинем и Мукденом. Прямых улик против Розенфельда не имелось. На время составления агентурной сводки тот возбудил перед российским консулом ходатайство о паспорте. Консульство, помня о ситуации с Айзнером, в выдаче паспорта отказало. Розенфельду было выдано только проходное свидетельство для следования на родину и справка для Переяславской мещанской управы, откуда намечался призыв Розенфельда на фронт².

Итак, секретная агентура Министерства финансов Российской империи активно действовала в крупнейших городах Маньчжурии (как агентура Заамурского округа пограничной стражи): Харбине, Мукдене, Куаньченьцзы, а также портовых городах Китайской

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 51.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1020. Л. 52.

республики, имевших регулярные рейсы с Владивостоком – Шанхаем и Чифу. В отношении борьбы с общеуголовной преступностью разведка Заамурского округа пограничной стражи действовала в союзе с МВД Российской империи, их агентура собирала информацию о деятельности китайского преступного мира, оперировавшего на линии Китайской Восточной железной дороги и вдоль русско-китайской сухопутной и морской границ. Шанхайская агентура Министерства финансов в сотрудничестве с Департаментом полиции МВД России вела оперативно-розыскную деятельность, направленную на борьбу с контрабандой, опиеторговлей и вывозом драгоценных металлов с территории российского государства.

Глава 4. Агентурная работа Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов МВД Российской империи в Китае в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны агентура МВД Российской империи в Китае была задействована в некоторых оперативных играх. Прежде всего это дело американского гражданина Ведекина, нанятого германским консулом для изучения вопроса о расположении русских войск на Дальнем Востоке, а также лагерей для содержания военнопленных в регионе¹.

ДЕЛО ВЕДЕКИНДА

Российский консул в Мукдене от 23 февраля 1915 г. № 212 сообщал в Петроград в МИД России: «Возвратившийся вчера из Пекина заведующий здешним немецким консульством Гуго Витте, куда он вызывался в связи с донесениями китайской властям об обнаруженной китайской сыскной полицией подпольной деятельности немцев в Южной Маньчжурии, о чем я имел честь доложить Вашему Превосходительству, привез с собой, как мне было передано из моих секретных источников, новую программу дальнейших действий немцев в том же направлении. Разуверенные в действительности достижения успехов от наемных китайских хунхузов и подонков городской черни, немцы решили прибегнуть к пособничеству разных темных личностей от европейских резидентов. Так, по сведениям моего источника, один из здешних старинных немецких обывателей, содержатель немецких номеров для приезжающих, Отто Дидерихс, получил предложение переселиться в Сеул для агитации в Корее против японцев. Другой же дальневосточный авантюрист, американец из немцев, Вальтер фон Ведекинд, служивший одно время в англо-американской табачной компании и проживавший недавно в Чаньчуне, где он присоединял к своим коммерческим обязанностям роль немецкого разведчика, получил предложение сделать двухмесячную поездку по Приамурью и Забайкалью, посетив Владивосток, Хабаровск, Благовещенск и Иркутск с целью выяснения количества оставшихся там наших войск, положения германских пленных и проч., под прикрытием коммерческого коммивояжера, для этой цели он располагает тощеньким собранием торговых каталогов, проспектов и прейскурантов некоторых американских фирм.

Как нам передали из вполне достоверного источника, Ведекинд недавно был разоблачен одним из своих сослуживцев англичан

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. Д. 1026. Л. 284.

в названной выше табачной компании в его шпионской деятельности в пользу немцев, вследствие чего последовало его увольнение от службы. Сего числа он явился в канцелярию Генерального консульства с просьбой визировать его паспорт для въезда в Россию. Вместо паспорта у него оказалось на руках разрешение здешнего американского генералконсула на разъезды по Маньчжурии с оговоркой, что его американский паспорт отослан в Вашингтон. Визировать я отказался. Предупредив о том Генерального консула в Харбине и консула в Куаньчэньцзы телеграммами»¹.

Шифрованная телеграмма офицера ЖПУ КВЖД подполковника Блонского от 27 февраля 1915 г.: «Мною получены сведения, что американец Ведекинды обязался за вознаграждение давать сведения германскому консулу о русских войсках на востоке. Вчера он выехал из Мукдена на север. Штабам в Харбин и Хабаровск сообщено»².

Копия секретного письма российского генерального консула в Харбине на имя американского консула в том же городе от 4 июля 1915 г. № 211: «Я имел честь получить Ваше письмо от 3 июля № 320 в коем Вы запрашиваете меня о причинах обыска американского гражданина Вальтера фон Ведекинда на поезде КВЖД в Чаньчуне. Я не преминул запросить по этому поводу администрацию Дороги, которая снабдила меня подробными объяснениями, из которых явствует, что она была, к сожалению, вынуждена прибегнуть к столь исключительной мере, так как имелись серьезные данные предположить, что поездка Ведекинда в Чаньчунь имела связь с задуманным германскими агентами покушением на целостность КВЖД. У Ведекинда при обыске были отняты книги и бумаги, после чего он был освобожден, отобранных бумагах ничего предосудительного не обнаружено, они были ему возвращены в Харбине.

Что касается личности Ведекинда, то сведения о нем, как о лице, подозреваемом в шпионстве в пользу Германии, имелись еще в то время, когда он был уволен за свои подозрительные сношения с германцами со службы в англо-американской компании.

Я тогда не считал долгом обратить Ваше внимание на это лицо, так как имелись предположения, что он впоследствии перенесет свою деятельность в Харбин. Ныне я вновь позволяю себе обратить самое серьезное внимание Ваше на Ведекинда, поведение которого с его приезда в Харбин внушает подозрение. Так, например, он открыл курсы английского языка, прикрываясь именем американ-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 282.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 284.

ского консульства, в ведении коего эти курсы якобы находятся (что было опровергнуто Вами в печати). Было установлено, что уроков он не проводит. Это заставляет предполагать, что курсы Ведекинда открыты исключительно с целью замаскировать его истинную деятельность. Затем установлено, что Ведекинд вообще находится в постоянных тайных сношениях с различными немцами, переселившимися в начале войны из Харбина в Тяньцзинь»¹.

Далее в своей депеше российский консул в Харбине указал американскому коллеге, что по сведениям агентурных источников ЖПУ КВЖД, Ведекинд приехал в Харбин для заведывания коммерческими делами германского подданного Дидерихса; на это указывало неоднократное появление его с немкой, по предположению, женой Дидерихса в публичных местах. Крайне подозрительным представлялся также внезапный отъезд Ведекинда из Харбина с вышеупомянутой немкой, без всяких дорожных вещей. В частности, офицерами ЖПУ КВЖД было обращено внимание на то, что Ведекинд поддерживал оживленную переписку с исполняющим дела германского консула в Мукдене г. Витте. Агентурным путем было выяснено, что письма Ведекинда адресовался в Мукдене на имя Гейнцлемана, которого Витте посещал ежедневно в вечернее время. Кроме того, удалось установить, что Ведекинд находился в переписке с неким проживающим в Харбине китайцем, который создал в Мукдене сыскное общество из китайских агентов, путешествующих по ЮМЖД и КВЖД².

Именно на основании этой агентурной информации и был задержан, обыскан и впоследствии арестован американский гражданин немецкого происхождения Вальтер Ведекинд.

ДЕЛО ЧАРЛЬЗА МОЗЕРА

Во-вторых, это дело американского консула на КВЖД (Харбине) Чарльза Мозера, проведенное следственными органами России в октябре 1915 г.

Одним из направлений контрразведывательной работы в российской империи в годы Первой мировой войны стало противодействие побегам военнопленных, размещенных в лагерях Сибири и Дальнего Востока с территории России в нейтральный Китай.

С декабря 1914 г. по лето 1915 г. несколько сот военнопленных воспользовались этим маршрутом и сбежали из российских концентрационных лагерей, расположенных на востоке империи.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 291.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 292.

Российская разведка в Китае фиксировала, что прибывший в Пекин в начале июня 1915 г. австрийский обер-лейтенант Журек, бежавший из Благовещенска, сопровождался неким русским подданным евреем, именующим себя Тогамилицким (он же Тогамнильский), с которым названный австриец произвел окончательные денежные расчеты в Пекине 8 (21) июня, после чего Тогамилицкий перевел часть денег через Русско-Азиатский банк в Харбин по адресу: Гавриилу Любимову, магазин Ескиных – 200 руб. Секретный источник передавал, что организация провоза военнопленных существовала уже давно, и каждое содействие оплачивалось суммами до 500 руб.

26 октября 1915 г. Иркутское губернское жандармское управление сообщило начальнику Владивостокского охранного отделения, что им в Харбине раскрыта организация, содействовавшая побегам военнопленным. Причем установлена причастность к побегам германского консульства в Шанхае и американского консула в Харбине – Мозера. Арестованные в Харбине городской врач Рожер Бенинскгаузен Будберг, еврейский раввин Арон Киселев, мещанин Гуттель Линский, мещанка Риса Гусак и содержатель аптеки Леонард Томсон привлечены к формальному дознанию в качестве обвиняемых по 108 ст. Уголовного уложения. Начальник жандармского управления просил выявить связи задержанных лиц с подозрительными элементами и о последующем доложить.

В разоблачении Чарльза Мозера приняли участие секретные агенты Михаил Алексеевич Шляхтин, представший перед консулом в роли бежавшего из России от мобилизации дезертира и Александр Эструп, изображавший из себя будто бы бежавшего из русского плена лейтенанта Германской армии.

При анализе следственных документов нужно учитывать следующие обстоятельства: сын коллежского асессора Михаил Алексеевич Шляхтин и киевский мещанин Александр Эструп проходят в них как лица, которым случайно стало известно о правонарушениях американского дипломата и которые поспешили о них известить власти. На самом деле это секретные сотрудники, которые не могли быть объявлены такими, как по секретности их агентурной работы, так и потому что российское имперское законодательство запрещало в 1915 г. провокаторство, а при щепетильности и сложности ситуации полицейский агент мог быть обвинен в том, что сам подтолкнул то или иное лицо к совершению преступного деяния.

Как видно из протокола допроса К. К. Шольца следователем Иркутской судебной палаты М. С. Стразовым «...о привлечении к судебной ответственности военнопленных Штольца, Будберг-

га и др. за побег из плена» Карл Карлович Шольц, конновожатый (унтер-офицер) 42-го Австрийского императорского королевского пехотного полка был призван на войну из запаса. Ему было 32 года, по вероисповеданию – католик, по гражданской специальности – бухгалтер, по образованию – окончил реальное училище в Лейтмерпце в Богемии¹.

9-го апреля 1915 г. он был взят в плен при местечке Болиград (Палиград) в Галиции и затем был выслан вглубь России в г. Омск в качестве военнопленного. Там, не желая находиться в лагере для нижних чинов, попросился денщиком к офицерам и был отправлен в качестве денщика к австрийским военнопленным офицерам, находившимся в офицерском лагере в г. Тара. В Таре Шольц был прикомандирован к лейтенантам Козаку, Кому, Поберскому и Вильфанду. Там он узнал у летчика австрийской армии Карла Штаубера и офицера Гласса, о возможности побега из русского плена в Китай.

Среди офицеров шли разговоры о том, что в Омске есть целая шайка, которая занимается организацией побегов военнопленных офицеров, и что с каждого такого офицера берут 250 руб., чтобы проводить военнопленных до границы².

В августе 1915 г. Шольц случайно, выходя из парикмахерской, на улице познакомился с местным жителем Жаном Мандельштамом. Он спросил Шольца по-немецки, нравится ли ему в плену. Шольц ответил отрицательно. Тогда Мандельштам спросил Карла Карловича, не желает ли он бежать. Унтер-офицер выразил согласие бежать и сказал, что хотят также бежать и офицеры: Штаубер и Гласс. Мандельштам согласился помочь в побеге в Китай. Затем Шольц несколько раз виделся с Мандельштамом и вел переговоры о побеге. Решено было сделать следующее. Мандельштам за 1 200 австрийских крон согласился устроить побег до границы. Шольц познакомил Мандельштама с обер-лейтенантом Штаубером. Гласс же с Мандельштамом не виделся. За указанную сумму Мандельштам только обязался организовать побег, а все расходы на переодевание, дорогу и подобные расходы Штаубер и Гласс должны были оплачивать себе из своих сумм. План побега был выработан следующий. Мандельштам должен был сесть на пароход по паспорту некоего еврея Фриденталья, который Фриденталь специально для этого взял из полиции в Таре для себя и продал его Штауберу за 80 рублей. Фриденталь же, помощник Мандельштама в этом деле, состоял в Таре дамским портным. В мастерской

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 10.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 11.

Фриденталья и происходили встречи Штаубера с Мандельштамом. В паспорте на имя Фриденталья была записана его жена и дочь. По паспорту Фриденталья должен был ехать Мандельштам, в виде его жены в парике и в женском платье – Штаубер, а Гласс тоже в женском платье и парике под видом дочери.

Шольц же должен был ехать по паспорту Мандельштама отдельно. Получив кроны, Мандельштам съездил в Омск, купил там два женских парика и женское платье. Однако бежать группе военнопленных не удалось, так как в это время бежал лейтенант Шрайер из Тары, но вскоре он был задержан в Омске. После наказания Шрайера австрийские офицеры передумали бежать в женском платье. Переговорив с Штаубером и Глассом, военнопленные решили, что Шольц направится в Китай один, явится там к австрийскому консулу, получит паспорта-прикрытия для побега, перешлет их почтой Фриденталю, а тот передаст их Штауберу и Глассу.

«Я знал, – отмечал в допросном листе Шольц, – что в Пекине для Консульства ничего не стоит приобрести американские или шведские паспорта»¹.

Шольц бежал из лагеря для военнопленных офицеров в Таре 24 августа 1915 г. при следующих обстоятельствах: утром он вместе с другими пленными под конвоем одного русского солдата пошел в город за покупками и улучил случай незаметно отстать от конвоира.

Переночевав в доме у одного «старого еврея», куда его направил Жан Мандельштам, утром он был отведен его дочерью на пристань и посажен на пароход «Петроград». Сопровождал его и Мандельштам. За то, что Шольц переночевал у старого еврея, с него было взято 50 руб. Плата за путешествие по Сибири должна была составить еще 300 руб.

Ехал Шольц на пароходе по паспорту Фриденталья, но по легенде для попутчиков он должен был представляться Вебером – беженцем из Риги. Когда Шольц ночевал в квартире старого еврея, Мандельштам взял у него 100 руб. в счет будущей оплаты, шантажируя Шольца, что он откажется от своего участия в этом деле, если не получит аванса. Не желая ссориться, Шольц уплатил эти деньги.

На пароходе Шольц случайно познакомился с ехавшим там колонистом Фридрихом Штикелеме, а когда пил с ним чай, то к ним подсел молодой человеком по фамилии Шляхтин, который назвался военнообязанным из Тюмени, не желающим служить в русской армии и собирающимся бежать в Китай.

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 12.

Проникшись симпатией к русскому дезертиру, говорившему на немецком языке, австриец признался, что он беглый военнопленный. Шляхтин рассказал Шольцу, что он слышал, как при отправлении парохода из Тары в Омск местный полицейский говорил капитану парохода, что обнаружен побег одного военнопленного денщика и поэтому посоветовал, не доезжая на пароходе до Омска, выйти на ближайшей пристани и в Омск приехать на лошадях. Не доезжая до Омска одной пристани, оба беглеца сошли с парохода. В ближайшие деревни новые приятели договорились с крестьянами и поехали в Омск на подводе. Через сутки они приехали в Омск, и по адресу, указанному еще Мандельштамом на пароходе, разыскали его в гостинице «Русь». Сами Шольц и Шляхтин остановились в номерах доходного дома Шмидта.

Когда Шольц и Шляхтин пришли в номер Мандельштама, то австриец потребовал от Мандельштама 100 руб., данных ему в Таре в квартире старого еврея, а также отдал ему парики, чтобы возвратить их парикмахеру и получить обратно ранее уплаченные за них деньги.

Мандельштам, вернул часть денег – 50 руб., а про парики ответил, что за них возвращают только 15 руб. Шольц, раздраженный этим стяжательством, оставил Мандельштаму парики. Далее он решил следовать в Китай в сопровождении Шляхтина, который показался ему очень полезным напарником: он хорошо говорил по-русски, мог объясняться с австрийцем по-немецки, и вообще хорошо знал русскую жизнь.

От Омска до Иркутска Шольц проехал при содействии Шляхтина во 2-м классе плацкартного поезда. Когда беглецы ожидали на железнодорожной станции Омск поезда, туда явился Мандельштам и пытался уговорить австрийца снова воспользоваться его услугами. Он даже пытался купить билет Шольцу. Тем не менее австриец решил далее следовать в сопровождении Шляхтина.

В Иркутске беглецы решили заночевать среди польских беженцев, чтобы достать у них паспорт для Шольца. Дело в том, что Шольц в панике перед проверкой паспорта полицией, ранее порвал паспорт на имя Фриденделя, так как сомневался в том, не сдал ли его полиции лишенный заработка Мандельштам.

Шляхтин разговаривал с польскими евреями в Иркутске, и они вдвоем посещали там местного раввина, ибо хотели получить от него немного денег.

Шляхтин представлял Шольца как еврея-беженца из Риги – Альберта Вебера. Но иркутский раввин отказал в деньгах, относи-

тельно выдачи удостоверения советовал посетителям обратиться в полицию. Разумеется, в полицию беглецы не пошли.

Однако нахождение среди иркутских евреев принесло определенные плоды. Так, беженец Дайнович продал Шольцу свое беженское удостоверение за 15 руб. После этого Шляхтин достал два бесплатных беженских билета для проезда из Иркутска до станции Маньчжурия. Со станции Маньчжурия беглецы купили платные билеты до Харбина. По прибытию в г. Харбин остановились в гостинице «Бристоль», которая располагалась на пристани. На другой день утром Шольц и Шляхтин решили пойти к местному раввину и просить у него помощи в деньгах и документах.

Придя в синагогу, Шольц обратился к раввину по-немецки, сказал ему, что он беженец из Риги, а Шляхтин из Варшавы, и они оба желают уехать в Китай.

Раввин философски ответил, что многие едут в Китай, спросил есть ли у посетителей паспорта. Беглецы ответили, что паспорта у них есть, но не с собой, а в гостинице. Шольц просил у раввина денег, говорил, что у него всего 25 руб., а проезд в Китай стоил от 50 до 70 рублей. В денежной помощи раввин отказал, но указал на служителя синагоги (шамеса) Шмуля, который по словам раввина знает, как помочь, то есть как провезти посетителей нелегально через границу.

Шольц спросил раввина, к какому консулу следует обратиться за денежной помощью. Такой вопрос он задал раввину потому, что еще от лейтенанта Шрайера в Таре слышал, что американский консул в Харбине будто бы дает беглым военнопленным офицерам деньги и паспорта для побега за границу.

Услышав вопрос об американском консуле, раввин как-то съехался, ушел в себя и уклончиво ответил: «Я не знаю. Попробуйте».

От раввина беглецы пошли к шамесу. Они рассказали ту же историю шамесу, утверждали, что они беженцы-евреи, желающие проехать в Китай. Шамес сказал, что он может устроить побег и что за это ему следует заплатить 100 руб., то есть по 50 руб. с человека.

Шамес просил прийти к нему на следующий день в его квартиру напротив синагоги и там узнать, когда можно будет отправиться из Харбина (полоса отчуждения КВЖД) на территорию Китая, контролируемую исключительно китайскими властями.

Но так как задача получить денег была не решена, Шольц и Шляхтин, выйдя из синагоги, решили попытать счастья, посетив американского консула. Они пришли к нему на квартиру, китаец-слуга провел посетителей в комнату секретаря. Оттуда он провел их

в кабинет консула. Консул плохо владел немецким языком, и поэтому он попросил Шольца говорить по-французски.

Шольц рассказал, что он бежавший военнопленный. Однако консул прервал разговор и задал вопрос о его спутнике. Шольц ответил, что это русский дезертир, эта информация вызвала недовольство американского консула. Консул спросил у Шляхтина паспорт и потом, рассмотрев паспорт, попросил его выйти в комнату секретаря. Когда Шляхтин вышел, Шольц предъявил имеющуюся при себе легитимационную карту унтер-офицера 42-го Императорского Королевского полка Карла Шольца. Консул посмотрел карту, затем записку от военнопленных офицеров Штаубере и Гласса. Эти документы Шольц предусмотрительно хранил в мундштуках папирос. Затем консул выдал австрийцу 65 руб. и приказал секретарю подготовить расписку в их получении. Секретарь принес и дал подписать Шольцу две расписки, набранные на пишущей машинке.

Там по-английски было написано: «В Тяньцзине американскому Генеральному консулу, унтер-офицером 42-го пехотного полка Карлом Шольцем получено 65 рублей в виду стесненного материального положения»¹.

Консул спросил у Шольца, есть ли у него какой-нибудь паспорт. Карл Карлович Шольц ответил, что есть только беженский билет. Консул засмеялся и посоветовал в Фудядяне найти людей, которые помогают перейти границу. После этого Шольц попрощался и вышел на улицу, где его ждал Шляхтин. Вместе они снова пошли опять к шамесу в синагогу, сказать, что деньги теперь есть.

Шамес позвал беглецов к себе на квартиру, говоря, что на улице говорить о нелегальном переходе границы опасно. Шамес узнав, что у Шольца нет паспорта, сказал, что за переход за границу Шляхтин должен уплатить шамесу 25 руб., так как у него есть паспорта, а Шольц, как не имеющий паспорта, должен уплатить еще 25 руб. за паспорт, то есть за переход границы всего 50 руб. Шольц сказал шамесу, что у него есть билет беженца, купленный им в Иркутске, но еврей ответил, что этого билета для перехода границы недостаточно. Он просил зайти к нему на квартиру в воскресенье и сказал, что в это время, то есть до воскресенья, он – шамес – должен достать паспорт и справиться, есть ли на пропускном пункте человек, который ставит на паспортах визы за взятку.

На другой день утром, желая сохранить часть денег, Шольц и Шляхтин снова пошли к американскому консулу, Шляхтин оставался на улице, а Шольц зашел и спросил секретаря консула, может

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.

ли принять его американский консул. Секретарь сказал, что консул занят. Шольц просил, чтобы он передал консулу, просьбу выдать ему американский паспорт. Секретарь вышел от консула и сказал, что выдать австрийскому подданному американский паспорт нельзя. Секретарь посоветовал Шольцу обратиться к владельцу аптеки в Харбине – Томсону, сказал, что он немец и быть может поможет добыть паспорт и дал адрес аптекаря. Шольц пошел к Томсону без Шляхтина. Томсон выслушал Шольца, сказал, что он человек семейный, рисковать не желает и просил его уйти, угрожая позвать полицию.

Затем Шольц и Шляхтин отправились к шамесу на извозчике. Шамес оказался дома. Он сказал посетителям, что все готово к переходу границы, которое назначено на воскресенье.

Однако ночью в номере гостиницы «Бристоль», где остановились Шольц и Шляхтин, полицией был произведен обыск. По обыску у Шольца были найдены: легитимационный билет, записка, писанная рукою Гласса и подписанная Штаубером и Глассом. Эти документы хранились в мундштуках папирос в деревянном портсигаре, где хранились еще и деньги. На портсигар указал полиции Шляхтин, который видел, как Шольц брал оттуда деньги. При этом Шляхтин до этого пытался однажды тайно взять деньги из портсигара, в чем и был уличен Шольцом на станции Маньчжурия¹.

5 ноября 1915 г. судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда М. С. Стразов в камере тюрьмы Харбина на территории КВЖД допрашивал в качестве свидетеля Артемия Михайловича Бокастова, ротмистра отдельного корпуса пограничной стражи, помощника начальника отделения при ЖПУ КВЖД, 37 лет.

Жандармский офицер показал, что был назначен на должность помощника начальника отделения при железнодорожном полицейском управлении в конце августа 1915 г. До его вступления в эту должность с июня 1915 г. появились «негласные сведения», что в городе Харбине существует организация, которая всячески содействовала побегам германским и австрийским военнопленным за границу, для чего предоставляла им паспорта на имя российских поданных, сопровождала их по железной дороге до границы, или указывала пути следования за границу на лошадях. В августе 1915 г. побегу военнопленных участвовали.

Агентурные сведения ЖПУ КВЖД свидетельствовали, что несомненным участником такой организации «...для способство-

¹ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 15.

вания побегу военнопленных германских воинских чинов являлся состоявший в должности тюремно-городского врача доктор медицины барон Роджер Александрович фон-Будберг... Были указания, что военнопленные пользовались услугами членов местного еврейского общества, и что какой-то шамес снабжает их чужими и подложными паспортами, но точно фамилии шамеса указано не было, и поэтому никаких решительных мер в отношении его принять не было возможности», — сообщал ротмистр следователю¹.

Кроме того, по агентурным сведениям, ЖПУ КВЖД стало известно, что местный раввин по фамилии Киселев «...оказывал всякое содействие военнопленным, которые пользовались его услугами под видом беженцев или евреев, бегущих из России за границу, некоторые от воинской повинности, другие от службы в войсках уже после призыва, а третьи как разоблачаемые в различных преступлениях и избегающие кары, впрочем, и в отношении Киселева положительных доказательств виновности его в этом преступлении не было»².

8-го октября 1915 г., по показаниям ротмистра А. М. Бокастова, к нему добровольно явился молодой человек, представивший паспорт на имя сына коллежского асессора Михаила Алексеевича Шляхтина и заявил, что проезжая из города Тары в город Омск для поиска себе работы он на пароходе «Петроград» познакомился совершенно случайно с военнопленным австрийским унтер-офицером, назвавшимся ему сначала беженцем из Риги Вебером, а в действительности Карлом Шольцем, который бежал из концентрационного лагеря военнопленных в Таре при содействии проживающих в Таре: портного Фриденшталя, комиссионера Жана Мандельштама, старого еврея и его дочери, как потом оказалось, Малки и Мейлиха Браиловских³.

Шляхтин заявил, что из Омска он отправился вместе с Шольцем, желая из патриотических чувств выявить всю преступную организацию, способствующую побегам военнопленных из России. Вместе они благополучно прибыли в Харбин, где Шольц обратился за содействием к местному раввину Киселеву, а этот последний сперва направил их к американскому консулу, потом посоветовал им обратиться за помощью к шамесу синагоги Линскому, который обещал достать им подложные паспорта, устроить свободный переход русской границы в Китай за денежное вознаграждение. Так как

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 16.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 16.

³ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 17.

по словам Шляхтина им уже был назначен день отъезда за границу, то ротмистр А. М. Бокастов решил произвести обыск у Шольца и Шляхтина в гостинице «Бристоль»¹.

По произведенному обыску жандармский офицер обнаружил в мундштуках папирос свернутыми в трубочки два документа, из которых один представлял из себя легитимационную карту на унтер-офицера австрийской армии Карла Шольца, а другой – записку, написанную, как потом оказалось, рукой военнопленного кадета в Таре Роберта Гласса, который написал на ней за себя и по поручению находящегося в Таре же в концентрационном лагере военнопленного австрийского обер-лейтенанта Карла Штаубера обстоятельства их пленения русскими за подписями названных военнопленных².

Арестовано вместе с Шольцем и Шляхтиным было и третье лицо, заказавшее паспорт у шимеса Линского. Арестованный назвался Падкиным, как потом оказалось, на самом деле был евреем Хайкиным, который при содействии того же раввина Киселева и Линского намеривался бежать в Китай от воинской повинности и рассчитывал получить от них содействие и паспорт, чтобы перейти границу в Китай. Так как Шляхтин «чистосердечно» рассказал жандармскому офицеру «все без утайки и выразил горячее желание быть полезным в розысках по столь данному делу», то ротмистр А. М. Бокастов освободил его и с помощью филеров, в роли которых выступили переодетые в штатское платье унтер-офицеры железнодорожного полицейского управления, отправил его в назначенное время к Линскому, и этот последний, как показал потом Шляхтин и подтвердил переодетый в штатское платье унтер-офицер управления Юрко, наблюдавший за ними негласно, повели его по Китайской улице до пристани и там познакомили его с еврейкой Рисей Гусак, которой указали, что этот молодой человек и его друг желают проехать за границу по чужим паспортам. Гусак, в присутствии Линского, обещала все устроить, сказала, чтобы он, Шляхтин, пришел в воскресенье в 4 часа утра к пристани. На недоверчивые вопросы Шляхтина, удастся ли запланированное дело? Гусак, по его словам, утверждала, что она уже не раз все делала и переправила за границу много людей. По совету А. М. Бокастова Шляхтин опять пошел к Гусак, на другой день.

Гусак встретила Шляхтина упреками, сказала, что все готово и даже показала Шляхтину спрятанные за кофтой паспорта. Когда

¹ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 18.

²ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 18.

Шляхтин рассказал об этом А. М. Бокастову, тот решил, что настал удобный момент произвести «ликвидацию», то есть задержание и обыск Гусак. В тот же день, то есть 12-го октября, в квартире Гусак сотрудники ЖПУ КВЖД произвели обыск¹.

В моменте входа в квартиру Рися Гусак пыталась выбросить паспорта, но ротмистр взял ее за руку и вынул из нее в присутствии понятых свидетельство на имя Карпоносова, паспорт на имя Гудовича, свидетельство на имя последнего и разорванный на четыре части паспорт на имя Карпаносова, а также письмо из Шанхая и клочок письма с текстом, обозначающим чьи-то приметы (документы свидетелю были предъявлены, подтверждены). После этого Рися Гусак была задержана и препровождена в Харбинский арестный дом².

13-го октября 1915 г. по показаниям ротмистра к нему явился другой «патриот», недавно освобожденный из Харбинского арестного дома мещанин города Киева Александр Эструп, который заявил, что будучи 12-го октября 1915 г. на вокзале из окна заметил, как с вокзала в город направился известный ему немец Агасфер, живший в гостинице «Гранд-Отель» под фамилией Ромишевского, в сопровождении другого, неизвестного Эструпу человека, с объявленным платком лицом³.

Зная Агасфера, как лицо, сочувствовавшее германским подданным, Эструп последовал за ним и видел, как оба они прошли в квартиру американского консула в Харбине Мозера. Подождав возвращения Агасфера, Эструп, по его словам, сделал вид, что встретил его случайно около сада у вокзала, и вместе с ним отправился выпить в один из ресторанов на пристани, а потом, сгорая любопытством, рискнул сам пройти в квартиру американского консула Мозера под личиной германского военнопленного офицера, ищущего способ перейти границу в Китай. В тот же вечер Эструп, по его словам, отправился на квартиру американского консула, назвался там лейтенантом Ольденбургом, взятым в плен русскими в Восточной Пруссии и бежавшим из лагеря⁴.

Американский консул видимо поверил Эструпу-Ольденбургу и сказал, что он может ему помочь, но так, чтобы не узнало русское правительство. Потом, по словам Эструпа, консул рекомендовал ему доктора Будберга, как лицо, которое многим военнопленным оказа-

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 19.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.

³ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.

⁴ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 22.

ло услуги, и предложил пойти к нему тот же час и просить паспорт, написав ему записки, в которых указывался адрес квартиры Будберга в Харбине и в Фудядяне, путь, по которому нужно бежавшему из плена ехать до Шуанченпу, и просил записку тотчас же по минувании надобности уничтожить. Действительно Эструп предъявил А. М. Бокастову две записки на блокноте, написанные карандашом на французском и русском языке (были свидетелю предъявлены документы, подтверждены)¹.

Далее Эструп заявил ротмистру, что сам знаком с доктором Будбергом и не может пойти к нему. В целях установить роль американского консула и доктора Будберга в опасной организации А. М. Бокастов посоветовал Эструпу снова явиться к Чарльзу Мозеру и говорить, будто он был у Будберга и уже получил от него паспорта².

13-го октября 1915 г. Эструп повторно отправился к американскому консулу и, пробыв у него некоторое время, снова явился к ротмистру и объяснил следующее. Американский консул поверил уверениям Эструпа относительно визита к доктору Будбергу и затем будто бы при содействии своего помощника произвел ему некоторый экзамен относительно строя германской кавалерии, который Эструп, с его слов, как служивший в французской кавалерии, выдержал, и после этого американский консул выдал посетителю деньги и отобрал от него две расписки: одну для себя, другую для германского правительства, которые Эструп подписал фамилией лейтенанта Ольденбурга по-немецки³.

После этого консул рассказал ему, что он должен отправиться в Фундядян и оттуда на лошадях доехать до Шаунченпу, и там только сесть на поезд и ехать в китайский город Чаньчунь. Эструп-Ольденбург просил написать ему название станции Шуанченпу, что и было сделано секретарем, служащим у консула, а консул лишь сделал в ней исправление соответственно немецкому произношению⁴.

Далее консул пояснил, что Ольденбург должен остановиться в «Ямахо-Отель», название которого тоже было написано служащим консула на блокноте и там же подать телеграмму на имя германского консула в Мукдене о содействии. Консул далее сообщил Эструпу-Ольденбургу, что в трех номерах «Ямато-Отель» в Чаньчуне проживают германцы, которые ему могут быть полезны. В это

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 22.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.

³ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.

⁴ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 24.

время к консулу приехал французский консул Ромеро, которого знал Эструп, и по показаниям Эструпа американский консул будто бы спрятал его в шкафу, а затем, когда французский консул был приглашен в квартиру американского консула, Эструп-Ольденбург был выпущен секретарем на улицу¹.

Затем по операции, разработанной А. М. Бокастовым, прибыв в Чаньчунь, Эструп дал в Мукдене германскому консулу телеграмму, что ожидает от него помощи. В ту же ночь к нему в «Ямато-Отель» явился проживающий там немецкий генерал Папенгейм, перед которым Эструп разыграл роль бежавшего из русского плена лейтенанта Ольденбурга. Очевидно и генерал Папенгейм тоже поверил Эструпу и на другой день познакомил его с немецкими офицерами Врумбергом и Кальбеком. Во время беседы с ними Эструп слышал, что германскими агентами готовится взрыв мостов или туннелей на КВЖД, что они ожидают с российским экспрессом прибытия двух дам из Германии, которые должны были привезти с собой взрывчатые вещества. В разговоре с немецкими офицерами Эструп услышал, что доктор Будберг им тоже известен как верный Германской империи человек².

Подробно расспрашивать о чем-либо Эструп-Ольденбург боялся, опасаясь, что положение его будет открыто и ему грозит большая опасность. Между тем, очевидно, приезд его под видом германского офицера вызвал некоторый интерес японской полиции, поэтому на другой день по прибытии в Чаньчунь Папенгейм предложил Эструпу-Ольденбургу отправиться на вокзал и приготовиться к отъезду в Мукден, а счет его в гостинице Папенгейм оплатил из своих средств. На вокзале перед приходом экспресса из России Кальбек купил Эструпу-Ольденбургу билет до Мукдена, и Папенгейм провел его в вагон и указал место.

Не желая в этот день ехать в Мукден, Эструп вышел из вагона, и в то время, когда поезд должен был уходить, Ольденбург-Эструп, как бы спеша на станцию, сошел в Чаньчуне. Вскоре туда явился немец Киль, показал ему телеграмму от Папенгейма с приказом оказать ему всякое содействие и пригласил его к себе на квартиру, где накормил Эструпа-Ольденбурга, сходил на вокзал, купил ему билет и проводил на поезд, отходящий в Мукден, но Эструп-Ольденбург успел обмануть Киля и прошел в противоположные двери вагона,

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 24.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 25.

и по путям добрался до железнодорожной станции, оттуда поездом возвратился в Харбин¹.

Допрошенная на формальном дознании в качестве обвиняемой Риса Гусак призналась в присутствии прокурора суда и двух понятых, что шамес Линский неоднократно обращался к ней с просьбой провозить до Чаньчуня каких-то людей, обещая ей за это деньги, но по словам Гусак, она от этого отказывалась².

Далее Гусак объяснила, что в воскресенье 11 октября 1915 г. Линский пришел к ней в сопровождении Шляхтина и сказал, что его и еще каких-то двух нужно отвезти до Чаньчуня, и что на всех трех он даст ей паспорта, причем обещал уплатить ей за каждого по 25 руб. Линский пришел к ней в парикмахерскую в воскресенье и принес три паспорта, но людей тех не было, и он паспорта унес обратно. В понедельник явился Шляхтин и Гусак стала упрекать его, что он не явился в назначенное время и вместе с ней не отправился на поезде в Китай, при этом она утверждала, что показала ему два паспорта на Карпаносова и Гудовича, которые будто бы ей накануне дали для прописки в полицию перешедшие к ней на квартиру Карпаносов и Гудович³.

Гусак говорила, что Линский уже давно занимался провозом разных людей в Китай и использовал для этого преимущественно евреев с собственным гужевым транспортом. При этом по словам Гусак он торопил ее с провозом Шляхтина и других, предупреждая, что за ним следит «сыскное отделение»⁴.

Гусак оправдывалась, что она никогда не провозила за границу иностранцев, думала, что это евреи, и не знала, что среди трех последних есть один военнопленный⁵, хотя свидетель Шляхтин в своих показаниях утверждал, что он ей говорил, что один из лиц военнопленный, а Гусак на это ответила, что она провезла через границу уже десять военнопленных, а этот будет одиннадцатый⁶.

Киселев и Линский на допросах отрицали свое всякое участие в организации провоза военнопленных за границу. Они отказывались отвечать правдиво на вопросы следователя М. С. Стразова⁷.

28–29 октября 1915 г. был проведен допрос М. С. Стразовым Александра Севериановича Эструпа, мещанина города Киева. Тот

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д.1. Л. 26.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д.1. Л. 27.

³ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д.1. Л. 28–29.

⁴ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 30.

⁵ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 31.

⁶ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

⁷ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 35–36.

показал, что однажды на бульваре он случайно познакомился с двумя русскими предпринимателями, которые приехали в Шанхай при содействии консула Гроссе заказать для нужд русской армии 1 000 000 пар сапог. По их словам, консул России в Шанхае – Гроссе отказался указать кого-либо полезного в этом деле. Эструпу пришлось их познакомить с китайскими и японскими сапожниками, и они смогли заказать сапог вдвое более и заказ этот был исполнен и сдан во Владивосток. После объявления войны консул Гроссе не позаботился принять меры против уклоняющихся от воинской повинности, которые целыми толпами стали пребывать из Владивостока в Шанхай на пароходах. Он даже оказывал им покровительство и поддержку. Так, еврею-булочнику, бежавшему от призыва, выдал 400 долларов. Когда консул Гроссе узнав, что Эструп собирает о нем компрометирующие его факты, он через своего протежируемого русского подданного Эглитта добился, чтобы против его сожительницы Кушаковой была подана письменная жалоба с обвинением ее в хищении у какого-то Воробьева 145 долларов США. В результате преследований Эструп с Кушаковой были вынуждены покинуть Шанхай. В первых числах июня 1915 г. Эструп и Кушакова прибыли во Владивосток⁸.

Ранее в 1914 г. в Шанхае у своего квартирохозяина, очень богатого китайца, Эструп познакомился с другим китайцем, хорошо говорящем на французском языке, которого хозяин назвал секретарем Президента Китаской республики Юань Шикая. Эструп несколько раз виделся с ним и вот незадолго перед поездкой во Владивосток этот секретарь Юань Шикая предложил купить частным способом в Китае 278 000 винтовок системы Маузера, приблизительно на каждую по 2 800 патронов, гаубицы, артиллерийские орудия, какое точно количество, Эструп не помнил. Но секретарь президента со слов Эструпа собственноручно по-французски записал их число на особую бумажку и выдал Эструпу особый код для письменных секретных контактов. Винтовки в этом коде, к примеру, именовались бобами⁹.

Эструп согласился выполнить поручение и передать его русским военным властям. Но смог это исполнить только в 1915 г., когда прибыл во Владивосток. По прибытии во Владивосток он розыскал знакомого шофера по фамилии Верховых и через него познакомился с местным офицером и ему передал поручение секретаря Юань Шикая. На другой день в гостинице «Золотой рог» с ним

⁸ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 133.

⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 134.

пришли к Эструпу еще два интендантских чиновника, которые выясняли подробности транспортировки вооружения из Китая. После установления контактов с российскими офицерами Эструп снова отправился в Китай в Харбин, где и заселился в гостинице «Русь»¹.

Однажды вечером в городском саду он познакомился с немцем Кегелем, русскоподданным. Тот свел его 7–8 июня в «Бель Вю» с доктором Будбергом. Эструп, общаясь с Кегелем и предлагая ему разные предпринимательские проекты, представлялся, однако, под вымышленным именем, как француз из Лотарингии, то есть германский подданный.

К Кегелю часто на дом приходили три немца, один железнодорожник, вели разговоры об отправке аммуниции во Владивостоке для русской армии, скопившейся в Китае с декабря 1914 г. по февраль 1915 г. Немцы в личных разговорах утверждали, что русские проиграют войну и будут разбиты².

Однако одним утром в гостиницу «Русь» явились чины Харбинского сыскного отделения и произвели у Эструпа обыск. В процессе обыска у авантюриста были изъяты:

1. Телеграмма, которую он посылал Верховых во Владивосток;
2. Заметка германского подданного Удлера, о торговых операциях, которые Эструп должен был проводить в Пекине.
3. Код для связи с секретарем Юань Шикая.

А. С. Эструп, оказавшись под стражей, сразу же потребовал встречи с начальником сыскного отделения, но тот не поверил объяснению и посадил авантюриста в Харбинский арестный дом, где тот и пробыл около трех месяцев. Сначала он сидел в камере № 4 с немцем Агасфером, но так как Эструп знал его под фамилией Рогович, по бизнес делам в Шанхае, он заподозрил, что Агасфер шпионит в пользу Германии. Впоследствии он увидел означенного Агасфера с каким-то человеком на вокзале Харбина, он проследил за ними до квартиры американского консула. В 18:00 Эструп сам отправился к консулу, с тем чтобы выявить козни немецких шпионов в Харбине³.

5 ноября 1915 г. судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда М. С. Стразов, рассмотрев дело о бароне фон-Будберге, Ароне Киселеве, Гиллеле Линском, Рисе Гусак и других обвиняемых в преступлении, предусмотренном статьей 108.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 135.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 136.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 137–138.

Уголовного Уложения, — нашел, что 8 октября 1915 г. в городе Харбине на территории Китайской восточной железной дороги в Отдельный корпус пограничной стражи к ротмистру Бокастову, состоящему в должности помощника начальника отделения при железнодорожном полицейском управлении, явился молодой человек, предъявил ему паспорт на имя сына коллежского асессора Михаила Алексеевича Шляхтина и заявил, что прибыл в город Харбин вместе с беглым австрийским военным унтер-офицером Карлом Шольцом, который при содействии местной еврейской организации намеревается перейти русскую границу в Китай.

16 октября 1915 г. чинами железнодорожного полицейского управления в видах проверки указанных выше сведений был произведен в квартирах шамеса Харбинской главной синагоги у Гиллеля Линского и Харбинского санитарно-городового и тюремного доктора медицины барона Рожера Александровича фон Будберга обыски, после чего все указанные лица были заключены под стражу¹.

22 ноября 1915 г. жандармско-полицейское управление КВЖД сообщало Иркутскому губернскому жандармскому управлению, что в связи с дальнейшими розысками по делам Левина и Будберга в Харбине по указаниям агентуры были арестованы двое австрийских подданных, ехавших с секретными поручениями в Пекин по подложным документам на имя Станислава Добровольского и Адольфа Збыдневского, причем у последнего обнаружены по обыску чертежи аэроплана какой-то новой конструкции, ряд заметок и адресов и карты, где определенно обозначены железные дороги и населенные пункты как места для возможных диверсий².

Отмечалось, что бумаги, отобранные по обыску у обвиняемого барона фон Будберга, разбираются, причем среди них обнаружена фотографическая группа, на которой изображен германский подданный Август Штефлер, личный друг фон Будберга, в кругу вооруженных китайцев. Названный Штефлер проживал на территории КВЖД сперва в качестве миссионера французской католической миссии, а затем в качестве представителя германской фирмы «Нюман», причем с объявлением войны спешно выехал и находился неизвестно где. Репродукцию этой группы ротмистр Бокастов прилагал к настоящему отношению, сам Штефлер, как видно по снимку, был вооружен винтовкой системы «Маузера» принятого в германской армии образца, а все остальные трехлинейными русскими

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 12. Л. 30.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 68–69.

винтовками, которыми, к сожалению, были вооружены оперирующие в Маньчжурии хунхузнические шайки (рис. 1)¹.

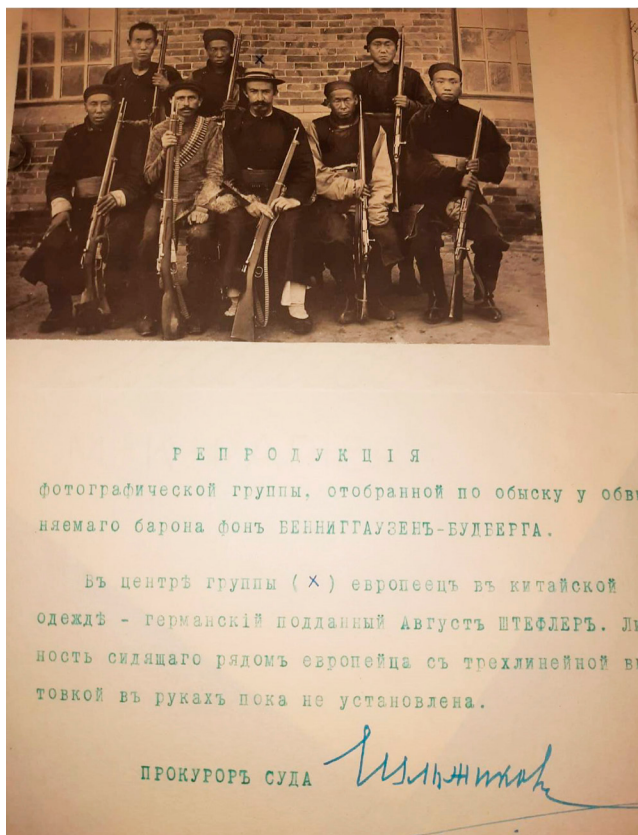

Рис. 1. Репродукция фотографической группы, на которой изображен германский подданный Август Штефлер в кругу вооруженных китайцев

Привлеченные затем в качестве обвиняемых к формальному дознанию по обвинению в том, что способствовали побегам германских и австрийских военнопленных из русского плена в Китай в целях способствования неприятелю в его враждебных против России действиях, то есть по 108 ст. Уголовного уложения, *все указанные лица виновными себя не признали и дали показания, исключаящие всякое их участие и даже осведомленность к побегам военнопленных*².

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 70.

² ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 84.

Изложенное на предварительном следствии удостоверено показаниями свидетелей Шляхтина, Эструпа, Шольца, Бокастова и другими обстоятельствами дела. Подводя итог судебный следователь по особо важным делам М. С. Стразов нашел, что обстоятельствами настоящего дела дамский портной в городе Таре – Фриденталь, комиссионер Жане Мандельштам, Эль Мейлахов Брайловский, Малка Элизова Брайловская, Харбинский санитарно-городовой и тюремный врач доктор медицины барон Ронер Александрович фон-Будберг, Харбинский общественный раввин Арон Мовша Шмулев Киселев, шамес Харбинской главной синагоги Гиллель Абрамов Гершев (Линский), гомельская мещанка Рися Абрамовна Гусак достаточно изобличены в том, что в целях благоприятствования во враждебных против России действиях находящимся ныне в нею на положении войны Германии и Австро-Венгрии способствовали побегам из России в пределы Китая германских и австрийских воинских чинов, взятых в плен и находившихся в качестве военнопленных внутри России, предоставляя им все средства и способы для таких побегов, и для перехода русской границы в Китай. Вследствие этого, руководствуясь 396 ст. уст. угол. суд. судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда М. С. Стразов 6 ноября 1915 г. постановил о взятии вышеуказанных лиц под стражу¹.

Как свидетельствует секретное личное письмо прокурора пограничного окружного суда Ал. Сульжикова на имя Императорского российского генерального консула в Харбине от 19 октября 1915 г. № 168 под его личным наблюдением проходило формальное дознание по делу о бароне фон Бенингаузене-Будберге и других обвиняемых в государственной измене².

До сведения прокурора дошло, что американский консул в Харбине г. Чарльз Мозер обращался в МИД России с претензией «...по поводу явки к нему под видом бежавшего из плена германского офицера одного из русских подданных, который затем дал свои показания на дознании»³.

Вместе с тем, заключал прокурор, видно, что Чарльз Мозер не отрицал факта оказания помощи являвшимся к нему военнопленным. По мнению американского дипломата, германские и австрийские подданные находились в Маньчжурии под его покровом

¹ ГАИО Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 54.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 261–265.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 261.

вительством, и он имел от своего правительства для оказания им материальной помощи денежные фонды¹.

Отнюдь не входя в оценку действий г. Чарльза Мозера, прокурор обращался в МИД России с просьбой сообщить ему официальную позицию российского дипломатического корпуса по этому поводу.

Прокурор отмечал, что Чарльз Мозер не только выдавал деньги военнопленным, но и оказывал прямое содействие побегам. Так, он «...собственноручно написал на двух листах отрывного блокнота несколько адресов, по которым свидетель должен был обратиться за надобностью. Часть адресов была написана в американском консульстве другим лицом, по-видимому вице-консулом Мортонем. Записки эти представлены дознанию».

Что касается слов Чарльза Мозера о том, что он стал жертвой полицейской провокации, то прокурор отметил, что показания свидетеля Эструпа, допрошенного в его присутствии с предварением об уголовной ответственности за ложные показания, показало, что *«...свидетель этот явился к Мозеру по собственной инициативе, так как заметил, что в американское консульство ходят люди, похожие по внешнему виду на немцев, и в виду слухов о помощи, оказываемой, будто бы в американском консульстве беглым военнопленным»*².

Независимо от изложенного, показанием другого свидетеля Шляхтина прокурором было установлено, что к Мозеру обратился за помощью беглый военнопленный унтер-офицер австрийской службы Карл Шольц, который получил от Мозера не только 50 руб., но и адрес в аптеку Томсона, где он мог добыть паспорт для проезда в Китай³.

Имея в виду участвовавшие побеги военнопленных при следовании по КВЖД (так бежало за неделю 12 человек) прокурор просил оценки деяний Чарльза Мозера со стороны МИДа Российской империи⁴.

Ответ консула в Харбине прокурору последовал в секретном письме от 22 октября 1915 г. № 319. В нем говорилось, что хотя США оказывает поддержку интересов подданных Австро-Венгрии и Германии интернированных на территории России, но о том, что такая защита предоставлена американскому консулу в Харбине, официально не известно. Возбуждение этого вопроса в официаль-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 262.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 263.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 264.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 265.

ном порядке в виду международного положения Харбина не представляется российскому МИДу желательным и кроме того, не вызывалось ранее необходимостью по той причине, что с самого начала войны германские и австрийские подданные были высланы российской администрацией за пределы КВЖД. Оставление же на жительство в пределах полосы отчуждения железной дороги некоторых неприятельских подданных (главным образом славян) и турецких подданных (христиан) было обусловлено полным подчинением их российским властям¹.

На практике покровительство американского консула германцам выразилось обращением его в МИД Российской империи по ряду ходатайств германских подданных, удаленных с мест проживания в Харбине и отстраненных, соответственно, от принадлежавших им хозяйственных предприятий.

Российское министерство иностранных дел удовлетворило из всех этих прошений только одно. Оно разрешило девице, подданной Германской империи Лидии Шиве проживание в Харбине в доме сестры аптекаря Томсона.

Относительно выдачи Мозером денежных ссуд, он сам сообщил в консульство несколько недель назад, что выдал его Тадеушу Курдольскому, высланному из Москвы в Харбин, поляку, но германскому подданному. Занимаясь преподаванием музыки и не найдя в Харбине заработка, тот просил Чарльза Мозера выдать ему пособие, и оно выдавалось под расписку в сумме 15 руб. в месяц².

Затем случайно обнаружилось, что под видом германского подданного Курдольского к консулу приходил не он сам, а его товарищ русский подданный Крупенский, проживавший с ним в одной квартире у инженера Иваницкого, служащего электрической компании «Симменс и Шуккерт». Чарльз Мозер, узнав о мошенничестве, просил привлечь русскоподданного Крупенского к уголовной ответственности³.

После этого события МИД Российской империи поднял вопрос о правомерности жительства в Харбине германоподданного Курдольского, а также обратил внимание Военного министерства России на ненормальность такого явления, как высылка неприятельских подданных из России в Харбин. Курдольскому в результате всех этих бюрократических переписок было предложено покинуть Хар-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 266.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 266.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 267.

бин. Крупенский лично возвратил деньги Чарльзу Мозеру, о чем Мозер известил русского консула в Харбине.

Что касается военнопленных, то помощь им, по мнению российского МИДа, не соответствовала официальному положению Мозера. Если факт содействия побегам подтверждались судебным решением, то надлежало выслать дипломата на его родину¹.

О том, что не все, о чем писал в личном письме прокурор пограничного окружного суда Ал. Сульжиков, правда свидетельствует найденный в АВПРИ документ: рапорт от 21 октября 1915 г. № 98 от секретного сотрудника на имя начальника ЖПУ КВЖД полковника Леонида Яковлевича Горгопа.

Приводим документ: «Получив указание в американском консульстве на то, что в Чаньчуне проживают какие-то немцы, 14 октября выехал в "Ямато-Отель" под фамилией Густава Ольденбурга, пытался войти в доверие к немцам. Дал телеграмму местному (немецкому) консулу (следующего содержания): "Я убежал, получив деньги от американского консула для проезда в Чаньчунь, прошу меня уведомить, что мне дальше делать". Приблизительно через полчаса ко мне подошел неизвестный отрекомендовавшийся Шейниным. Стал спрашивать, когда я и каким образом попал в плен, но я сделал вид, что не доверяю ему и сказал, что не бежавший пленный и удивляюсь такой теме разговора. После этого Шейнин вышел из номера, сказав, что сейчас в номер приедет германский военный атташе генерал Папенгейм, и тогда Ольденбург уверится в своей безопасности.

Пришел немец высокого роста в штатском платье. Пришедший спросил, кто такой и откуда, и когда ответил, что лейтенант 3-го эскадрона черных гусар Густав Отльденбург, что находился в плену на станции Песчанка Забайкальской железной дороги, убежал оттуда, был в Харбине у американского консула, и что тот направил в Чаньчунь Папенгейм, спросил про цель в побеге и услышав, что хотел принести пользу Отечеству, пожал руку².

На другой день, т. е. 16 октября Шейнин познакомил с некими: Брумбергом и Карльбеком. Вместе отправились гулять, с нами пошел и Папенгейм. По дороге было предложено устроить взрыв на КВЖД. Из разговора узнал, что немцы рассчитывают на доктора Будберга. На следующий день Карльбек при встрече сказал, что они вместе с Папенгеймом уезжают в Мукден, что из России к это-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 268.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 267.

му поезду приедут какие-то две женщины, которые имеют при себе шведские паспорта и везут пероксилин.

Карльбек уплатил по счету в гостинице и купил билет до Мукдена. К приходу поезда был на вокзале и видел этих двух женщин, с которыми Папенгейм сердечно поздоровался. Притворился, что вывихнул ногу и не поехал вместе с ним в Мукден, а остался на станции Чаньчунь. На вокзале к подошел какой-то господин, представился, что он Киль и показал телеграмму от немецкого консула в Мукдене – Витте, в которой тот просил оказать содействие Ольденбургу. Киль рассказал, что ранее служил у Скидальского на лесной концессии, был оставлен в городе Харбин и что он знает все тоннели на дороге. На документе надпись: Подлинное подписал полковник Горгопа»¹.

Как мы видим, свидетель явно находился в доверительных отношениях с жандармско-полицейским управлением КВЖД.

25 октября 1915 г. генеральный консул России в Харбине в секретном письме № 326 сообщал российскому посланнику в Пекине, что 24 октября 1915 г. он посетил Чарльза Мозера и указал на циркулирующие в городе толки в связи с арестом лиц, способствовавших побегам пленных, спросил его, насколько основательны слухи о том, будто бы беглые военнопленные обращались в американское консульство и получали от последнего денежную помощь за счет германского правительства. Мозер ответил, что действительно это так. К нему приходило несколько человек, которые, назвавшись беглыми военнопленными германской или австрийской армий, просили о помощи. Проверить, действительно ли эти лица беглые пленные, он не мог, и это не входило в его обязанность. *Он полагал, что его не обманывали и только в одном случае он подозревал, что к нему под видом пленного приходил русский сыщик.* Помогать бежавшим из русского плена деньгами он считал не только своим правом, но и обязанностью, имея инструкцию своего посланника, известную китайскому правительству. Он выдавал денежные пособия за счет правительств Австрии и Германии всем нуждающимся австро-германцам. Если они бежали из плена, то выбравшись за пределы России и явившись в американское консульство в Харбине на китайской территории, они, по мнению американского консула, уже перестали быть беглыми².

Военнопленные, как утверждал в беседе российскому коллеге Чарльз Мозер, – это просто нуждающиеся австро-германцы, кото-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 268–269.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 270.

рых он обязан спасти от голодной смерти. Фактически он ограничивался выдачей им денежного пособия, другой же никакой помощи не оказывал, хотя он и считал себя в праве приютить таких австро-германцев у себя, поручать их вниманию своих сограждан американцев и даже лично сопровождать их на вокзал и по железной дороге до Чаньчуня. Если он этого не делал, то лишь потому, что подобные демонстративные действия повлекли бы за собой неизбежное столкновение с русской администрацией. В дальнейшем разговоре Мозер признался, что кроме выдачи денег, помощь его беглецам выразилась разве еще в том, что он показывал им на географических картах положение Харбина и ближайших областей. На просьбы беглых о снабжении их паспортами Мозер отвечал отказом; он также отказал одному беглому пленному в просьбе послать китайского караульного консульства достать ему китайскую арбу для выезда из Харбина. Далее выяснилось, что кроме денежных сумм на распоряжение Американского консульства имелись также и запасы платья для выдачи нуждающимся в нем германцам. На вопрос русского консула, решился ли бы он выдать беглому пленному штатское платье для сокрытия его военного плена, Мозер ответил, что сделал бы это лишь в том случае, если бы явившийся пленный был недостаточно одет. Наконец Мозер сознался, что в одном лишь случае содействия беглецам. Он дал пришедшему к нему пленному адрес одного лица, фамилию которого он не пожелал назвать русскому дипломату. Это было с называвшим себя германским офицером Густавом Ольденбургом, который пришел к нему поздно вечером, когда у него были гости. Хотя Мозер сначала и заподозрил в нем сыщика, но боясь ошибки и из жалости к беспомощному состоянию просителя, с которым он не мог объясняться, не зная ни слова по-немецки, он пожелал ему в чем-то помочь¹.

Как утверждал американский дипломат, ему пришла мысль направить его к кому-нибудь, кто мог бы поговорить с ним по-немецки. Мозер утверждал, что мог бы дать беглецу адрес любого другого человека, хотя бы русского или английского консула, как лиц, знающих немецкий язык, но, конечно, считал это неудобным в виду официального положения дипломатов. Поэтому он указал первый попавший ему на ум адрес частного лица, и по просьбе просителя написал его фамилию на листке бумаге, но не помнил, русскими или латинскими буквами. В разговоре с русским консулом Мозер повинился, что это было крайне необдуманно. Он сознавал свою вину перед этим лицом, но имел ввиду лишь указать просите-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 270.

лю на человека, говорящего по-немецки, а вовсе не лицо, могущее способствовать его побегу. Его рукой тогда была написана только одна фамилия. Именовавший себя Ольденбургом снова явился в консульство на следующее утро и тогда получил под расписку пособие в размере 15 руб.

В это время к Мозеру зашел посетитель и Ольденбургу пришлось обождать в канцелярии консульства, где находился вице-консул Мортон. Мозер не отрицал возможности, что другие адреса (на представленных дознанию листках отрывного блокнота) были в это время написаны или указаны Мортоном, хотя и считал это маловероятным¹.

Не отрицал американский консул в Харбине и показания Карла Шольца о выдаче ему денежного пособия, но категорически заявлял, что не указывал этому лицу на аптеку Томсона, где он мог бы получить паспорт для проезда в Китай. О Томсоне, по словам Мозера, он ничего не знал, разве только, что у его жены есть сестра, германско-подданная девица Шиве, ходатайство которой о разрешении жительства в Харбине проходило через его руки. О существовании в Харбине какой-либо организации, оказывающей содействие беглым военнопленным и снабжающей их паспортами, он ничего не знал и деятельность консульства никакой связи с ней не имело. Выдавать обращающихся к нему беглых военнопленных российским властям он считал бы нарушением американского нейтралитета в войне. Свой нейтралитет он понимал в недопущении деятельности здесь под защитой американского консульства германских шпионов, хотя бы и американских граждан. При этом он указал на услуги, оказанные российской стороне в деле американца Ведекинда, подозревавшегося в шпионаже в пользу Германии².

Выслушав Мозера, русский консул в Харбине выразил сожаление, что он предпринял действия, свидетельствующие о нарушении им нейтралитета, как американского, так и благожелательного нейтралитета в Северной Маньчжурии китайского правительства, которое само не протестует против того, чтобы российские власти задерживали беглых пленных в полосе отчуждения КВЖД.

Свои действия Мозер был обязан согласовывать с действиями американских представителей в России, которые поручили покровительству Мозеру гражданских лиц Австро-Венгрии и Германии из-за удаления консулов этих стран из Харбина. Вмешательство американского консула в дела о побегах военнопленных нельзя

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1918. Д. 1021. Л. 271.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1918. Д. 1021. Л. 271.

не рассматривать как враждебный акт по отношению к российской администрации на КВЖД, который вряд ли может способствовать упрочнению добрых отношений между Россией и США, так как поведение их представителя может бросить тень на всю американскую колонию.

Вопрос не в выдаче денег неимущим австро-германцам, а в том, что военнопленные, воротясь в Германию, снова могут вступить в ряды действующей против России армии. Ознакомление пленных по картам с расположением окрестностей равносильно указанию пути дальнейшего бегства. Совершенно непонятным считал русский консул, чтобы не сказать более, факт выдачи беглому пленному адреса русского подданного будто бы лишь для того, чтобы пленный мог поговорить с ним на родном языке¹.

4 ноября 1915 г. за № 368 последовала секретная телеграмма посланника в Пекине в МИД России «Об активном германофильстве Мозера».

В ней говорилось: «Сообщенные мне прокурором Пограничного окружного суда в Харбине сведения... с несомненностью устанавливают, что Мозер, злоупотребляя положением консула нейтрального государства, направляет свою деятельность во вред нам и нашим союзникам, оказывая покровительство и материальную помощь враждебным нам элементам, не только иностранным, но и русским подданным, причастным к организации побегов военнопленных, к подготовке разрушений на наших стратегических железнодорожных линиях, к снабжению оружием мятежников в Индии и пр.»²

Данные следствия свидетельствуют, что названный Мозер направлял русского подданного Эструпа, явившегося под видом германского офицера к русскому подданному доктору Будбергу для снабжения его подложным паспортом и вообще организации побега. Спрятал Эструпа в шкафу, чтобы его не увидел французский консул. Дал ему указания, как проехать до Чаньчуня. Этот же Мозер подробно рассказал Эструпу, как русский подданный Будберг организует побег военнопленных, следующих по КВЖД, отправляя их в китайском платье на своем пароходе до Бодунэ. Про еврея на станции Забайкальской железной дороге, который является главой обширной организации побегов.

Я признавал бы дальнейшее пребывание Мозера на посту Консула Северо-Американских Соединенных Штатов в Харбине совершенно нежелательным и опасным, в виду возможности конфликтов

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 272.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 66.

с местной администрацией и за замену Мозера и его помощников другими лицами, отдающими себе отчет о роли консульских представителей нейтральных государств»¹.

На телеграмме нанесена ручкой следующая надпись: «Траутшольд № 321 от 10 ноября. Императорское правительство обратитесь по телеграфу к Правительству США частным образом о замене Мозера другим лицом. Подпись: министр Нератов»².

27 декабря в депеше № 6599 посол из Вашингтона телеграфировал в МИД России, что американское правительство отказывалось срочно поменять Ч. Мозера. Посол из Вашингтона Нератов телеграфировал в МИД Российской империи следующее: «Из кратких сведений, полученных Государственным Департаментом по телеграфу из Пекина, явствует лишь, что Мозер раздавал пособия за счет Германского правительства немецким и австрийским подданным и будто бы однажды выдал пособие "русскому шпиону". Сведения эти представляются не вполне ясными и Государственный департамент находит желательным обождать подробного рапорта, высланного по почте из Пекина еще 8 декабря»³.

9 января 1916 г. Нератову в Вашингтон поступило из МИД Российской империи письмо № 34. В нем говорилось, что российской полицией арестован ряд лиц, оказывавших содействие к побегам военнопленных. При производстве дознания было подтверждено участие в этом содействии американского консула Мозера. В руках полиции имеются записки, написанные его рукой с адресами лиц, участвовавших в организации побегов военнопленных. Эти данные указывают на то, что действия Мозера не ограничивались выдачей денежных пособий неимущим немецким и австрийским подданным. Подобное поведение американского консула ставило наши власти в крайне затруднительное положение при всяких с ним сношениях и уже привело к бойкотированию его со стороны русского общества в Харбине. Нератову предлагалось воспользоваться этими данными, и в разговоре со статс-секретарем подтвердить ему, что лучшим выходом из создавшегося положения была бы замена Мозера другим лицом⁴.

Новые сведения о деятельности Чарльза Мозера поступили следственным органам России в марте 1916 г.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 67.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 67.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 73.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 76.

16 марта 1916 г. следователь В. Соколов производил допрос мешанина Томашева Петроковской губернии, Станислава Фердинандовича Мрочковского, 45 лет, католика. Проживал по адресу: Харбин, Короткая ул., д. 18.

На допросе тот показал, что он беженец, проживал в Харбине на протяжении последних 1,5 лет, то есть с начала войны. Жил в номерах гостиницы «Пятигорск», расположенной в доме Шатковского на углу Участковой и Мостовой улиц. Номера эти реально содержал австрийский подданный Леопольд Грущинский. Этот коммерсант был женат на русской подданной Елене, малоросски из города Каменец-Подольска, которой формально принадлежала гостиница. Однако на момент допроса Грущинский не содержал номеров, так как расстался с женой. Жил С. М. Мрочковский у Грущинских как их хороший знакомый. 3 января 1916 г. он видел, что в номера приехали двое мужчин, привез их с вокзала какой-то японец. Мрочковский подслушал их разговор с хозяином гостиницы. Они стали угощать Гуущинского алкоголем и попросили не прописывать их, так как они австрийцы и находятся в Харбине нелегально. Пообещали хорошо заплатить хозяевам. Узнав, что Грущинские сами австрийские подданные, неизвестные обрадовались и сказали, что они беглые из русского плена австрийские офицеры. По просьбе этих беглых офицеров жена Грущинского отвезла их к американскому консулу, который помогал австрийским подданным в Харбине¹.

Один из бежавших военнопленных был летчик, другой – минер. По сообщению С. Ф. Мрочковского, к американскому консулу заходил в консульство «...пленный у которого борода, он летчик. Американский консул, по словам летчика, дал ему 1 000 руб., летчик просил дать 40 000 для приобретения через местных евреев взрывчатых веществ, просил дать виды американских подданных, консул отказал, сказав, что напрасно бежавшие пленные допустили, что их возит какая-то женщина, но летчик успокоил консула, что женщина австрийско-подданная»².

Пленные, вернувшись в гостиницу, рассказали по словам С. М. Мрочковского ему о своей поездке к Чарльзу Мозеру, дали Грущинской 50 руб., потом выпивая с этим жильцом номеров обсуждали за столом, каким образом им выбраться из Харбина в Чаньчунь. Бежавшие из плена офицеры будто бы заявили, что намерены заняться взрывами мостов, порчей железных дорог, уничтожением доставляемых из Америки паровозов. Сетовали, что у них

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп.761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 81.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп.761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 81.

на это средств мало. Грущинская предложила С. М. Мрочковскому помочь офицерам перебраться в Чаньчунь. Отправиться туда под видом предпринимателя, собирающегося открыть там колбасный цех, а обоих пленным взять с собой как будто своих рабочих. Поляк согласился, решив использовать это для того, чтобы выдать пленным русскому начальству.

Перед этим пленные обратились к Грущинскому с просьбой найти человека, который бы сделал им документы иностранных граждан. Грущинский порекомендовал им такого человека, пленные дали ему 50 руб., но тот хоть и пообещал изготовить подложные документы, больше не появился и пленные, видя обман, решили обойтись русскими паспортами, которые у них были на руках. Ехать в Чаньчунь решили гужевым транспортом.

Тем временем С. М. Мрочковский сообщил начальнику Харбинского сыскного отделения о пленных и их замыслах. По предложению российских полицейских С. М. Мрочковский заявил австрийским офицерам, что лучше ехать не лошадьми, а по железной дороге. Поляк пугал австрийцев, что на лошадях они попадутся на русскую пограничную стражу. Пленные согласились, и на Крещение беглецы решили ехать в Чаньчунь вечерним поездом на 18:00. Перед отправлением на поезд должен был прийти надзиратель сыскного отделения Антипенко, но почему-то не пришел. Пришлось Мрочковскому взять в кассе билеты на себя и военнопленных австрийцев¹.

Он вошел с военнопленными в вагон 3 класса, только там он заметил, как в вагон зашел жандарм и стал осматривать у пассажиров паспорта. Жандарм при досмотре заявил австриякам, что их паспорта подозрительные и вывел обоих из вагона.

С. М. Мрочковский постарался незаметно уйти с поезда и вернулся к Грущинским. Грущинская спросила поляка почему он не поехал в Чаньчунь, на что он сказал, что пленным арестовали и добавил, что пленным выдал, наверное, тот человек, что взял 50 руб. и обещал доставить подложные документы.

Доводил до сведения следователя С. М. Мрочковский и информацию о том, что в «Пятигорск» к австрийцам два раза приходил какой-то еврей от немца Кегеля из Старого Харбина. Кегель будто бы сообщал австрийцам сведения об американских паровозах и пороховых складах. Кегель был местным домовладельцем, содержал в Харбине гостиницу «Бель Вю»².

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 81 об.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 82.

18 марта 1916 г. следователь В. Соколов допрашивал австрийскую подданную Елену Феликсовну Грущинскую, 40 лет, католичку, проживавшую в Харбине по адресу: Циклодром д. 32/31. Согласно протоколу Грущинская происходила из мещанской семьи Каменец-Подольской губернии, родители ее были русские подданные, девичья фамилия Трачевская.

Родители умерли, братья служили в русской армии, погибли на войне. В Харбине с мужем она проживала в течение трех лет.

Три последних месяца 1915 г. у нее с мужем были в собственности номера «Пятигорск». Купили они их у некоего Шаршанидзе за 1 800 руб. Гостиничное дело шло очень плохо, пришлось отказаться от этого бизнеса и на 1916 г. они не брали свидетельство на коммерческую деятельность гостиничного вида. У них остались доживать только квартиранты, ранее арендовавшие номера.

В начале 1916 г. в гостиницу пришли двое с паспортами на фамилии Пшебицкого и Бородина. К ним пришел один местный жулик, обманул их, взяв у них деньги, о чем квартиранты с ним говорили, Грущинская не знает.

Грущинская с мужем получали пособие от местного американского консула, который проживал на Новоторговой улице. Консул выдавал семье Грущинских по 45 руб. в месяц, каждое 14 число. Последний раз дал 14 марта 1916 г. По словам Е. Ф. Грущинской в этом не было никакой тайны, так как в Харбине всем известно, что пособие выдавалось из средств, присланных императором австрийским Францем-Иосифом и какого-то американского благотворительного общества¹.

Что касается австрийских офицеров, то один из них, с бородой, говорил, что он россиянин из Иркутска, Е. Ф. Грушевская не знала, что он военнопленный. Тем не менее она посоветовала неизвестному сходить к американскому консулу, сообщив, что он помогает всем нуждающимся. Владелица номеров созналась, что сопровождала обоих австрийцев к американскому консулу. После посещения американского консула бородатый австриец прожил сутки, уплатил за это 2 руб. и около 2 руб. за продукты всего 4 руб. Мрочковский жил в номерах давно, но Е. Ф. Грущинская, с ее слов, не видела, что он с неизвестными общался и не слышала, что он с ними поедет в Чаньчунь. Не слышала она и про деньги от консула, не получала 50 руб. Говорили неизвест-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 83.

ные, по показаниям женщины, только на русском, она от них ни слова по-немецки не слышала¹.

Как мы видим, бежавшие из плена военнопленные в марте 1916 г. продолжали посещать консула США в Харбине.

20 мая 1916 г. за № 2342 посол в Вашингтоне телеграфировал, что Государственный секретарь США заявил ему, что удаление консула Ч. Мозера решено в принципе и проведено будет в исполнение через короткое время².

Однако, как видно из депеши Генерального консула в Харбине от 13 сентября 1916 г. за № 347, состоялся ряд перемещений американских консулов на востоке, но Чарльз Мозер получил повышение, выразившееся в увеличении оклада с 3 000 до 4 000 долларов с оставлением в его должности в Харбине³.

Секретная телеграмма посла России в Вашингтоне от 31 октября (13 ноября) 1916 г. за № 302 содержала сведения, что Государственный секретарь США в разговоре с русским послом подтвердил ему, что он непременно переменит Ч. Мозера, но в виду предоставленных им оправданий, не считает возможным сделать это сейчас, что было бы прямым осуждением, а что воспользуется первым движением, чтобы назначить его на другой пост. Мозера, отмечал русский дипломат, несомненно горячо поддержал американский посланник в Пекине Рейнш, кровный немец, женатый на девице Мозер⁴.

Таким образом, Государственный департамент (МИД США) негласно обещал российскому послу, что Чарльза Мозера поменяют в течение года по другим обстоятельствам в порядке ротации дипломатов.

Однако 29 декабря 1916 г. за № 528 секретное донесение российского генерального консула в Харбине поступило в 4-й политический отдел МИДа Российской империи.

В нем говорилось, что американское правительство отрицает факт способствования консулом Мозером побега австро-германских военнопленных из русского плена, становясь на точку зрения самого консула, что беглые австро-германские пленные, получившие помощь в Американском консульстве в Харбине, уже перестали быть пленными с того момента, как переступили через русскую границу и, находясь на расстоянии сотни верст от нее в китайском

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 83.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 88.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 92.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 94.

городе в глубине нейтральной страны Китая, являются обыкновенными нуждающимися австро-германцами, которым Мозер помогал, руководимый лишь чувством человеколюбия и пользуясь предоставленными правительствами Австрии и Германии в его распоряжение, с ведома правительства США, благотворительным фондом. Действия Мозера признаны корректными и не могут быть истолкованными в смысле недружелюбия к России¹.

Российская сторона, в ответ, указывала американской, что КВЖД находится в зоне территориальности России. Военнопленный был задержан на выходе из американского посольства на улице на совершенно законном основании. Свои отношения с военнопленными Мозер обставлял с большой тайной. Не только снабжал платьем и деньгами, но и советами относительно дальнейшего пути бегства и как добыть подложные паспорта².

Это, по мнению российских дипломатов, равносильно оказанию помощи германской армии под самым носом у русской власти³.

«Война, – обращались российские дипломаты к американским, – выдвинула Харбин на линию важных мировых центров торговли и для иностранных коммерсантов, особенно из нейтральных стран, открываются здесь широкие перспективы. Для американцев безусловно невыгодно иметь своим представителем в Харбине человека, который в данный момент увлекается теорией о «китайском открытом порте Харбин», а с действительными хозяевами города незнаком. Оставлением здесь Мозера задерживается, по-видимому, и присоединение Америки к муниципальному соглашению о распространении на американских граждан действующих на территории КВЖД порядков и повинностей, связанных с этим прав и преимуществ, как, например, долгосрочной аренды у Управления дороги земельных участков и т. д.»⁴.

18 января 1917 г. за № 71 в российское посольство в Вашингтоне поступило письмо МИД Российской империи. В нем говорилось, что объяснения, данные Мозером и легшие в основания американского меморандума, не могут быть признаны основательными опровергающими те обвинения, которые были предъявлены против Мозера по поводу его образа действий по отношению к германским военнопленным.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 102.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 101.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 102.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 104.

Вследствие чего послу рекомендовалось войти в дальнейшие объяснения с американским правительством, чтобы убедить его в желательности отозвания Мозера из Харбина¹.

Однако только 2 мая 1919 г. в письме за № 251 российский Генеральный консул в Харбине сообщал российскому послу, что «на днях покинул свой пост и выехал из Харбина американский консул Мозер, сдав управление консульством Дженкинс. Как передают Мозер совершенно ушел в отставку и намерен заняться коммерческими делами. По словам американцев, уход Мозера объясняется тем, что он хотел "перешагнуть себя"².

ДЕЛО «ИНОРОДЦЕВ» (ЕВРЕЕВ И МУСУЛЬМАН-РУССКОПОДДАННЫХ)

Третья оперативная игра российской и германской разведок в Китае, где были задействованы секретные сотрудники жандармско-полицейского управления КВЖД, – это дело русско-подданных, прельстившихся работой на германскую военную миссию в Китае.

В письме Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти русскому посланнику в Пекине Василию Николаевичу Крупенскому от 28 августа 1915 г. за № 915 сообщалось: «По поводу оперировавшей на КВЖД преступной организации, образовавшейся с целью оказания содействия к побегам расположенных в крае военнопленных», что к концу августа были арестованы по этому делу два лица – Любимов и Тогамлицкий. Первый был задержан 7 августа на ст. Маньчжурия, а второй – 13 августа в городе Харбин, причем отобранными у Любимова документами было установлено его содействие к побегам военнопленных, а также и связь с Ильей Тагамлицким. В числе обнаруженных документов имеется письмо за подписью «Жан», автором которого являлся бежавший из Томска военнопленный – австрийский офицер капитан Журек. Тогамлицкий на допросах чистосердечно признался, что он действительно способствовал дальнейшему побегу Журека, бежавшего из лагеря для военнопленных около Томска в китайский пограничный с Россией город Сахалин.

Любимов и Тагамлицкий содержались в Харбинском арестном доме. Розыски третьего участника организации – Иуды-Ханаана Самсонова-Берова Аронова, известного под кличкой «Ефим-хромой», продолжались³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 99.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 105.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 14.

28 сентября 1915 г. более подробную информацию российскому консулу в Харбине дало жандармско-полицейское управление КВЖД за № 10910.

По их сведениям, в первой половине мая месяца Гавриил Любимов обратился к Илье Константиновичу Тагомлицкому как старому знакомому с просьбой помочь ему ликвидировать товары, оставшиеся от прогоревшей в Харбине торговли. С этой целью они отправились в город Сахалин, где и нашли сбыт для своих товаров. В Сахалине они остановились в гостинице, где встретили неизвестного европейца, который вскоре познакомился с Любимовым и открыл ему свое имя. Это был капитан австро-венгерской армии Журек. Вскоре после знакомства с Любимовым Журек познакомился и с Тагомлицким. В результате и Тагомлицкий вошел в дело, взяв на себя обязательства доставить в Пекин австрийскому послу письмо Журека, что и было им выполнено. По предъявлении письма Журека Тагомлицким тот получил 250 руб., большую часть из которых, согласно предварительному договору, он отправил по телеграфу Любимову через магазин Эськина, а сам остался в Пекине, поджидая прибытия Журека. Из показаний того же Тагомлицкого выяснено, что Журек бежал из Томска: после побега жил две недели в какой-то деревне; затем пробрался во Владивосток, но, не имея паспорта, должен был вернуться в Читу, а оттуда в Сахалин. После знакомства с Любимовым, на пароходе капитан проехал из Сахалина в Харбин, и пока Любимов не получил от Тагомлицкого 200 рублей, в течение четырех дней проживал в китайском квартале (Фудзядяне). Из Харбина до Чаньчуня Журек, по словам Тагомлицкого, шел пешком, а отсюда до Пекина проехал по железной дороге¹.

«Из вышеизложенного, — заключало жандармское руководство, — явствует, что в ныне обследуемом деле приходится встретиться не с давно существующей организацией провоза пленных, как указывает секретный источник миссии в Пекине, а с отдельным случаем содействия побегу военнопленного случайно встретившимися с ним в Сахалине лицами»².

Тем не менее факт государственной измены двух русских поданных был на лицо, и 21 ноября 1915 г. за № 1539 прокурор Пограничного суда извещал русского консула в Харбине, что вышеуказанным лицам предъявлено обвинение по 51 и 1 части 108 ст. Угол. уголовного. Они не признали себя виновными в государственной измене и сознались лишь в содействии побегу военнопленного австрий-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 22.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 23.

ского офицера Журека, в чем видели простую выгодную сделку, на которой хорошо заработали. Любимова приговорили к 5 годам каторжных работ, а Тагомлицкого – к ссылке на поселение¹.

Шифрованная телеграмма Главного управления Генерального Штаба (ГУГШ) от 1 сентября 1915 г. за № 27987 помощнику военного агента в Шанхае подполковнику Кременецкому сообщала, что по сведениям штаба Иркутского военного округа проживавший в то время в Шанхае глава немецкого шпионажа германский подданный Зибс организовал шайку кавказцев из числа уголовников, находящихся в Харбине, для разрушения в первую очередь важных железнодорожных сооружений Забайкальской и Кругобайкальской дорог с целью воспрепятствования доставки военных грузов из Владивостока внутрь России. Посредником между Зибсом и кавказцами, якобы являлся проживавший во Владивостоке и Шанхае австрийский еврей Гернер, приметы которого были следующие: выше среднего роста, полный, волосы рыжие, усов и бороды нет, лицо и руки в веснушках, глаза голубые, нос прямой, небольшой, лицо круглое. Общение Гернера и Зибса осуществлялось по адресу: город Шанхай, Джон Бродвей, 930.

По заявлениям Зибса своим компаньонам у него имелась шпионская сеть во Владивостоке, а также агенты по линиям китайской и сибирской железных дорог, посещающие даже Петроград².

В результате проведенной оперативной игры по выявлению кавказцев-диверсантов в Китае российский консул в Тяньцзине от 15 сентября 1915 г. № 713 сообщил в МИД: «8 сентября поездом № 5 из Пекина в Тяньцзине арестованы согласно полученного по телефону распоряжения Императорской миссии Шмуль Вульфович и Наги Таги-оглы – русские подданные и Магомед Ахмет – турецкий подданный. У Вульфовича и Наги Таги-оглы было найдено свыше 1 500 руб. наличными, у назвавшегося Магомедом Ахметом – 216 мексиканских долларов. Магомед Ахмет покушался бежать из-под ареста. Обстоятельства эти в связи с поведением задержанных на допросах и отказом их отвечать на вопросы, относившиеся к возбужденному против них обвинению, дали мне основание заключить что они крайне подозрительные люди, причастные к опасной для Отечества преступной организации»³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 26.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 353.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1026. Л. 312.

После этого вышеуказанные лица были переданы следственным властям по месту совершения преступления, в котором они обвинялись. 14 сентября 1915 г. передача состоялась¹.

Очень интересную информацию содержит секретное письмо посланника в Пекине на имя Приамурского генерал-губернатора от 19 сентября 1915 г. № 300.

Посланник в Пекине спешил поделиться «...новыми поступившими в Императорскую миссию из секретных источников данными о разных подозрительных личностях, орудующих в Китае, относительно которых существует подозрение в их прикосновенности к тем или иным враждебным нам замыслам и действиям со стороны немцев. Большинство этого элемента, не имея постоянного места жительства, циркулирует по железнодорожным линиям между Харбином, Тяньцзином, Шанхаем и Пекином, попадая иногда в Дальний, Владивосток и на ст. Маньчжурия. Главный их промысел – чрезвычайно прибыльная в настоящее время в Китае контрабандная торговля опиумом, прежде к этому присоединился вывоз из России в дома разврата и подобные им учреждения русских подданных»².

«С возникновением войны, – указывал российский посланник в Пекине, – антрепренеры явились элементом, вполне подготовленным для оказания разного рода услуг нуждавшимся в них, а потому и не жалевшим за их оказание денег немцами, причем центрами немецкой агитации, откуда давались и даются директивы и деньги этим странствующим агентам оказались Пекин, Мукден и Шанхай. Следует заметить, – подчеркивал российский дипломат, – что среди русских подданных, которые были задержаны или подозреваются в преступных сношениях с немцами, в причастности ко враждебной нам агитации и в содействии побегам военнопленных, преобладает еврейский, кавказский и вообще инородческий элемент.

По сведениям, поступившим в последнее время в Миссию из различных источников, в Шанхае на Нанкинской улице проживает еврей Эттингер по прозвищу «Оба», ведающий будто бы организацией покушений на наши железные дороги. Не так давно он был в Дальнем, Чаньчуне и Владивостоке. В настоящее время он считается турецким подданным, раньше был французским. У него есть сожительница – лондонская еврейка Дора Джексон. Вокруг личности «Оба-Эттингера» группируются весьма многие подозрительные субъекты», – заключал В. Н. Круппенский³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1026. Л. 313.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 4.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 5.

Поэтому когда российский посланник в Пекин получил сведения о приезде в Пекин и Тяньцзинь двух русских подданных, бывших в сношениях с названными «Оба», и посещавших, кроме того, германскую дипломатическую миссию, откуда им будто бы была выдана солидная сумма денег, он предписал ЖПУ КВЖД задержать их при проезде через этот город, что и было исполнено 8 сентября. Лица эти оказались русскими подданными: Шмудем Вульфовичем и Наги Таги-оглы. Названный Вульфович известен был в Маньчжурии под кличкой «Шурка Бакланов». Одновременно с ними был задержан в Тяньзине же по указанию миссии третий подозрительный субъект. Он не мог предъявить никаких документов, назвался при допросе турецким подданным Магометом Ахметом. Все трое, как было отмечено выше, были препровождены жандармами для дознания в Харбин в распоряжение судебно-следственных властей¹.

Сообщал российский посланник генерал-губернатору и о проезде из Дальнего в Шанхай двух кавказцев, тоже замеченных в сношениях с «Оба-Эттингером». Один из них Сандро (Александр) Тцегарешвили. В Шанхае, по мнению дипломата, необходимо было установить наблюдение за германским подданным Нейманом, одним из агентов которого (для Маньчжурии) был еврей Фома (Тобес) Левин, совершающий поездки между Дальним и ст. Маньчжурия. Он был арестован по указанию Императорской миссии, железнодорожной полицией на ст. Чжалайнор КВЖД. Тобес Левин промышлял контрабандой опиума. Являлось ли это занятие единственным тяготеющим над ним обвинением, выясняло российское следствие.

По агентурным же сведениям, бывшим в распоряжении посланника, существовала несомненная связь между Левиным и Эттингером, они неоднократно встречались в Мукдене.

Кроме указанных лиц в Шанхае проживал немец Зибс, состоящий в постоянных сношениях со всевозможными германскими агентами на Дальнем Востоке как немецкого, так и не немецкого происхождения. Из этих агентов российской Императорской миссии были известны имена: Леона Баррата, Моисея Аксельрута и Дамкерта, обычно проживающих в Шанхае.

«Шанхайскими немцами и их шпионажем, – отмечал российский посланник в Пекине, – заинтересовалось в настоящее время наше Главное Управление Генерального Штаба, поручившее помощнику Военного Агента в названном городе подполковнику Кременецкому доставить о них сведения»².

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 6.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 7.

Со своей стороны, в целях пресечения преступной деятельности агентов немецкой разведки, В. Н. Крупенский с одобрения МИДа, ввел обязательную для русских подданных, проживающих и приезжающих в Китай, регистрацию их в консульских учреждениях. Кроме того, он выражал надежду, что при дружном сотрудничестве представителей всех российских ведомств им «...удастся до возможной степени ослабить вред немецких интриг и парализовать направленные против нас отсюда замыслы наших врагов»¹.

Прокурор Пограничного суда в депеше от 20 октября 1915 г. за № 169 сообщал посланнику информацию о деятельности Тобеса Левина и других лиц, которая послужила основой в порядке возбуждения уголовного дела по ст. 1035 Устава угол. суд. Прокурор отмечал, что первоначально против Тобеса Левина не было добыто никаких данных, которые могли бы быть положены в основание судебного его обвинения, но с задержанием в Тяньцзине: Шмуля Вульфовича, Ноги-Таги-оглы и именовавшего себя Магомедом Ахметом – Мамедовым дело получило другой оборот благодаря тому, что Мамедов передал содержащемуся под стражей в Харбинском арестном доме Александру Эструпу записку на турецком языке, прося Эструпа немедленно по освобождении поехать в Шанхай и эту записку передать германскому консулу².

Александр Эструп вместо исполнения просьбы Мамедова записку его представил властям и дал подробные показания, в значительной степени осветившие дело Левина и других³.

Прокурор отмечал, что сам Эструп был арестован в Харбине по подозрению в шпионаже, так как назвал себя французским подданным, но доказательства этого не представил. Российский же консул в Шанхае Гроссе официально сообщил в Харбин, что Эструп перешел из датского подданства в российское в январе 1905 г. и был приписан к киевскому мещанскому обществу. За полным отсутствием данных, в чем бы то ни было изобличавших Эструпа, последний был освобожден из-под стражи, а возбужденная против него переписка была прекращена прокурором Пограничного суда порядком, указанным в ст. 253 Устава уголовного суда⁴.

В виду показаний Эструпа, прокурор Пограничного суда предложил сотруднику ЖПУ КВЖД отдельного корпуса жандармов ротмистру Бокастову приступить к производству формального

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 8.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 14.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 15.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1030. Л. 46–51.

о Вульфовиче дознания с присоединением его к дознанию о Левине, причем, допрошенный порядком, указанным ст. 722 уст. угол. суд., Кербалай-Беглар-оглы-Мамедов дал пространные и вполне чистосердечные показания, проливающие свет на его преступную и не могущую найти себе ни в чем оправдания деятельность агента германского консульства в Шанхае.

Дал показания Мамедов и на резидента турецкой разведки в Китае – турецкого еврея Эттингера.

Показания Кербалай Беглар-оглы-Мамедова послужили основой для привлечения к уголовной ответственности Тобес Левина, Шмуля Вульфовича, Ноги-Таги-оглы, Хайма Щербиласа и самого Мамедова по ст. 108 и 11 Уголовного уложения, а Мамедова и по 3 и 2 части ст. 108 и по ст. 109 того же Уложения¹.

Наряду с этим прокурором Пограничного суда было возбуждено второе формальное дознание по обвинению доктора медицины барона Рожера Бенниггаузен фон Будберга, еврейского раввина Киселева, шамэса харбинской синагоги Гилела Линского и мещанки Рыси Гуссак в государственной измене (ст. 108 Угол. улож.) за участие в провозе беглых военнопленных в Китай. В основу этого обвинения легли показания свидетелей Александра Эструпа и Михаила Шляхтина.

Вследствие телеграфных донесений прокурора Пограничного суда прокурор Иркутской судебной палаты командировал в Харбин судебного следователя (М. С. Стразова), которому и были переданы дознания о Левине и других, а также о бароне Будберге для производства предварительного следствия².

Судебным следователем М. С. Стразовым допрос обвиняемого Мамедова был проведен 9 ноября 1915 г.

Судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда М. С. Стразов в канцелярии начальника ЖПУ допрашивал обвиняемого с соблюдением 403–410 ст. Уст. угол. суд. Кербалай-Беглар-оглы Мамедов, 25 лет отроду, житель города Елизаветполь, мещанин, мусульманин, персидский татарин, окончил курс духовного мусульманского училища «Мехтеб» в Елизаветполе. Холост. Отец и мать жили в Елизаветполе. У подозреваемого были братья и сестры. Коммерсант. Недвижимого имущества не имел³.

Был обвинен в том, что в 1915 г. вступил в преступные сношения с агентами германского правительства в Китае в лице герман-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1030. Л. 62–63.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1030. Л. 66–69.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 52.

ского консула в Шанхае, за полученное денежное вознаграждение взял на себя поручение проверить действие лиц, взявших на себя задачу путем взрыва мостов и тоннелей КВЖД воспрепятствовать или задержать своевременную доставку на театр военных действий воинских грузов и воинской амуниции, и кроме того и в том, что в ноябре месяце 1914 г. в Константинополе после объявления войны Турцией России, в качестве вахмистра вступил в ряды турецкой армии, а в том же году в ноябре месяце среди турецкого отряда принимал действительное участие в высадке этого отряда в Бессарабии и в нападении его на русский вооруженный отряд, причем вместе с остальными участниками боя был взят в плен в местечки Тарутино Бессарабской губернии, т. е. в преступлении предусм. 3 п., 2 ч. 108 и 109 ст. Угол. улож.¹

По объяснению Мамедова объявление войны застало его в Турции. Там производился набор солдат, он, с его слов, конечно отказывался, но тогда его стали упрекать, что он изменник делу ислама. Он согласился стать переводчиком. Через 15 дней после зачисления в турецкую армию вахмистром его посадили на пароход. В отряде был 21 нижний чин и два офицера.

Высадились по приказанию офицера в Гагаузии, весь отряд сел на подготовленных лошадей и двинулся к селению Тарутино, где без боя сдались местным властям. В мае 1915 г. находился в лагере военнопленных в местности Песчанка вблизи Читы. В июне 1915 г. бежал с Песчанки. Побег совершил таким образом: пешком дошел до города Читы, там сел в товаро-пассажирский поезд и добрался до станции Маньчжурия. На станции Маньчжурия перед остановкой поезда ни тихом ходу вышел с поезда с солдатами и прошел в поселок. Из поселка пешком пробрался на станцию Чжалайнор, откуда товарно-пассажирским поездом направился в Харбин.

В поезде познакомился с каким-то стариком кавказцем, который вез с собой опиум. Мамедов попросил кавказца помочь проехать в Китай без паспорта. По прибытии в Харбин кавказец привел Мамедова в какой-то дом на пристани, где познакомил его с молодым татаринном. Молодой татарин дал «персидский» паспорт на имя Мирза-Али. С паспортом этим Мамедов приехал в Чаньчунь, затем в Пекин и явился в германское посольство, прося оказать ему помощь как беглому турецкому военнопленному².

Сначала ему не поверили, но когда он показал служащему посольства сохранившуюся у него фотографию, где он был избра-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 52.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 53.

жен в турецкой форме в одной группе с немецкими солдатами, ему дали 70 мексиканских долларов и бумагу в германское консульство в Шанхае.

В Шанхае Мамедов остановился в гостинице «Лондон», содержимой русским евреем Лещинским и отправился оттуда в германское консульство. Там он предъявил полученную в Пекине бумагу. Консул попросил возвратиться в гостиницу и ждать визита турецкого подданного. Дня через два к Мамедову в гостиницу пришел европеец, назвал себя Эттингером и спросил его: «вы приехали из Чаньчуня. У вас говорят, есть письмо для меня»¹.

Мамедов был удивлен таким визитом и сказал, что никакого письма у него нет. Продав еще дня четыре, татарин снова пошел в консульство и там узнавал, что у него был турецкий подданный Эттингер, про которого германцы ему и говорили. Мамедову сказали вновь ждать визита Эттингера.

Эттингера он встретил на улице. Эттингер дал свой адрес: «Кианзин роуд, 30-й дом». По этому адресу Мамедов и разыскал Эттингера. Мамедов получал 150 руб. в месяц жалования, из которых 50 руб. платил Эттингеру за стол и квартиру. Эттингер состоял агентом германского консульства и находился с ним в постоянных сношениях. Вся переписка с консульством секретного характера поступала на имя Эттингера и к нему каждый день приходил за письмами служащий из германского консульства. Эттингер руководил целой группой агентов. Спустя три недели после того, как Мамедов поселился у Эттингера, однажды утром он услышал ссору, которая происходила между Эттингером и каким-то высоким здоровым молодым мужчиной. Эттингер обвинял этого человека в том, что тот человек получил от него 5 000 руб. денег за то, чтобы взорвать железную дорогу и поезд со снарядами на Уссурийской железной дороге, но ничего не сделал и просил вновь денег. Щербилис, как потом удалось Мамедову узнать фамилию этого человека, громко кричал и доказывал, что он уже произвел взрыв и в доказательство показ Эттингеру газету, где говорилось о разрыве линии Уссурийской железной дороги. Щербилис папиросой выжег в слове «размыв» букву «м» и утверждал, что тут следует читать «разрыв». На другой день выяснилось, что Щербилис обманывал Эттингера и удалось найти газету, где говорилось о разрыве Уссурийской железной дороги. Когда Эттингер показал Щербилису газету, последний перестал спорить и сказал, что денег ему больше не надо и что он поедет и произведет взрыв на железной дороге².

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 53–54.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 54.

По-видимому, моральный облик агентов германской разведки был невысок. Впоследствии секретарь германского консула сказал Мамедову, что Щербилис жаловался, что Эттингер получив 5 000 руб. на взрыв моста, но выдал Щербилису лишь половину, а другую взял себе, при этом взяв расписку от агента на всю сумму.

В июле 1915 г. Мамедов в разговоре сказал Эттингеру, что во время побега из России в Шанхай проездом в Чаньчуне познакомился с персиянином Наги-Таги-оглы и пил у него чай. Эттингер просил Мамедова написать ему письмо и назвать Эттингера своим человеком. Эттингер уехал в Чаньчунь, а когда возвратился в Шанхай, сказал Мамедову, что в пятницу в Шанхае будет Наги-Таги-оглы. Он остановился в гостинице «Лондон» говорил с Эттингером часа полтора, кроме Эттингера в беседе принимал участие германский консул в Шанхае и еще какой-то немец.

Потом Мамедов видел, что Эттингер подписал с Наги-Таги-оглы какую-то бумагу, написанную на немецком или английском языке, где видел цифры 3 000, потом 2 000 и еще 2 000. В 20:00 того же дня Мамедов пришел к Наги-Таги-Оглы в гостиницу «Лондон» с Эттингером, который передал персу небольшую жестяную круглую коробочку. Когда Эттингер ушел, азиатские агенты германцев пошли в нарушение всех запретов шарията в бар, и Мамедов видел у Наги-Таги-оглы значительную пачку бумажных китайских денег и три чека, выписанных на его имя в «Русско-азиатском банке». В тот же вечер Наги-Таги-оглы выехал в Тяньцзинь. Дней через десять-пятнадцать после его отъезда Эттингер получил от него из Владивостока телеграмму следующего содержания: «Купил товар. Пришлите десять тысяч рублей». Вскоре пришла и вторая телеграмма такого же содержания. Эттингер тогда сказал Мамедову, «...что вот ничего не сделал, а просит 10 000»¹.

В начале сентября 1915 г. Мамедова позвал к себе германский консул в Шанхае и дал ему секретное поручение проверить в Чаньчуне правда ли что Эттингер обманывает консульство, берет денег для агентов и половину из них оставляет себе. Консул предложил Мамедову опросить жену Наги-Таги-оглы в Чаньчуне. Эттингеру, по требованию консула, Мамедов должен был рассказать легенду, что его посылают в Пекин, чтобы привезти оттуда бежавших из русского плена турецких и германских офицеров. Консул затем дал Мамедову 300 долларов, и в тот же день он выехал в Тяньцзинь,

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 54.

а оттуда в Чаньчунь. В Тяньцзине Мамедов узнал, что Наги-Таги-оглы арестован. На другой день арестовали и Мамедова¹.

Мамедов дал показания на агентов Эттингера – Шурку Баклана и Тефку-извозчика, указал, что они получили много денег от Эттингера, чтобы устроить взрыв мостов на линии КВЖД, но ничего не сделали. Взрывчатые вещества им передавали в Тяньцзине сотрудники местного германского консульства.

Кроме того, по показаниям Мамедова у Эттингера почти каждый день бывал проживавший в Шанхае мастер сундуков – еврей – турецкий подданный по имени «Леон» с поврежденной ногой. Квартировал он по улице Бонроуд, дом № 130. Этот еврей делал сундуки и чемоданы с тайниками, куда вкладывал фетвы, т. е. воззвания к священной войне мусульман со всеми христианами, кроме германцев. Текст по-арабски подписывался именами Шейх-уль-ислама, турецкого султана, наследника турецкого престола Юсуфа и главы турецкого правительства Энвер паши. Фетвами снабжало германское консульство в Шанхае, а сундуки с тайниками следовали в Индию. Их везли из Китая в Индию евреи – английские подданные.

Видел Мамедов и расписки Щербилиса, Вульфовича, Левина о получении вознаграждения за службу германскому консулу. Когда они все сидели в Тяньцзинской тюрьме, Вульфович Мамедову говорил, что он дал расписку Эттингеру на 5 000 руб., а получил только 1 000. Сообщал Мамедов, что Тобес Левин был послан в Маньчжурию, чтобы распространять среди солдат прокламации с призывом к революции. Эти прокламации готовились в германском консульстве и передавались Левину еврейкой Поташниковой, которая жила в Китае и квартировала у Эттингера, давала уроки русского языка проживавшим в городе англичанам. Она впоследствии была арестована в Харбине².

Пока Мамедов сидел с подельниками в тюрьме, он попытался через известного ему как француза Эструпа передать записку сундучнику «Леону». На турецком языке в записке было написано: «Консул сообщаю Вам что я турецкий подданный из города Брусса Магамед-Ахмет. 9 сентября в городе Тяньцзинь меня арестовало русское консульство и послало в Харбин, потому что нет паспорта, теперь передайте мне паспорт или потребуйте от русского консула почему меня арестовали»³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 55.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 55.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 56.

Жандармско-полицейское управление КВЖД секретно сообщало 31 октября 1915 г., что 15 сентября № 713 было выдано предписание произвести обыск в гостинице, владельцем которой был русский подданный Засников.

Цель операции заключалась в задержании проживавшего там по сведениям миссии русского подданного Сандро Тцегаришвили.

Дело в том, что после ареста Вульфовича, Наги Таги-оглы и Магомет Ахмета было выяснено, что назвавшийся Магомед Ахметом есть в действительности русский подданный, мещанин города Елизаветополя Кермалай Бегдар-оглы Мамедов, дезертировавший из России, вступивший в ряды турецкой армии. Этот коллаборант принимал участие в высадке турецкого десанта в Бессарабии, был взят в плен и бежал в Китай из лагеря Песчанки Забайкальской области, куда он был водворен в качестве военнопленного. В период времени между побегом и задержанием в Тяньцзине Мамедов в Китае вошел в отношения с сотрудниками германского посольства и был привлечен германским военным атташе к секретным миссиям. На полученное пособие от германских властей Мамедов нанял группу русско-поданных татарского и еврейского происхождения для оказания содействия германскому Генеральному штабу, в том числе и вышеупомянутого кавказца¹.

Агентурная информация об Эттингере поступила из резидентуры в Шанхае от 31 октября 1915 г. № 61. В ней говорилось, что турецкий еврей Эттингер являлся германским агентом в Шанхае и Маньчжурии. Родился он в Константинополе, где его мать содержала публичный дом. Эттингер свободно владел турецким языком, являлся единственным знатоком этого языка в Шанхае.

В 1903 г. участвовал в подделке паспортов для русских проституток, при открытии уголовного дела бежал из Константинополя во Владивосток, где получил должность комиссионера в гостинице. Во Владивостоке был замешан в деле по обвинению еврея Лейбы Минцеля в поджоге и, опасаясь ареста, бежал в китайский город Шанхай. Г-жа Эттингер также была известна русской разведке как матерая шпионка².

Ранее была известна под фамилией Джексон, польская еврейка занималась проституцией в борделях Гонконга и Сингапура. Ее настоящая фамилия Дора Сукар. По приезду в Шанхай работала в кафе «RICH» (Богатство) у сутенера Хаима Абрахама, привлеченного позже британской полицией к уголовной ответственности в Гон-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 317.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 359.

конге. Показания на своего сутенера дала сама Дора Сукар. Затем она сошлась с сутенером Финкельштейном, обслуживала английских матросов в гостинице «TRAVELERS»¹.

По прибытии Эттингера из Владивостока тот остановился в названной гостинице, где и познакомился с Дорой Сукар. В Лондоне они вступили в законный брак. По возвращению в Шанхай открыли на «Бэблен вэлл» мастерскую по починке шин. После открытия военных действий Эттингер снабжал фальшивыми турецкими паспортами подозрительных личностей по указанию германского консула. Совершал поездки в города Дальний и Мукден. Эттингер был связан с контрабандистами опиума, доставлявшими наркотики из Приамурья в пределы Маньчжурии. Затем опиум доставлялся в Шанхай. Таким образом, Эттингер был одновременно и контрабандист и шпион².

7 ноября 1915 г. № 154 по русскоподданным агентам германской дипломатической миссии последовал доклад ЖПУ КВЖД на имя российского посланника в Пекине.

В нем говорилось о допросе русского подданного Щербилиса, который показал, что германские власти в Китае, желая вредить России, обратили внимание на КВЖД и Уссурийскую железную дорогу, расположенную в Приморской области Приамурского генерал-губернаторства и задались целью заняться разрушением важнейших их сооружений, для чего среди русских подданных, преимущественно евреев, приобрели подходящих лиц, которые за большое вознаграждение согласились в этом направлении оказать услугу немцам. При этом российская агентура указывала как на немецких агентов на Тобеса Левина, двух евреев и грузинов, но фамилии последних не называли.

Отмечалось, что в сентябре 1915 г. чинами Тобес Левин был задержан на Джалайнорских копиях, «...а произведенным дознанием выясняется, что другими немецкими агентами состояли: Щербилис, еврей Вульфович, перс Оглы и турок Магомед. Последние трое содержаться в харбинской тюрьме»³.

В докладе говорилось, что «...агентурой и свидетельскими показаниями установлено, что в Шанхае в помещении Германского консула имеется разведывательное бюро, которым ведает немецкий еврей Эттингер, он уплатил Щербилису 5 000 рублей, Левину

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 360.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 360–361.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 266.

2 000 рублей»¹. Подписал доклад начальник ЖПУ КВЖД, полковник Горгопа.

Деятельность турецких подданных в Китае подтолкнуло ЖПУ КВЖД по поиску агентуры в этой среде.

Согласно протоколу допроса, в ЖПУ КВЖД от 9 ноября 1915 г. допрашивалась Шейна-Фрейда Шлимович, возраста 33 года, иудейского вероисповедания, турецкая подданная по мужу из Константинополя.

Эта женщина показала, что ее муж, Павел Ааронович Шлимович, 39 лет, был ранее выслан из Одессы как турецкий подданный, проживал в Харбине. Шейна Шлимович следовала на пароходе из Дальнего в Шанхай. В Дальнем (Далыне) она получила от некоего Мойши Шрайера задание перевезти опиум в размере 26 гинов. Перед прибытием в Шанхай Шейна отдала 4 куса этого опиума в виде свертка бумаги на сохранение своей попутчице, попросив ее положить груз в муфту, сказав, что это сверток с деньгами, за которые она опасается, что последняя и сделала. Попутчица не знала, что в этих кусках находится, так как они были завернуты в бумагу и платок. Однако она была задержана полицией и показала на Шейну Шлимович, которая также подверглась аресту. Раскайвавшийся наркокурьер была завербована офицерами жандармско-полицейского управления².

Уже 10 ноября 1915 г. началась проверка по оперативной информации от агента, что «Мойша Лейзер-Срулев Шрайер проживает в Харбине по адресу: ул. Торговая, 34. Приезжал во Владивосток, а затем Дальний. Выдает себя за русского подданного и имеет поддельный русский паспорт»³.

Позднее при проверке достоверности источника информации ЖПУ КВЖД 17 декабря 1915 г. № 392 сообщало посланнику в Пекине, что турецко-подданный Павел Ааронович Шлимович проживал в Харбине по 16 июля 1914 г. и с этого числа выбыл неизвестно куда. По сведению харбинской сыскной полиции Шлимович в то время находился в Дальнем и содержал гостиницу «Отель-Норд» в компании с неким Ставицким. Шлимович был большой приятель Тобеса Левина по кличке «Тевка-извозчик», находящегося под стражей в Харбинском арестном доме и привлеченного к следствию судебным следователем по особо важным делам при

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1021. Л. 267.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 323.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 325.

Иркутском окружном суде М.С. Стразовым по 108 ст. Уголовного уложения (Шпионаж).

Дело в том, что ранее Шлимович был неоднократно замечен в Тяньцзине и Шанхае как переводчик японского консульства. После начала войны он предложил свои услуги германской дипломатической миссии¹.

Донесение от 21 ноября 1915 г. № 1553 российского консула в Куаньченьцзы начальнику ЖПУ КВЖД содержало информацию, что 16 ноября 1915 г. Эттингер и сопровождающий его Барат были в Чаньчунь, поселились там в разных гостиницах. Из показаний содержателей гостиниц стало известно, что Эттингер и Барат были вызваны из Шанхая письмом «Маруси», прибывшей из Харбина вместе с другой еврейкой Шейвкэ, причем обе эти женщины выехали в Шанхай через Пекин. Они должны были передать Эттингеру какие-то документы.

При установлении личности Маруси и Шейвкэ, по заявлению агента Ванштейна проверялась информация, что они были проститутками, высланными из Пекина в Чаньчунь согласно распоряжению российского посланника от 20 июля 1915 г.

Среди высланных из столицы Китая «русских» проституток числились: иркутская мещанка Варвара Павлова Ивельская, 22 лет; крестьянка Александра Григорьевна Шклярова, 17 лет; мещанка местечка Ракова Минской губернии Гута Гилиеина Талесник, 24 лет; мещанка гмины (местечка) Фрамкова Замостинского уезда Люблинской губернии Хайва Мошкова Вайстух, 24 лет; крестьянка села Михайлово Томской губернии Матрена Захарова Лазарева, 19 лет; крестьянка Томской губернии, села Баитуровского Евфросинья Петрова Хазаренко, 18 лет; крестьянка Приморской области города Никольск-Уссурийского Ольга Афанасьева Кузьменко, 23 лет; крестьянка Приморской области города Иман София Иосивна Тихая, 22 лет; оттуда же Анастасия Федоровна Адрианова, 21 года; мещанка завода Пувты Пермской губернии Александра Ильинична Слободчикова, 22 лет; мещанка города Ачинска Енисейской губернии Вера Михайловна Иоффе, 23 лет; дворянка Екатерина Степановна Бахтина, урожденная Туржанская, 23 лет; мещанка гмины Собен-Езеры Седлецкой губернии Рифка Ицковна Фишбаум, 38 лет; фастовская мещанка Мирка Овсеевна Гернер, 35 лет и одесская мещанка Идеса Аврамовна Мурлакова, 26 лет².

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 332.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 373.

Однако сразу выявить среди вышеназванных дам полусвета германских шпионов не удалось. Причина заключалась в том, что путем оперативно-розыскных мероприятий была получена ложная информация, что Маруся – это крестьянка Иркутской губернии, имеющая мать в Харбине.

Кто такая Шейвкэ, которая доставляла корреспонденцию и вещи, передавала их от Эттингера, немецким офицерам удалось установить позже.

23 ноября 1915 г. полицейским офицером Джеваго был задержан Янкель Гершев Меер Иссаков Вайнштейн.

23 ноября 1915 г. он дал под протокол показания, что в одной из гостиниц в Харбине проживала еврейская Бася Поташник, она же Мазуровская, занимавшаяся шпионажем в пользу Германии, и даже собиравшаяся участвовать в покушении с целью взорвать Сунгарийский мост. Она, по сообщению Вайнштейна, была знакома с Эттингером и его женой¹.

7 декабря 1915 г. № 133 прокурор Пограничного окружного суда в Харбине сообщал посланнику в Пекине, что из протокольных данных выяснилось, что прибывшая около 10 ноября и вместе с какой-то еврейкой русская Маруся – это Матрена Лазарева, высланная по распоряжению миссии. Она встречалась в отеле «Ямато» с немецкими офицерами, а также французом Баузером в гостинице «Централь» и в гостинице «Метрополь».

«Маруся» была арестована и определена в арестный дом в Тяньцзине².

По ее показаниям Баррат и Эттингер встречались в «Централе» с некой Цацкиной и Вайнштейном и другими подозрительными личностями Чаньчуньского района. Участие в шпионаже «Маруся» отрицала, по ее словам она перевозила по заданию Эттингера опиум и какие-то документы³. Консульство в Шанхае от 2 декабря 1915 г. за № 122 сообщало российскому посланнику «По поводу выяснения личности Т. Цацкиной и ее сношений с подданными воюющих с Россией государств»⁴.

Означенная Цацкина ранее содержала в Шанхае кофейню, но затем отправилась в Харбин, где проживал ее муж по профессии мясник. Семья ее состояла из трех детей: девицы 19 лет и двух сыновей 17 и 16 лет. Три месяца тому назад она вернулась в Шан-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 370.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. 402–404.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 405.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 243.

хай из Харбина, где занималась содержанием пансионата низшего разряда (публичного дома). В Генеральном консульстве она известна по делу об обвинении ее в провозе опиума, причем виновность ее была не доказана. Проживала бандерша в Харбине по адресу: Китайская улица, дом № 33. Ее старшая дочь работала прислугой у одного германского доктора в Харбине¹.

15 декабря 1915 г. за № 1702 ЖПУ КВЖД сообщались следующие оперативно-розыскные сведения для посланника в Пекине: «"Малкис", он же "Яшка", – одесский мещанин Янкель Мойша Менделев Пипергал; "Поляков" – мещанин города Несвиж Слуцкого уезда Минской губернии Давид Евнов Мазя; "Янкель" – Ашмейда-Шварцберг житель Чаньчуня, ведет торговлю мылом и молочными товарами; "Володька Грек" – Владимир Стакиев, живет в Харбине, часто посещает Чаньчунь и немедленно возвращается обратно; "Нюнчик" – очаковский мещанин Сруль Ицков Леонов, житель Чаньчуня; "Латман" – одесский мещанин Шмуль Эль Давидович; "Гец" и "Цацкина" – о пребывании их в Чаньчуне неизвестно, "Курочка" – хотинский мещанин Абрам Овшиев Рабинович»². По имеющимся агентурным сведениям эта группа лиц вела торговлю опиумом из Приморья в Китай и вполне могла быть завербована германской разведкой.

Но не только евреи вербовались германской и турецкой разведками.

Начальник полицейского управления КВЖД в донесении от 29 марта 1916 г. за № 15 сообщал, что им получены следующие агентурные сведения: «В целях шпионажа немцами в Китае организованы три отделения миссионерского общества. Членами этого общества состоят немцы, китайцы и корейцы, которые под видом путешественников собирают сведения:

– 1-е миссионерское общество находится в китайском городе Санчагоу. Агенты этого отделения обслуживают район Мулино-Сяосуйфинь и по границе до Николск-Уссурийска;

– 2-е отделение находится в Мукдене, его агенты обслуживают район Куаньченьцзы-Харбин-Фудзядянь-Хархонтэ. Отделение выделило из себя отделение в Чаньчуне;

– 3-е отделение действует между русско-китайско-корейской границей, агенты его обслуживают Хунган-Новокиевск. Подчиняются они фон Драйгену, стоящему во главе немецкого шпиона-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 244.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 29.

жа, а за ним стоит германское посольство в Китае. Резиденция фон Драйгена в Мукдене и Чаньчуне»¹.

Консул из Гирина от 12 декабря 1916 г. информировал ЖПУ КВЖД, что по полученным агентурным сведениям консульства проживающий в Гирине коммерсант Ретгер отправился по поручению германского консула в Мукдене в китайский город Сансин в сопровождении китайских переводчиков и трех служащих. Цель этой поездки состояла в способствовании немцам-военнопленным побегов из лагерей России в Приамурье в китайскую Маньчжурию, для чего в Благовещенск и Хабаровск Ретгером были откомандированы агенты-китайцы².

Переданное в ЖПУ КВЖД донесение негласного агента штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи от 25 января 1917 г. содержало информацию, что на японской концессии у железнодорожной станции Чаньчунь находилась гостиница «Метрополь», принадлежавшая до последнего времени евреям: хозяину гостиницы «Гавай» в Харбине Юлицкому, а также Гуральнику и Латману. Но главным занятием означенных лиц являлась торговля опиумом и переправка его в Чаньчунь. Кроме того, контрабандисты-наркоторговцы занимались переправкой в Китай лиц, уклонявшихся от воинской повинности – русско-подданных и беглых пленных. Вознаграждение за переправку беглых военнопленных они получали напрямую от германского консула в Мукдене.

Около трех месяцев назад указанная гостиница была продана австрийскому подданному Наводному. До этого управляла гостиницей жена бывшего пивовара местного завода Яна Прокеш. Сам Прокеш был австрийский подданный, свободно ездивший в Харбин и переправлявший в Чаньчунь дезертиров и военнопленных³.

Семья Прокеш переселилась с конца 1916 г. в дом № 37 по 2-й улице напротив китайской почтовой конторы. Наводный, по его словам, отказал жене Прокеш в службе. Наводных было три брата, один в 1916 г. был убит китайцами с целью ограбления⁴.

Кроме того, в Чаньчуне проживал турецкоподданный Мартын Елизаревич, который также занимался переправкой беглецов. Он имел какое-то разрешение генерала Афанасьева и свободно посещал благодаря ему Харбин в 1916 г. Посещал он два раза сто-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 295.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 375.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 342.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 347.

личные города: Москву и Петроград. В конце 1916 г. русский консул отобрал у него разрешение, и поэтому он оформлял документ на посещение Харбина у французского консула¹.

Генеральное консульство в Шанхае от 3 февраля 1917 г. в депеше за № 302-304 сообщало российскому посланнику, что согласно сведениям, добытым путем секретной агентуры, у проживающего в Чаньчуне или Харбине русскоподданого Шаргородского находился на службе некий Морис Умлауф, «известный сутенер на Дальнем Востоке и неимеющий за последние 7–8 лет своего пребывания в Китае никаких определенных занятий». Он был известен полиции как обычный сообщник проституток, сутенеров, азартных игроков и вообще всего неблагонадежного элемента. Выехав из США в Китай еще в 1902 г., он продолжал выдавать себя за американского гражданина, хотя в 1916 г. ему было отказано местным американским консульством в регистрации и выдаче американского паспорта. В 1916 г., опираясь на то, что он родился в Австрии, Умлауф обратился к местному австрийскому консулу с просьбой о признании его австрийским подданным. Морис Умлауф был активно втянут в торговлю наркотиками в Харбине².

Японская резидентура в Чаньчуне выяснила и передала российской стороне, что Умлауф имел мануфактурную торговлю и паспорт, выданный в Нью-Йорке 1898 г. Жена его, бывшая русская подданная, тоже имела американский паспорт от 21 июня 1916 г. № 87, он был выдан американским консульством в Шанхае. За супругами Умлауф российской полицией было установлено наружное наблюдение³.

Комендант Харбина 19 февраля 1917 г. в донесении № 2260, сообщал, что 16 января 1917 г. на железнодорожной станции Куаньченьцзы к полицейскому надзирателю Джеваго обратился мещанин гимны Зомбров Ломженской губернии – Хаим Лейбов Левинский, 64 года, иудейского вероисповедания, проживающий в Харбине по Артиллерийской улице, дом № 36 и заявил, что в настоящее время много молодых людей, евреев, бегут из пределов России в Америку с целью уклониться от военной службы и что им способствует целая организация, а именно: жена Гиндля Гительман, проживающая в Харбине по улице Полевой в доме № 30, какой то Лев высокого роста, молодой еврей сожитель Гительман – Якша Пейсех (шапочник), английский подданный еврей Дима Димов, 23 лет,

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 349.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 137.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 143.

и австрийский подданный Прокиш, проживавший в Чаньчуне. Эти лица берут большие деньги с беглецов за то, что помогают им пробираться разными путями и разными способами, а в особенности Прокиш обирает людей в Чаньчуне. Прокиш взял с его сына Левинского 550 руб. за помощь в проезде из России в Китай и за то, что сын его Лейб Хаймов Левинский жил бы у Прокиша, скрываясь три дня. В доказательство этого обстоятельства Левинский представил два счета с подписью Прокиша карандашом.

Донос Левинского был вызван тем, что сын его Левинский вместе с неким Шмерковичем были задержаны российской полицией в Тяньцзине. Прокиш же взял также и с Шмерковича 200 рублей, а Гительманша взяла с его сына и Шмерковича 525 руб. за то, что помогала их проезду из Харбина в Чаньчунь. Кроме того, по просьбе Левинского на имя Прокиша в «Йокагам спешит банк», находящийся в Куаньченьцзы, было переведено 298 руб. денег через посредника – Фишера.

Но несмотря на провал миссии Прокиш отказал Левинскому в возврате уже полученных денег¹.

Российское консульство в Тяньцзине в письме российскому посланнику в Пекине от 22 августа 1917 г. № 307 «Об австро-германских агентах» сообщало, что по сведениям из агентурных источников германским агентом является еврейка Конь, которая в декабре 1914 г. вышла замуж за грека Георгия Дмитриевича Николаса. Брак этот был зарегистрирован французским консульством в Шанхае 15 декабря 1914 г. Проживала Конь в Японии в Кобэ.

Работала Конь-Николас на австрийского офицера Валентина Цудзило, который за несколько дней до объявления войны был командирован австрийским консулом фон Ганнекеном с секретным поручением в Харбин, а потом на Калган. В ноябре 1916 г. Цудзило был задержан полицией русской концессии в Тяньцзине за попытку получить в сберкассе деньги, выдавая себя за русского подданного Андрея Людвиговича Лашека. Передан как уголовный элемент австрийскому консулу через посредство китайской полиции. Однако вскоре стало известно, что он сколотил группу из трех австрийских подданных-славян бывших военнопленных, которые планировали вернуться в объятую революционным пламенем Россию с каким-то заданием германских властей².

Оценивая результаты предпринятых оперативно-розыскных мероприятий, расследований и показаний, мы должны отме-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1917. Д. 1030. Л. 45–46.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1915–1919. Д. 1022. Л. 264.

тять, что до суда судебный следователь по особо важным делам при Иркутском окружном суде М. С. Стразов, который вел также и следствие по делу Чарльза Мозера, довел до завершения только еще одно дело. 11 января 1917 г. он вновь обратился в Департамент полиции с просьбой: «Имею честь просить Ваше высокопревосходительство на основании 292 ст. Устава уголовного судопроизводства выступить в качестве свидетеля по делу обвинения Тобеса Левина, Шмуля Вульфовича, Хаима Щербилиса, Наги Таги-оглы и Якуба Мамедова в государственной измене. Для этого допросить одного из секретных агентов Портнягина:

1. По чьему распоряжению летом 1915 г. он наблюдал в поезде Пекин-Тяньзинь русско-подданных Шмуля-Давида Ицковича Вульфовича и Наги Таги-оглы; когда им было начато наблюдение, что удалось установить этим наблюдением в поезде, заметили ли они что находятся под наблюдением?

2. Не наблюдали ли за ними другие во время их пребывания в Пекине; сколько времени и где они были в Пекине, что именно делали, с кем виделись, были ли в Германском консульстве в Пекине и имели ли свидания с агентами названного консульства?

3. Где, как и кем были задержаны Вульфович и Наги Таги-оглы по прибытии в Тяньзинь, что при себе имели¹?

Статскому советнику, следователю по особо важным делам Стразову был дан ответ: «Передаем протоколы свидетельских показаний Портнягина, канцелярского служителя 2-го разряда миссии Батурина, содержателя гостиницы "Акрополь" греческого подданного Катифориса и копию протокола агента, имя коего не может быть оглашено по совершенно секретным соображениям»².

В открытых для следствия показаниях Панайота Катифориса говорилось о том, что греческий подданный подслушал разговор Вульфовича и Тобеса Левина о встречах с немцев. В гостинице «Акрополь» он наблюдал их встречу «с третьим лицом восточного типа (Наги Таги-оглы). Грек проследил, как вышеуказанные лица направились в германскую миссию, видно было что они наблюдали, не следит ли кто за ними, но грек удачно прятался за выступом французской почты, так что германские шпионы его не заметили. Походив некоторое время, они вошли в ворота германской миссии. Через полчаса они вышли из ворот и направились на улицу Хадамынь, оттуда в гостиницу³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1026. Л. 333.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1026. Л. 334.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. 1908–1920. Д. 1026. Л. 335.

Однако суд, несмотря на многочисленные агентурные свидетельства, не успел осудить означенных лиц из-за февральской революции в России 1917 г. и последующей за ней амнистии.

6 июня 1917 г. за № 77 поступило секретное уведомление начальника Уголовно-розыскного отделения Харбинской военно-железнодорожной милиции Генеральному консулу в Харбине.

В нем говорилось, что по поручению следователя по особо важным делам Иркутского Окружного суда Сечкина именовавшийся турецким подданным Якуб Кербалай Беглар-оглы Мамедов подлежит задержанию и заключению под стражу по обвинению его по 108 и 118 ст. Угол. улож.

Оказалось, что Мамедов в сентябре 1915 г. совместно с Наги Таги-оглы и Шмулем Давидом Вульфовичем был задержан в Тяньцзине по подозрению в шпионаже, после чего они содержались в тюрьме, а после февральской революции 1917 г. оказались на свободе.

Первые двое были освобождены следственными властями под крупный залог, а Мамедов был освобожден по распоряжению Прокурора Иркутской судебной палаты в связи с возведенной Временным правительством амнистией для лиц, содержавшихся под стражей и отбывающих наказание. В июне 1917 г. освобождение Мамедова следователем по особо важным делам Сечкиным признано незаконным, и он подлежал как враг уже новой демократической России «...безусловному содержанию под стражей». Мамедов был снова объявлен в розыск¹.

Консул в Тяньцзине от 15 июля 1918 г. сообщал, что другой германский шпион Наги Таги-оглы, который ранее дал признательные показания по подготовке к покушению на КВЖД, снова появился с легитимационным билетом от 11 октября 1917 г. в пределах Китайской железной дороги².

Однако к этому времени сил на ликвидацию шпионов у российской разведки было мало. Примером этого является донесение ЖПУ КВЖД в российское консульство в Харбине от 17 декабря 1917 г.

В нем говорилось, что заведующий миссией контрразведки в Тяньцзине некий Кулаев, проживавший в Харбине, занимался не защитой интересов отечества, а контрабандным вывозом золота из Сибири и Монголии для продажи его немцам на юге. Агентом его в Тяньцзине состоит некий Бентин – германский подданный, бывший директор фирмы «Кунст и Альберс» в Харбине. Бентин при-

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 134.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 337.

был в Тяньцзинь в начале войны и проживал на территории русской концессии¹.

В секретной телеграмме русского консула в Харбине от 6 июня 1917 г. за № 182 сообщалось, что харбинское китайское коммерческое общество обратилось к Ли Хуньмо с настоятельной просьбой о размещении в районе пристани китайских солдат в виду непрекращающихся насилий над китайцами со стороны русских солдат. Просьбу эту Ли Хуньмо отклонил, предложив для охраны китайского населения образовать им самим милицию.

Об изложенном Ли Хуньмо просил русского консула в Харбине Братцова частным образом телеграфировать Миссии в Пекине, что она не применит обратить серьезное внимание Временного Правительства на крайнюю необходимость принятия срочных мер к обузданию бесчинствующих в Харбине и на линии русских солдат².

Как мы видим, силы ЖПУ КВЖД во второй половине 1917 г. направлялись уже на решение задач, связанных с разложением российского общества и государства, а особенно его военного аппарата. Средств для выявления германских шпионов в Китае не хватало.

Итак, в 1906–1917 гг. жандармско-полицейскому управлению Китайской Восточной железной дороги удалось во взаимодействии с Иркутским губернским жандармским управлением (в оперативном ведении которого они находились) провести ряд активных контрразведывательных мероприятий, направленных на ликвидацию организаций, созданных военными и дипломатическими кругами Германской империи на территории Китая.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026, л. 133.

² АВПРИ Ф. Китайский стол. 1917. Оп. 491. Д. 3063. Л. 15.

Глава 5. От агентурной разведки Российской республики к резидентурам СССР в Китае

5.1. Работа агентурного аппарата российских спецслужб в Китае в годы гражданской войны

После октябрьской революции 1917 г. многие дипломаты России не признали новой власти. В частности, посланник России в Пекине В. Н. Крупенский и управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват заняли по отношению к Советской России враждебное положение. До конца первой мировой войны (ноябрь 1918 г.) они старались выполнять союзнические обязательства и консолидировались с Лондоном и Парижем, а не Петроградом и впоследствии Москвой.

Так как российские дипломаты в Китае не признали результаты октябрьского переворота 1917 г., они активно участвовали в арестах тех бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий, которые бежали из охваченной гражданской войной России в Китай.

В бумагах российского Генерального консульства в Харбине от 3 октября 1918 г. № 1502 говорилось, что 1 октября китайскими солдатами был доставлен в консульство для допроса неизвестный, назвавший себя Мильнаром Имре и предъявивший на то же имя документы, выданные Управлением городской милиции Владивостока от 2 июля 1918 г. Имре на допросе показал, что он, австро-венгерский подданный по происхождению, был взят в плен при падении крепости Перемышль в марте 1915 г. и отправлен на жительство в город Иркутск, откуда, пользуясь разрухой в России, перебрался в Благовещенск и затем в китайский город Сахалян, где обманом получил охранный лист как русский подданный. По дороге из Сахаляна в другой китайский город Харбин Имре однако был задержан китайскими властями, так как их полицейские определили, что лицо, имеющее русские документы, не владеет русским языком¹.

Тогда же в бумагах генерального русского консульства в Харбине были сведения о судебном преследовании германских подданных, задержанных в Китае с поддельными документами:

1. Германские подданные Линдемман и Отто Шнайдер были арестованы в Харбине китайскими властями с поддельными документами на имя русских граждан А. Саркина и О. Шнеера.

2. Германские подданные Липперт и Гольденберг арестованы в Харбине русскими властями с поддельными паспортами на имя

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 11.

голландских подданных Террлиндена и Ван Ордта, с поддельными же визами русской миссии в Пекине.

3. Германские подданные Арнд, Бусскер и Шинер задержаны китайскими властями в Урге с поддельными голландскими паспортами с поддельными же визами российской миссии в Пекине, при задержании уничтожили свои документы. Перед задержанием они предоставляли таковые в дипломатическое агентство в Монголии, которое сняло с них копии. Все трое находились под арестом совместной русско-китайской следственной комиссии в Тяньцзине¹.

Ранее, в июле 1918 г. были отправлены в Шанхай для предания смешанному русско-китайскому суду германские подданные Зельке и Рор².

Консул в Тяньцзине от 15 июля 1918 г. сообщал российскому послу в Пекине о факте продажи в Харбине русского паспорта на имя Якова Хваткина германскому военнопленному лейтенанту фон Бланкенштейну. С этим паспортом названное лицо было задержано британской полицией в Гонконге³.

Любопытную историю с мытарствами по Китаю бежавших из России бывших солдат армий Тройственного союза сообщил русский консул в Тяньцзине от 2 августа 1918 г. В письме за № 72 он доносил российскому посланнику в Пекине, что 25 июля в консульство в Шанхае явился неизвестный человек, назвавшийся по фамилии Арамовичем и просил визировать ему паспорт на проезд в город Дальний (Далянь). Предъявленный посетителем паспорт за № 211 был выдан во Владивостоке 27 января 1918 г. на имя старшего унтер-офицера Егерского гвардейского полка Климентия Арамовича, родившегося на польских землях Российской империи. Арамович родился, согласно паспорту, 2 декабря 1888 г., был вероисповедания римско-католического, отправлялся из Даляня (он же Дальний, он же Дайрен), по его словам, в Японию с научной целью. Однако представленный паспорт по мнению сотрудников консульства не соответствовал лицу, его предъявившему. Задержанный вначале утверждал, что он русский подданный, то лицо, которое упоминается в паспорте, но затем сознался, что он подданный Австро-Венгрии Денеш Сикской, родился в 1895 г., зачислен в сентябре 1914 г. в 32-й венгерский полк, взят в плен в Карпатах, а 1 января 1915 г.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 23–34.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 64.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 153.

отправлен в лагерь в город Ташкент, где и находился до сентября 1917 г.¹

Затем примкнул к организации сербов и чехов и получил билет от воинского начальства для пророссийской агитации среди военнопленных в лагере в Томске. Однако вместо этого поехал в Иркутск, а 18 декабря оттуда через Харбин – во Владивосток. 23 февраля 1918 г. выехал из Владивостока в Шанхай пароходом «Пенза», получив заграничный паспорт на основании разрешения воинского начальника, у которого остались его воинские документы. Целью поездки было установление уже революционной связи с чехами, сербами, венграми и итальянцами, находящимися в Китае. Однако бывший венгерский военнопленный, прибыв в Шанхай 27 февраля 1918 г., отказался от ведения революционной пропаганды, познакомился с русским артистом – гипнотизером Антоном Георгиевичем Георгиусом, к которому поступил помощником и с ним работал в китайском театре «Та Сыко». Георгиус предлагал Денешу заключить контракт на год и ехать с ним в Японию, а затем в Сан-Франциско, но тот отказался, так как, научившись у Георгиуса его искусству, решил работать самостоятельно. Георгиус уехал в Японию, а он остался работать под фамилией «Джординер», проживая по адресу: Авеню Жофр, 291².

В марте 1918 г. он встретил в Шанхае лейтенанта Бланкенштейна. Тот тоже бежал из России, потом уехал в Гонконг, где был арестован английской полицией. Однако германский офицер бежал из под ареста в Манилу, где вновь был задержан англичанами и отправлен в Австралию в тюрьму. Ему, Сиксой, было известно, что у Бланкенштейна было много денег, которые он получил в Шанхае от германской благотворительной организации. На эти деньги лейтенант купил себе и Сиксой паспорта³.

Сиксой вступил в группу венгров, которые уговорили его ехать снова в Россию, а оттуда – в Венгрию, так как советская власть возвращала военнопленных по условиям Брест-Литовского мира на родину. Однако вместо возвращения в Россию он был арестован в здании русского консульства⁴.

Русский консул в Тяньцзине Тиндеманн в донесении русскому послу в Китае от 3 ноября 1918 г. за № 653 сообщал, что содержащийся под стражей К. К. Аромович (Дениш Сиксой) 29 октября

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 158.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 159.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 160.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 161.

покушался на побег, 30-го октября покушался на самоубийство и в тот же день произвел буйство, закончившееся нервным припадком. Консул в связи с этим требовал передать Сиксю китайским властям, так как помещение консульства было непригодно для подобного рода заключенных¹.

Во-вторых, активно общались дипломатические работники царской России в Китае с представителями возникших на территории Сибири и Дальнего Востока «белых правительств». Иногда поводом являлось то, что представителями этих правительств были явные авантюристы и мошенники.

В 1919 г. русским посланником в Пекине была начата переписка о зауряд-прапорщике П. С. Нахабове. Появился этот человек в китайском городе Мукден осенью 1918 г., где по сведениям русского военного агента делал военные заказы и покупал оружие по поручению атамана Семенова, причем находился «...в сношениях с известным авантюристом корнетом Савиным».

В конце 1918 г. П. С. Нахабов в городе Дальнем (Далянь, Дайрен) заключил контракты о поставках военных материалов с различными фирмами на крупные суммы. В начале 1919 г. в Китай прибыла специально командированная комиссия «Омского правительства» в составе военного следователя суда Отдельной Восточно-Сибирской армии Некрасова и штаб-офицера для поручений при начальнике той же армии Бентковского².

При расследовании процедуры закупок вооружения и военного снаряжения для армии Колчака оказалось, что Нахабов – жулик и казнокрад. По сообщенным военным следователем российскому консулу в Дальнем материалам, П. С. Нахабов незадолго до февральской революции 1917 г. был заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в шпионаже в пользу Германии и в передаче военных карт неприятелю. После февраля 1917 г. был не только освобожден, но и по поручению Временного правительства он уже производил крупные заказы в Японии. Потом попал в отряд атамана Семенова. В конце марта 1919 г. в Дальний прибыл есаул фон Мейер для ликвидации производившихся Нахабовым заказов и после его расследования Нахабова арестовали в отряде. Он был задержан в Харбине за растрату, но бежал оттуда вместе с подкупленной им стражей. По донесению русского консульства в Тяньцзине в августе 1919 г. П. С. Нахабов появился там, причем выдавал себя за адъютанта атамана Семенова. Был арестован 9 августа по распоряжению

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1908–1920. Д. 1026. Л. 172.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1918. Д. 1021. Л. 201.

консульства. Ему вменялась растрата 300 000 руб. золотом казенных денег¹.

В письме русского посланника в Пекине верховному правителю России А. В. Колчаку от 11 сентября 1919 г. № 732 говорилось, что российская миссия в Пекине предписала консульству «...отправить Нахабова в Куаньченьцзы для передачи его контрразведке в предписании от 2 августа 1919 г. Вместе с денежным обязательством на сумму в 105 000 руб. для омского правительства»².

8 октября 1919 г. на основании ст. 314 Военного суд устава дело о поручике Нахабове вместе с вещественными доказательствами было передано за № 7912 прокурору Приамурского военно-окружного суда во Владивостоке³.

В-третьих, в переписке дипломатов важную роль играло изучение позиции разных стран.

Так, российский консул в Мукдене сообщал, что к нему обратился ряд американских предпринимателей с предложением помочь китайцам выкупить у России КВЖД за счет займа США. Главное, по мнению Вашингтона, чтобы эта железная дорога не досталась японцам⁴.

Японцы держали к февралю 1920 г. в своих руках Владивостокский железнодорожный пункт и ст. Маньчжурия на КВЖД, то есть контролировали весь путь на Китайской Восточной железной дороге. Попытки китайских властей устранить японский контроль на КВЖД были блокированы японской стороной. Японский посланник заявил китайскому МИД, что за последнее время в уездах Хуньчунь, Яньцзи и Хэйлунь (вдоль корейской границы) появилось много корейских мятежников, настроенных враждебно в отношении японцев. В ноте протеста Токио говорилось, что Япония неоднократно указывала на это китайским властям, которые постоянно успокаивали японскую сторону заверениями, что они наблюдают за корейцами, однако в то же время никаких решительных мер не принимали. При таком стечении обстоятельств Япония вынуждена прислать некоторое число своих войск в Северную Маньчжурию для охраны безопасности стратегически важной железной дороги от мятежников⁵.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 198–199.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 203.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1915–1018. Д. 1021. Л. 212.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 16.

⁵ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 45

В свою очередь китайские власти отрицали необходимость присутствия японских войск в Северной Маньчжурии и сообщали, что ими посланы в провинции дополнительные полицейские войска для строгого надзора за корейцами. У корейцев изъяты оружие и анти-японская литература. Для корейцев запрещены митинги и «...подозрительные приготовления»¹.

В-четвертых, дипломатические органы старой России активно продолжали использовать старую агентуру из китайских граждан. Так, созданная еще до Первой мировой войны резидентура при российском консульстве в маньчжурском городе Гирина действовала и финансировалась по 1920 г. включительно. Даже расстрел А. В. Колчака в январе 1920 г. в Иркутске не остановил ее работы.

Добытые разведанные собирались российским посланником в Пекине и генералом Д. Л. Хорватом, которые только формально признали атамана Г. М. Семенова главой белого движения.

Как видно из разведсводки с 15 января по 1 февраля 1920 г., агенты сообщали, что китайскому генералу Чжану японцы предложили послать в Сибирь китайские войска для защиты проживавших там китайских подданных. Тот ответил, что Китай находится в состоянии войны с Германией, а не Россией. А междоусобица в России – русское домашнее дело, и отказался направлять китайские войска в Сибирь².

Бао Дайцзунь – губернатор Гирина в своем донесении в китайский МИД отмечал, что генерал Хорват во всем с ним советуется. Начальник штаба гириных войск сообщал, что в пограничных с Маньчжурией русских провинциях беспорядки, в самой провинции также не все обстоит благополучно – действует много отрядов хунхузов, поэтому требуется усилить войска для охраны Китайской восточной железной дороги (КВЖД). На вооружении 6 китайских военных бригад, находившихся в провинции было разномастное оружие: германская винтовка «Маузера» образца 1888 г., японская винтовка «Арисака», 1898 г. и хубэйская китайская винтовка³.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 46.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 1.

³ Необходимость полного перевооружения армии на новейшие виды вооружения понимало еще правительство Империи Цин, 7 апреля 1890 г. запустив знаменитый арсенал «Ханьян» в Ухане, куда для этого завезли специальное оборудование из Германии. С помощью этого оборудования завод мог производить не только оружие, но и боеприпасы к нему. Он стал одним из немногих арсеналов в Китае, который мог производить все виды легкого и тяжелого вооружения для армии в то время. В 1904 г. арсенал был переименован в Хубэйский оружейный завод. Ханьян использовал немецкую винтовочную технологию Gewehr 88 и запустил серийное производство винтовок с клеймом «Сделано в Ханьяне» (а точнее «汉阳造88式步枪»). Винтовка Тип 88 прослужила в китайской армии более

Патронов у войск было мало, не хватало и снарядов к артиллерийским орудиям, стоявшим на вооружении китайской армии¹.

Отмечала агентура и факт эффективной «большевистской агитации среди корейцев». Так, командующий войсками Гиринской провинции Бао получил из Харбина донесение, что большевики отправляют агитаторов-корейцев в три места их компактного проживания на территории Китайской республики:

1. Янцзисянь Гиринской провинции;
2. Мэньцзяньсань той же провинции;
3. Чаньбаньсянь Мукденской провинции.

Корейские повстанческие отряды «И юнбин» находились вблизи реки Тумэнь (Туманган), отделявшей Гирискую провинцию от Кореи, в Мэньцзянском уезде и в местечки Яньцзи. Там собралось в начале 1920 г., по данным секретных агентов, уже несколько десятков тысяч вооруженных корейцев в ожидании столкновения с японцами, после выхода Красной армии к Приморью. По мнению агентов, есть все признаки того, что большевики с корейцами заключили договор, согласно которому гарантировали Кореи независимость, если корейцы восстанут против японцев².

Отмечал агентурный источник и факт притеснения китайских купцов в Хабаровске и Благовещенске. Там с них местные белогвардейские русские власти осуществляли нерегулярные поборы³.

Неудивительно, что от китайской агентуры Гиринской резидентуры, действовавшей на русском Дальнем Востоке, поступала информация, что «...все русские люди сочувствуют большевикам и желают им победы и напротив совершенно отрицательно относятся к атаману Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенову. Большевики сильны, они вовсе не действуют безрассудно или произвольно, а руководствуются определенными государственными законами. У Г. М. Семенов же царит произвол, насилия и грабеж, и вообще можно сказать что люди, служащие Семенову, очень сильно напоминают хунхузов»⁴.

Неудивительно, в силу таких сообщений начальнику 2-го полка 5-й бригады «Уда Тинь» было поручено организовать наблюдение за действиями генерала Хорвата, чтобы в случае выявления его

60 лет и, можно сказать, была наиболее характерным оружием китайской армии первой половины XX века.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 2.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 3.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 5.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 8.

связи с большевиками можно было бы своевременно устранить его с поста¹.

Разведсводка с 15 февраля по 1 марта 1920 г. содержит информацию, что Бао – генерал, командующий войсками в Гиринской провинции, прислал из Харбина начальнику штаба своих войск в Гирине бумагу, в которой писал, что большевики из Владивостока и прочих мест обратились к нему с просьбой разрешить вывоз провианта из Маньчжурии в Сибирь по КВЖД, причем ссылались в своей просьбе на нейтралитет Китая.

На это генерал Бао, из гуманитарных соображений (борьба с голодом), согласился. Вместе с тем он поставил большевикам условие, что они не имеют права посылать русских или корейских агитаторов в Яньцзинский и другие уезды Китайской республики для пропаганды среди корейцев. Он им объявил, что такие действия на китайской территории не могут быть терпимы. Большевики согласились с доводами Бао².

Генерал Бао своему окружению сообщил, что сотрудничество с японскими военными властями невозможно, так как японцы двуличны. Китайский генерал приказал готовиться офицерам китайской армии к возможным военным столкновениям с японской армией³.

В отношении советских войск Бао отмечал, «...что если русские, сражаясь с японцами, перейдут границу, то нужно разоружить их, но в то же время оказать им содействие в провианте и медицинской помощи. В случае неподчинения русских требованию о разоружении разоружать их силой, в случае вооруженного сопротивления применять против них оружие».

16 апреля 1920 г. в Гирин был доставлен арестованный в китайском городе Фугдин 8 марта генерал-майор Уссурийского казачьего войска Калмыков и капитан 1 ранга Безуар. Причины ареста белогвардейских офицеров китайскими властями не были объяснены российским дипломатам. Калмыков со своим отрядом отступил из Хабаровска в Китай 29 февраля 1920 г.⁴

Разведсводка из Гирина с 1 по 15 июня 1920 г. содержала информацию, что японские военные потребовали освобождения Калмыкова. Заместитель Гиринского цзянь-цзуня ответил, что у Китая хватит сил для защиты китайского суверенитета и отказал в этом.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 10.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 14.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 29.

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 31–43.

Китайская разведка доложила, что японцы сформировали в Порт-Артуре отряд китайских хунхузов во главе с Тань Цзылинем и Лю Сисанем. Эти два главаря по поручению японцев набрали в Шаньдуне шайку числом более 200 человек. Ружья и патроны хунхузы получили от японцев. Шайка прибыла в полосу отчуждения КВЖД для организации беспорядков, чтобы дать японцам благовидный повод ввести на КВЖД новые войска¹.

В связи с этим китайские власти решили требовать у Токио удалить японских жандармов и почты со станций КВЖД и Уссурийской железной дороге. Для этого было запланировано взять КВЖД под контроль не только китайскими жандармами и почтой, но и регулярными войсками².

Разведсводка из Гирина № 278 от 16 июня 1920 г. содержала сведения об агентурном составе своей резидентуры в Гирине:

1. Агент по борьбе с опиекурением и макосением – Ло Куньшань;
2. Яло Ли;
3. Жао Хэ;
4. Линь Гоби;
5. Ху Чжичжунь;
6. Кунь Цзидунь;
7. Пэнь Бинькэ;
8. Чжоу Юйцы³.

Разведсводка от 15 июня по 1 июля 1920 г. сообщала, что начальники уездов Ниньань, Учан, Шулань, Дуньхуа и Омо сообщили о переходе советско-китайской границы «прекрасно вооруженными хунхузами». Все это – бывшие рабочие в России, в последнее время служившие солдатами в рядах большевистской армии. У хунхузов, оперирующих в уездах Дуньхуа и Омо, на знаменах написано: «1-й полк государственной охраны». Появившиеся «хунхузы» вели пропаганду среди местного населения о том, что в Маньчжурии очень плохие чиновники. В выпущенной ими прокламации «красные хунхузы» заявляли, что они не будут грабить и обижать местное население, они просили лишь еду и желающим к ним присоединится обещали оружие. Китайские власти насчитали на Севере Маньчжурии 1 200 «красных хунхузов» и решили срочно принять в отношении них решительные меры.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 56.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 57.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 61.

Отмечала китайская разведка и существование в Шанхае общества из большевиков разных национальностей: русских, китайских и корейских. Отделения этого общества были открыты в Тяньцзине, Мукдене и Яньцзигане. Мукденское отделение названного общества однако было ликвидировано крупным китайским чиновником – военным комиссаром трех восточных провинций, члены большевистской ячейки уничтожены или арестованы. В отношении отряда «красных хунхузов» тоже планировалась военная операция¹.

Разведсводка с 1 по 15 июля 1920 г. содержала сведения, что командующий войсками Гиринской провинции командировал во Владивосток китайца (переводчик газеты «Юань дунь бао») проверить слух о заключении Владивостокским временным правительством (братьев Меркуловых) секретного соглашения с японцами. Соглашение будто бы состоит из 15 статей, причем 4 статья будто бы предусматривает протекторат Японии над русским Дальним Востоком. Это вызвало недовольство среди китайских военных, снова ставших склоняться к сотрудничеству с большевиками².

В связи с этим китайские власти решили дальше содержать под стражей атамана Уссурийского казачьего войска И. П. Калмыкова в Гирине и не передавать его японцам. Японским дипломатом же отказать по той причине, что Калмыков – уголовный преступник, ранее убивавших многих ради обогащения и наживы³.

Таким образом, первоначально российский дипломатический корпус царской России поддерживал белое движение, действовавшее на востоке бывшей Российской империи, но после гибели Колчака в январе 1920 г. дипломаты царской России, равно как и китайские власти, стали относиться достаточно отрицательно к ее последователям к различным атаманам Забайкальского и Уссурийского казачьих войск (Семеновым, Калмыковым) или осколкам «белого движения» в виде земского правительства в Приморье.

¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 64.

² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 68.

³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 763. Л. 76.

5.2. Становление агентурной разведки СССР в Китае.

Помимо военной разведки, которую осуществляло подразделение Рабоче-крестьянской красной армии (далее – РККА), в разное время называвшейся Разведупр – IV управление – ГРУ РККА, в СССР вопросами политической разведки занимались две организации. Во-первых, с июня 1921 г. – это Отдел международных связей (далее – ОМС) Коминтерна, а во-вторых, – это действовавший с декабря 1920 г. Иностранный отдел ВЧК (с 1922 г. ГПУ, а с 1923 г. – ОГПУ).

ИНО ОГПУ возглавлял второй заместитель председателя ОГПУ Меер Трилиссер. С образованием в 1921 году буферного государства – Дальневосточной республики (ДВР) – М. А. Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП(б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны (далее – ГПО) ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат Дальневосточной республики.

Уже в августе 1921 г. с Трилиссером встретился Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК в созданный накануне в декабре 1920 г. Иностранный отдел. Трилиссер, имевший опыт агентурной работы на Дальнем Востоке, согласился. Он был назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК.

Начальником ИНО с 6 августа 1921 г. был назначен С. Г. Могилевский, который, не проработав и нескольких месяцев, погиб в авиакатастрофе. В декабре 1921 г. Трилиссера утвердили заместителем начальника иностранного отдела. Основная работа М. А. Трилиссера – создание заграничных резидентур и сети негласных агентов. В целях конспирации было принято обозначать источника резидентуры номером. Позже в практику были введены псевдонимы¹.

¹ Трилиссер М. А. (псевдоним – Москвин), уроженец Астрахани, стал профессиональным революционером в 1901 г., когда ему было всего 18 лет. До Первой мировой войны он занимался преимущественно выявлением полицейских шпииков в среде большевистской эмиграции. М. Трилиссер был главным организатором и руководителем Финляндской военной организации РСДРП в 1906 г. После ареста и суда был отправлен на бессрочную каторгу в Сибирь. Позднее Михаил Трилиссер войдет в состав советского военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью, станет правительственным эмиссаром Амурской области Дальневосточной Республики. Он создаст первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Центром и начнет формировать разведывательный агентурный аппарат. (Р. Фалиго и Р. Коффер считают, что М. Трилиссер вместе со своим братом работал в разведаппарате Коминтерна. Однако скорее всего они

Судьба одного из первых начальников Иностранного отдела ОГПУ – Меера Абрамовича Трилиссера – была тесно связана с Дальним Востоком.

В 1923 г. при формировании Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР М. А. Трилиссер стал уже начальником Иностранного отдела.

Помощниками М. А. Трилиссера в Иностранном отделе ОГПУ стали знакомые ему по совместной работе в годы Гражданской С. Г. Вележев – бывший начальник Разведупра в Сибири (военной разведки РККА), оперативники – Я. Минскер, А. Нейман, А. Мюллер, проводившие по линии ГПО ДВР разведывательные операции на территории Китайской Республики.

Опираясь на эти кадры М. А. Трилиссер в основу своей работы положил организацию резидентур в Китае, полагая Китай той страной, с революции в которой начнется мировое революционное движение.

Меир Абрамович был спокойным и осторожным человеком, избегавшим поспешных шагов. В иностранном отделе его за глаза называли «Стариком» и «Батькой».

Ситуация в Китае очень важна для Трилиссера. Ставка на коммунистическую революцию в Китае – основная в его деятельности.

Дело в том, что Меер Трилиссер в марте 1921 г. в качестве делегата от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП(б), провозгласившего новую экономическую политику (далее – НЭП) и создавшего условия для перехода большинства крестьянства на сторону большевиков.

В последние дни работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна (далее – ИККИ).

Коминтерн – это главная ударная сила ВКП(б) по экспорту революции за границу. Исполнительный комитет – это аппарат международного коммунистического движения.

ошибаются (хотя у Трилиссера и был брат), это был один и тот же человек, работавший в двух организациях. Так, фамилию М. Трилиссера мы находим в решении Оргбюро ИККИ от 19 декабря 1922 г. о создании нелегальной комиссии (Постоянная нелегальная комиссия ИККИ) вместе с фамилиями О. Пятницкого, Г. Эберлейна и Э. Прухняка).

В феврале 1921 г. М. Трилиссер как делегат от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП(б). Ему предлагают работу в аппарате ЦК: заниматься вопросами руководства парторганизациями Дальнего Востока. Через полгода, в августе 1921 г. Ф. Держинский берет его на работу в ИНО ВЧК. Трилиссеру было поручено заниматься организацией разведывательной работы в странах Западной и Восточной Европы, несмотря на его просьбы заняться работой по восточному региону (Китай, Корея, Япония, Монголия).

До 1922 г. ИККИ формировался из представителей, делегированных коммунистическими партиями. С 1922 г. он избирался конгрессом Коминтерна.

С 1919 по 1926 г. Председателем ИККИ был крупный партийный деятель Григорий Зиновьев. В 1926 г. после поражения Г. Зиновьева от И. Сталина во внутрипартийной борьбе должность Председателя ИККИ была упразднена. Вместо нее был создан Политсекретариат ИККИ из девяти человек.

Трилиссер, даже перейдя в марте 1922 г. на работу в ГПУ (образовано в феврале 1922 г.), продолжал оставаться негласным членом исполкома Коминтерна.

Для практической работы в Коминтерне был создан аппарат, который на протяжении всей истории Коминтерна подвергался реорганизациям в зависимости от изменения политических задач или же перипетий внутрипартийной борьбы в рядах ВКП(б). С июня 1921 г.¹ этот аппарат стал называться *Отделом международной связи* (сокращенно ОМС, эта аббревиатура известна во всем мире)² с подотделами связи, финансирования, литературы, шифровальным.

ОМС руководил всей деятельностью Коминтерна и имел разветвленную систему прямых связей с руководством национальных компартий всего мира. *ОМС был, пожалуй, самым законспирированным и секретным из всех других отделов Коминтерна и действовал нелегально.* Чисто внешне он полностью копировал любую разведслужбу, то есть располагал штатом оперативных работников, легальных и нелегальных, курьеров, шифровальщиков, радистов, службой по изготовлению фальшивых паспортов и других документов. *Его главной задачей было осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку информации, документов, директив и денег, переброску функционеров из страны в страну и т. д.*

ОМСу подчинялись все тайные торговые предприятия ИККИ и секретные службы информации. Он занимался также редактированием, шифровкой и расшифровкой донесений. Кроме того, в состав ОМСа входил отдел документации, которым руководил

¹ По данным В. Пятницкого, ОМС был переименован 15 сентября 1920 г. (см. Владимир Пятницкий. Заговор против Сталина. С. 195).

² Авторы книги «Дело Рихарда Зорге» Ф. Дикин и Г. Стори датируют появление отдела несколько позже – 1922 г., а переводчик книги неверно переводит название отдела как «секция международных связей» (СМС). (Ф. Дикин, Г. Стори. Дело Рихарда Зорге. М., 1996. С. 32.)

Фриц Мильтер. Именно здесь подделывались визы, паспорта, печати, документы.

С августа 1925 г. заведующим ОМСа до июня стал 1926 г. А. Е. Абрамович, известный также как Альбрехт, Александр, Четувев, Арно, Вудро, М. Хабер.

После ухода из ОМСа А. Е. Абрамовича (он в 1926–1931 гг. стал референтом Отрготдела ИККИ, в 1926–1930 гг. (с перерывами) представителем ИККИ в Китае, в дальнейшем на научно-педагогической и хозяйственной работе, с 1961 г. – на пенсии) руководил отделом И. А. Пятницкий, который к этому времени возглавлял одновременно Бюджетную комиссию Коминтерна, Отрготдел, Оргбюро и Секретариат ИККИ¹.

Таким образом, сотрудники ОМС Коминтерна действовали под видом хозяйственных и дипломатических работников. Однако по данным советского дипломата Г. Беседовского распределение должностей в посольствах СССР за рубежом происходило по такой схеме: представитель ЧК – ОГПУ обычно получал должность второго секретаря, представитель военной разведки – военного атташе, а представитель Коминтерна – референта бюро печати².

Советские органы Дальнего Востока регулярно сообщали в ИККИ или прямо в Восточный отдел имеющиеся у них сведения о слежке полицейских властей Японии, Китая, Кореи за коммунистами, об арестах, провалах нелегальных типографий и связных пунктов, а эти органы, со своей стороны, сами нередко запрашивали подобного рода информацию.

К примеру, 13 мая 1922 г. начальник ИНО ОГПУ М. А. Трилисер писал О. Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам»³.

Вот в качестве примера еще одна секретная информация О. Пятницкому от Разведупра РККА:

«21.12.1925 г. Совершенно секретно. Лично ИККИ – тов. Пятницкому.

Уважаемый товарищ. 1. По проверенным данным, т. Демьяненко, пом. комиссара штаморсил на Д. В., работающий по связи КИ, вследствие неумения ставить конспиративную работу расшифрован как Ваш сотрудник перед японцами и администрацией пароходов. Доводя об этом до Вашего сведения, добавляем, у нас имеются све-

¹РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об.

²Григорий Беседовский. На путях к термидору. М., 1997. С. 35.

³Там же. С. 88.

дения, что в результате халатности т. Демьяненко была провалена целая группа товарищей, направлявшихся в Кантон». И подпись: Начразведупра *Берзин*.

ОМС продолжал руководить своими пунктами, созданными в основном в портовых городах СССР и зарубежных стран и занимающихся переправкой людей и грузов нелегальным путем в СССР и обратно, внедрением «нелегалов» в другие страны под «крышей» торговцев, представителей фирм и т. д.

Законспирированность деятельности ОМС, его тайные операции в зарубежных странах способствовали укреплению связей отдела ИККИ с ГРУ – ОГПУ.

Так, в апреле 1923 г. заведующий ОМС Петр Вомпе (возглавлял отдел с 19 декабря 1922 г. по август 1925 г.¹) и начальник фельдъегерского корпуса ГПУ П. Митрофанов подписали соглашение «на предмет использования фельдъегерской связи ГПУ для нужд Отдела международной связи». В соглашении указывалось, что ОМС должен давать своим органам «распоряжения о выдаче местным отделам ГПУ соответствующих полномочий на право получения корреспонденции ОМСа». ОМС должен был «сообщать в фельдкорпус ГПУ дислосведения о расположении своих местных органов и всякие последующие изменения расположения таковым для включения в расписание маршрутов»². Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов ОМСа.

ГПУ через ОМС предупреждало гостей Коминтерна об опасностях, ожидающих на их родине (обыски или аресты на границе, готовящиеся преследования полиции). Иностранный отдел ГПУ запрашивал у ОМСа сведения о деятелях зарубежных партий, приехавших в Советскую Россию на учебу или работу, а также обеспечивал ОМС интересующими его разведанными³.

Головной резидентурой ОМСа в то время был Шанхай. Через Шанхай осуществлялась связь с компартиями других стран тихоокеанского региона. Отдел распространял в эти страны пропагандистскую литературу, изготавливал поддельные документы для коминтерновских работников, передавал деньги представителям местных компартий.

¹ П. Хубер неверно датирует его заведование с 1921 г. (см.: Peter Huber. The Cadre Department, the OMS and the «Dimitrov» and «Manuil'sky» Secretariats during the Phase of the Terror. Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents (edited by M.Narinsky and Surgen Rojager). International Institute of Social History. Amsterdam. 1996. P.149).

² Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К. Указ. соч. С. 75.

³ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 23. Д. 365. Л. 170.

Разведкой в Китае занималось полномочное представительство ИНО ОГПУ на Дальнем Востоке, находившееся в Харбине. Через этот город шла разведывательная документация из центрального и южного Китая, из Шанхая и Кантона, он служил как перевалочный центр при нелегальной переброске людей из Китая в СССР и обратно.

Центром разведывательной работы СССР в Китае должен был стать Харбин – негласная столица Северо-Восточного Китая – Маньчжурии. В Харбин поступала добытая специальными операциями документация из центрального и южного Китая, из Шанхая и Кантона, а затем она нелегально переправлялась через советско-китайскую границу в Читу и далее в Москву.

В 1924–1925 гг. в Харбинской резидентуре работали: Ф. Я. Карин и Т. Я. Крутянский (оперативные псевдонимы «Александр» и «Шпак»), второй вице-консул генконсульства Сергей Михайлович Шпигельглаз (под фамилией Герман Михаил), Э. А. Таке и др. Они замыкались на главного резидента ИНО ОГПУ в Пекине Сергея Георгиевича Вележева (оперативный псевдоним «Жан»). Резидентура располагалась на 3 этаже генерального консульства СССР в Харбине. Там находились «черный кабинет» резидентуры, где фотографировали документы из генерального консульства Японии в Харбине, Харбинской японской военной миссии, Харбинской почты, почтовой экспедиции Южно-Маньчжурской железной дороги¹.

Через Харбин проходила знаменитая Китайская Восточная железная дорога, и поэтому этот город был своеобразным «Вавилоном» Китайской Республики того времени. Он был центром не только шпионской, но и контрабандистской деятельности на Дальнем Востоке, тут открыто торговали оружием и наркотикам, собирались вооруженные банды белогвардейцев, покинувших территорию России².

Отметим, что в 1925 г. на 600 000 населения Харбина русская община составляла четверть населения – более 150 000³.

Чуть ранее в 1924 г. были созданы в Китае различные торгово-промышленные и информационные предприятия, в состав которых были инфильтрованы сотрудники ОГПУ. Так, в советско-китайском управлении КВЖД от советской стороны управляющим

¹ Там же. С. 105.

² Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М., 1981. С. 22.

³ Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 2. С. 105.

КВЖД стал А. Н. Иванов, ранее сотрудник Отдела водного транспорта ГПУ во Владивостоке.

В «Дальгосторге» (Дальневосточной государственной торговле СССР), управляющим харбинского отделения был В. А. Игнатенко, ранее сотрудник хабаровского ОГПУ, в руководстве харбинского отделения «Центросоюза» (Центральный союз торговых предприятий СССР) работал М. П. Смородин, резидент ОГПУ в Харбине¹.

Был открыт в Харбине также «Сибкрайсоюз» (Сибирский крайовой союз Кооперативов СССР), который занимался сбытом советских продуктов и закупкой сырья и злаков для СССР. Его отделением в Харбине руководил сотрудник ОГПУ А. Ф. Попов².

Советская резидентура в Китае была сосредоточена в таких местах, как Пекин, Шанхай, Кантон, Тяньцзинь, Мукден, Харбин, Чаньчунь и др.

Вернемся к организации первой резидентуры СССР в Китае. Первую попытку организации резидентуры в столице Китая в Пекине организовал в 1922 г. Я. Давтян.

Одной из успешных операций Я. Давтяна стало получение архива документов белой контрразведки Колчака.

11 февраля 1923 г. Я. Давтян сообщил в Центр о создании резидентур в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене, Харбине, Чаньчуне. На контакте у Я. Давтяна было два секретных агента, один в штабе белого движения в Харбине, другой – в Мукдене, в консульстве Японии.

Однако Я. Давтян не сработался с новым руководителем ИНО ОГПУ М. А. Трилиссером и летом 1923 г. вступил с ним в конфликт, попросив или не вмешиваться в руководство советской разведкой в Китае или отстранить его от должности. Затем, в связи с неприятием методов, предлагаемых из Москвы, он отказался от работы в ИНО ОГПУ³.

После признания СССР пекинским правительством в 1924 г. существовавшее в Харбине полномочное представительство СССР было переименовано в Советское Генеральное консульство. Первым генеральным консулом стал резидент ОГПУ Д. Д. Киселев, вторым вице-консулом стал А. Н. Битиев, тоже сотрудник ОГПУ, заведующим паспортным отделом генерального консульства был назначен

¹ Балакшин П. Финал в Китае. С. 134.

² Там же. С. 142.

³ Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М., 1997. Т. 2.

К. Э. Зейте, отвечавший за контрразведывательные мероприятия резидентуры¹.

Проблемы в организации работы Харбинской резидентуры ОГПУ состояли как в слабом техническом оснащении, не хватало оперативной техники, так и в слабом кадровом подборе сотрудников, многие из которых не знали ни японского, ни китайского языка.

В целях укрепления кадрового состава Харбинской резидентуры туда были направлены Пичугин, Кузнецов, Сошников, совмещавшие консульскую службу с работой в ИНО ОГПУ, по данным П. Балакшина. Ими была осуществлена операция по раскрытию подпольной белогвардейской организации, занимавшейся поддержкой бандитских формирований, действовавших на территории Приморья (остатки отрядов атамана Калмыкова). В 1925 г. во Владивостоке состоялся открытый судебный процесс по делу Ковалева и других членов этой белогвардейской организации. Это был важный успех сотрудников.

Следует сказать, что курьерская служба и фельдъегерская связь были самыми распространенными средствами связи. Основным средством передвижения вплоть до начала 30-х гг. на Дальнем Востоке оставался железнодорожный транспорт, так как регулярное воздушное почтовое сообщение открылось только 1 августа 1928 г. Весь путь до Владивостока с четырьмя пересадками продолжался 26 час. 30 мин.

Иркутск использовался в 20-х гг. XX в. как «пункт сбора информации» на Китай, Чита – на Монголию, затем собранная информация из этих городов один раз в три недели отправлялась по назначению в Китай и Монголию².

С начала 20-х гг. работники ОМСа, как правило, были сотрудниками посольств СССР, торгпредств, представительств ТАСС и других легальных советских организаций за границей.

Вся связь с Москвой – деньги, телеграммы, посылка почты и печатного дела производилась через аппараты НКВД, и часть своей работы сотрудники ОМСа выполняли в стенах посольства. После обыска помещений Аркоса в Англии, советского посольства в Пекине в 1927 г. решено было реорганизовать работу ОМСа во всех странах на новых, более конспиративных началах. Работникам ОМСа было запрещено встречаться с иностранными коммунистами в советских учреждениях, держать там нелегальные архивы или заготавливать фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользо-

¹ Балакшин П. Финал в Китае. С. 143.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 403. Л. 124. Цит. по: М. В. Фукс. Указ. соч. С. 168.

ваться только для получения денег и посылки зашифрованных денежных отчетов, а также по вопросам въездных виз в СССР для иностранцев по линии Коммунистического Интернационала»¹.

Однако проблема заключалась в том, что с мая 1927 г. шифрование было изъято из ведения ОМСа. Все шифровки должны были отныне идти только через резидентуры ОГПУ. Следовательно, сотрудники ОМСа отныне были «привязаны» к сотрудникам ИНО ОГПУ.

После окончания гражданской войны на карте мира появилось новое государство – СССР (декабрь 1922 г.), а каждому уважающему себя государству, беспокоящемуся о своей безопасности, необходимо иметь военную разведку. Советская военная разведка времен гражданской войны решала оперативные задачи. Новый мирный период ставил новую задачу – организацию стратегической разведки, поэтому приказом РВСР № 785/141 от 4 апреля 1921 г. вместо Региструпра и разведывательной части оперативного управления Штаба РККА, выполнивших свою задачу, создается Разведывательное управление (Разведупр) Штаба РККА.

В сентябре 1926 г., когда все наименования управлений Штаба РККА стали номерными, Разведупр превратился в IV Управление. В его состав входили общая (административная) часть, а также отделы: 1-й (войсковой разведки), 2-й (агентурный), 3-й (информационно-статистический) и 4-й (внешних сношений). На этом эпоха реорганизаций на десять лет практически завершилась.

Реорганизация 1920-х гг. коснулась и разведывательных отделов штабов военных округов. Теперь в аппарат агентурной разведки округа (фронта) входили: агентурный отдел штаба округа, агентурные отделения разведотделов армий и корпусов, оперативные офицеры разведывательных отделений отдельных дивизий. Глубина ведения разведки разведотделами округов была определена таким образом: на западном направлении: 250–300 км, на восточном – 500 км. Работали разведотделы округов в интересах обслуживания командования и войск округа по вопросам изучения вооруженных сил сопредельных государств, их территорий и театра военных действий. Так, разведотдел штаба 5-й армии (позже Сибирского военного округа) – в Китае и Монголии, штаба Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) – в Маньчжурии и Японии.

Разведотделы округов должны были решать следующие задачи:

¹РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 28. Цит. по: В. Пятницкий. Указ. соч. С. 208–209.

– создание закордонной агентуры для самостоятельного ведения стратегической разведки в политической, экономической, дипломатической и военной областях;

– организация связи с резидентурами, непосредственное руководство и финансирование;

– вербовка, обучение и персональный инструктаж агентов различных категорий, снабжение их легализационными документами и экипировкой;

– организация активной разведки в тылу противника.

Особенно остро недостаток кадров ощущался в странах Востока. В связи с этим еще в 1920 г. при Академии Штаба РККА открывается восточный факультет. Его основателем и руководителем становится Андрей Евгеньевич Снесарев, бывший генерал-лейтенант царской армии, опытный разведчик и выдающийся востоковед. Туда принимались выпускники основного отделения. Первый выпуск восточного факультета – восемь человек – состоялся в 1923 г. А в октябре 1926 г. начались занятия на специальных трехгодичных курсах при Дальневосточном университете. Там готовили разведчиков, которые могли бы работать в Японии, Китае и Корее¹.

ОГПУ с 1927 г. держала связь со своей заграничной агентурой через дипломатических курьеров Наркоминдела. Соответствующее отделение в Москве заготавливало письмо с инструкциями для резидента на простой бумаге и нумеровало ее. С 1927 г., после налета китайцев на Пекинское полпредство, запрещено начинать письма словами: «Уважаемый товарищ». Ставится только номер. Инструкцию подписывали соответствующим помощником начальника ИНО, причем подписью также служит условный псевдоним. Письмо запечатывается в конверт, на конверте ставится кличка резидента и пометка: «Никому другому не вскрывать, вскрыть только адресату». Этот конверт вкладывается в другой, на котором писался адрес того полпреда или консула, куда письмо направляется, и в таком виде почта сдается в Наркоминдел. Печать на внутреннем конверте ставилась условная, часто какая-нибудь печать царского времени, а на наружном конверте накладывались печати Наркоминдела. Кличка резидента была известна полпреду или консулу, и тот по получении письма, не вскрывая, передавал его по назначению. Таким же способом посылались письма нелегальным резидентам, с той лишь разницей, что внутри резидентского конверта помещался еще один конверт для нелегального, кличку которого не должен был знать даже полпред; ее знал только один легальный резидент

¹ Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры // Правда-5. 1998. № 25. С. 11.

ОГПУ, который и направлял письмо адресату через имеющуюся у него секретную связь¹.

В агентурной работе ОГПУ в Китае были провалы.

Так, управлявший Иркутской губ. в 1918–1919 гг. эсер П. Д. Яковлев скрылся из Иркутска 28 декабря 1919 г. и уехал в Харбин, где под фамилией Дунин устроился в профсоюз работников КВЖД. В мае 1920 г. Яковлев связался с большевиками и организовал группу из семи человек для теракта против атамана Г. М. Семёнова, но месяц спустя он был направлен новыми хозяевами на политическую разведку. В августе 1922 г. Яковлев вернулся в Дальневосточную Республику и продолжал активное сотрудничество с военной разведкой Народно-революционной и 5-й армий, однако в марте 1923 г. в Чите его арестовали и отправили сначала в Иркутск, а затем в Новониколаевск. По согласованию с Секретным отделом ОГПУ сибирские чекисты в декабре 1923 г. освободили Яковлева и отправили в Москву, где он был завербован ОГПУ. Обосновавшись в Москве, Яковлев работал экономистом в системе Экспортхлеба и поставлял сведения на сослуживцев. Вероятно, эти сведения оказались не очень ценными, и 27 сентября 1924 г. он был арестован, а 15 января 1925 г. – расстрелян по постановлению Коллегии ОГПУ от 12 января 1925 г. за «активную к.-р. деятельность» в годы Гражданской войны².

В ноябре 1925 г. Н. М. Шнеерсон, возглавлявший отделение контрразведки Приморского губотдела ОГПУ во Владивостоке, отправил следующую красноречивую записку начальнику 53-го погранотряда П. С. Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100 150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку. Держать мышьяк нужно в темном месте». И Шнеерсон, и Панов, несмотря на то, что эта записка стала известна начальству, успешно продолжили карьеру в ОГПУ. Логично предположить, что эта порция яда предназначалась именно для устранения неудобных агентов.

Свой пункт связи ОМС имел в Шанхае. Через него была налажена связь с компартиями других стран Дальнего Востока и ЮВА. Отдел продолжал заниматься распространением политической, в том числе коминтерновской литературы, переправкой людей по суше и по морю, изготовлением поддельных документов, передачей денег представителям компартий.

¹ Российская история. 2013. № 4. С. 101–115.

² Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 180.

ОМС конспирировал не только свою работу, но и себя, как за границей, так и в России.

31 марта 1924 г. секретарь ИККИ И. А. Пятницкий писал начальнику иностранного отдела ГПУ М. Трилиссеру: «В целях сокрытия при получении (валюты) из Госбанка названия нашего учреждения, нам необходимо, чтобы получатель валюты Эклунд А. А. – предьявитель сего был бы снабжен фиктивным удостоверением. Поэтому просим Вас выдать ему удостоверение в том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются».

Возникали определенные сложности с получением валюты для зарубежных компартий на местах. Ее получение по ежеквартальным запросам с мест по телеграфу могло привлечь внимание местных спецслужб, поэтому, к примеру, агент ОМСа в Шанхае Альбрехт в своем письме Пятницкому предлагал «принять меры, чтобы бюджеты (компартий) посылались нам не телеграфно, по запросу, а простыми банковским переводами и регулярно без запроса, причем не от одного лица, а из разных стран от разных людей»¹.

В другом документе – письме заведующего ОМСом П. Вомпе начальнику специального отдела ГПУ Г. И. Бокию от 7 июня 1924 г. говорилось: «Нам необходимы невыполненные (так, в тексте, видимо, незаполненные, чистые) бланки, снабженные лишь печатями и подписями на немецком языке, разных советских крупных хозяйственных учреждений и смешанных обществ, имеющих связи с заграницей, особенно с Германией и другими странами Средней Европы»².

По таким подложным документам прибывали в Москву и многие делегаты конгрессов Коминтерна. В свою очередь, ИНО ГПУ неоднократно обращался в ОМС ИККИ с просьбой об изготовлении паспортов для своих работников, так как ГПУ «не в состоянии снабдить (своих людей) такими паспортами».

Более точная иллюстрация методов, используемых Коминтерном, может быть найдена в деле Ноуленса, которого раскрыли в Шанхае в 1931 г. Руководители Дальневосточного Бюро Коминтерна, меcье и мадам Ноуленсы были арестованы в Шанхае. И у них было обнаружено множество поддельных паспортов³.

Отдел международной связи добился, чтобы люди и грузы, направлявшиеся по его линии, как правило, освобождались на тер-

¹ ВКП(б), Коминтерн. Т. 3. С. 465.

² Г. М. Адибеков, Э. Н. Шахназарова, К. К. Шириня. С. 131.

³ Фалиго Р., Коффер Р. Указ. соч. С. 306–307.

ритории СССР от таможенного и паспортного контроля (в паспорте имелся условный знак). В тех случаях, когда уполномоченные ОМСа сопровождали груз морем, они зачислялись в состав команды советского судна, транспортировавшего данный груз.

Весной 1920 г. под ударами Красной Армии Семиречье были вынуждены покинуть атаман Уральского казачьего войска, генерал-лейтенант А. И. Дутов и его отряды.

А. И. Дутов обосновался в 50 км от границы в китайском городе Суйдуне.

Атаман собирался и дальше бороться с большевиками. Он готовил агентуру, пытался объединить русскую эмиграцию в Синьцзяне (Западном Китае). Активная деятельность А. И. Дутова обеспокоила советское правительство. Выполнение миссии о ликвидации А. И. Дутова было возложено на реввоенсовет Туркестанского фронта. В конце сентября 1920 г. в окружение А. И. Дутова был внедрен начальник милиции Джаркета Касымхан Чанышев, бывший офицер. 6 февраля 1921 г. А. И. Дутов был убит на своей квартире курьером Чанышева М. Ходжамиаровым¹.

Заменившего А. И. Дутова атамана Б. В. Анненкова решили выманить на территорию Советской России. Б. В. Анненков встретился с военным советником сяньцзинского губернатора Фэн Юйсяна «красным командиром» В. М. Примаковым. Тот попытался убедить атамана, что Советской России нужны такие самобытные военачальники, как Б. В. Анненков. Последнему предложили возглавить армию Монгольской народной республики. Из Калгана Анненков выехал с сопровождающими его советниками в Улан-Батор. Там его арестовали и отправили в Кяхту, а оттуда в Москву. Там сотрудниками ОГПУ были сочинены и распространены документы, будто бы написанные Анненковым – покаянное обращение во ВЦИК СССР. Расстреляли Б. В. Анненкова 24 августа 1927 г.².

В период с 1926 по 1931 гг. ИНО ОГПУ вела разработку эмигрантских организаций в Маньчжурии руководимых генералом Н. А. Жадвоном.

Особую активность проявили сотрудники Дальневосточного отдела КРО ОГПУ во главе с И. Ф. Тубала. Работа велась как из Москвы, так из Хабаровска. В 1927 г. в Харбин был послан

¹ Яковкин Е. В. Советская разведка в борьбе с русской эмиграцией в Китае: 1920–1945 гг. // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. М., 2023. С. 128–129.

² Яковкин Е. В. Указ. соч. С. 132–133.

агент ОГПУ Богоявленский. Он установил контакты с генералом В. Д. Косьминым (Братство русской правды) и генералом Сытиным (Общество военнослужащих). Богоявленский узнал адреса и имена их сторонников проживавших в СССР и только в Хабаровске были арестованы 57 сторонников.

В 1931 г. около села Кужбар Красноярского края при попытке задержания местным милиционером был убит неизвестный мужчина, при котором была записка, которая помогла ОГПУ выявить в Красноярском крае и Хакасии законспирированную группу, связанную с генералом Мельниковым из Харбина. В Харбин послали агента ОГПУ, который встретился с полковником Шабаловым и узнал об организации «Таежные братья». В конце марта агент вернулся обратно, и организация белогвардейцев была разгромлена, а большинство ее участников расстреляны¹.

В 1931 г. сотрудниками ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю была задумана и разработана операция «Мечтатели». Руководитель операции – начальник особого отдела П. Ф. Рунич. Сотрудники ОГПУ планировали заманить на территорию СССР руководителей эмигрантских организаций в Китае. Фальшивое антисоветское подполье было сформировано в Иркутске и Чите. «Руководителями подполья» были назначены бывший белый генерал Я. Г. Лопшаков, а также А. В. Кобылкин. Операция продолжалась несколько лет и закончилась в 1935 г. Летом 1935 г. на железнодорожной станции Слюдянка был задержан руководитель Национально трудового союза нового поколения полковник И. В. Кобылкин, который пове-рил свои агентам ранее беспрепятственно посещавших Восточную Сибирь и Забайкалье. В сентябре 1935 г. Кобылкин был расстрелян².

31 мая 1924 г. СССР и Китайская республика подписали соглашения «Об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республики», по которому между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения, а правительство СССР отказалось от специальных прав и привилегий, после чего были ликвидированы российские концессии в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу. КВЖД же перешел в совместное управление и эксплуатацию СССР и Китая. Советским правительством был назначен новый управляющий КВЖД А. Н. Иванов, но уже в 1925 г. обстановка вокруг КВЖД ухудшилась. Война между Югом (Нанкинское правительство) и Севером, который возглавлял мань-

¹Яковкин Е. В. Указ. соч. С. 133–135.

²Яковкин Е. В. Указ. соч. С. 135–136.

чжурский генерал Чжан Цзолин, привела к тому, что советское правительство стало оказывать поддержку южным китайским властям, которых сначала возглавлял Сунь Ятсен, а после его смерти в 1925 г. – Чан Кайши. В свою очередь маршал Чжан Цзолин стал формировать из 65 000 белогвардейцев, осевших в Китае, отряд под командованием генерал-лейтенанта К. П. Нечаева¹.

Стали возникать и другие инциденты и конфликты. Маршал запретил хождение советского червонца в Маньчжурии, Китайские власти провели незаконный обыск советского дипкурьера и вскрыли дипломатическую почту в Мукдене. В январе 1926 г. возник острый конфликт на КВЖД. Чжан Цзолин решил бесплатно перевозить свои грузы по КВЖД. В январе 1926 г. долг составил более 14 млн рублей. 21 января 1926 г. управляющий КВЖД А. Н. Иванов издал приказ о прекращении движения по железной дороге от Харбина до Куаньченьцзы. 22 января управляющий КВЖД был арестован и Чжан Цзолин приступил к фактическому захвату дороги, отстраняя от работы советских служащих и набирая на их место белоэмигрантов.

30 марта 1926 г. главнокомандующий китайскими войсками в Харбине расформировал все органы управления КВЖД, взамен которых был создан Временный комитет, в состав которого вошли только китайцы. Политический конфликт угрожал стать военным. В этих условиях руководство СССР в лице И. В. Сталина приняло решение провести силами сотрудников ОГПУ специальную диверсионную операцию. Для проведения операции была создана специальная группа, в которую вошли сотрудники центрального аппарата ИНО ОГПУ и резидентуры в Харбине.

Основными исполнителями должны были стать Владимир Аветиков – сотрудник резидентуры ИНО ОГПУ в Харбине, Н. М. Балдаев – сотрудник центрального аппарата ИНО ОГПУ, позднее с 1932 г. – начальник иностранного отделения ПП ОГПУ по Дальневосточному краю в Хабаровске, К. А. Дятлов – сотрудник резидентуры в Харбине, Иван Трофимович Иванов-Перекрест – агент резидентуры в Пекине, Ф.Я. Карин – резидент ИНО ОГПУ в Харбине, сотрудник генерального консульства СССР; Э.С. Куцын – заместитель резидента ИНО ОГПУ в Харбине, вице-консул СССР в Харбине, И. В. Минин – резидент ИНО ОГПУ в Харбине, Наумов (Эйтингон) Леонид (Наум) Александрович (Исаакович) – консул ИНО ОГПУ в Пекине, резидент

¹ Буяков А. М. Провал операции «Сунгарийский мост» // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. М., 2023. С. 63.

ИНО ОГПУ в Пекине. С 1927 г. резидент в Шанхае, В. И. Пудин – резидент ИНО ОГПУ в Харбине, Г.С. Сыроежкин – сотрудник КРО Новосибирского окружного отдела ОГПУ и М.С. Яриков – сотрудник центрального аппарата ИНО ОГПУ.

Базовый костяк группы был сформирован в Москве. Группа выехала на поезде из Москвы на Дальний Восток. Во главе ее стоял Леонид Наумов (Эйтингон). По пути к группе присоединился Г. С. Сыроежкин как специалист по диверсиям. Его рекомендовал В. И. Пудин. Все сотрудники ехали по документам прикрытия как служащие КВЖД. Потом группа разделилась, кто-то проехал в Китай через Читу, кто-то через Владивосток. Взрывчатку и оружие перебрасывали в Китай представители Владивостокского окружного отдела ОГПУ, не посвященные в детали операции¹.

Наумов с группой прибыл из Владивостока в Харбин только через неделю. Все участники остановились на разных конспиративных квартирах.

Задача состояла в подрыве стратегически важного моста через реку Сунгари, который был расположен в 131 километре от Харбина, длиной в 735 метров. Этот мост связывал железнодорожную линию между Харбином и Мукденом.

План операции состоял в создании двух групп. Первая должна была выйти к объекту заранее и спрятаться в водоотливной трубе, которая проходила поперек полотна железной дороги. Вторая группа должна была приехать чуть позднее. Ее руководителем был В. И. Пудин. Они должны были сойти за три километра до моста и спрятаться до наступления темноты в кустах. В это время первая группа должна была ждать сигнала от Пудина. На все операции по минированию отводился один час.

Но тут начались неожиданности: около моста попался сторож – старик, которого связали. Диверсанты стали готовить взрывчатку, но провод запутался, потребовалось время его распутать. Взрывчатку не успели поставить на все опоры мостов. Заминировали только треть. В это время пошел поезд, сторож, услышав шум от подходящего поезда, ударил фонарем своего охранника по руке с маузером, бросился бежать и поднял тревогу. Китайские солдаты, охранявшие мост на двух постах, стали стрелять. В результате стрельбы среди членов диверсионной группы началась паника и Пудин отдал распоряжение: используя суматоху, садиться в подошедший поезд. Поезд по стечению обстоятельств уехал с диверсантами в Харбин, но на мосту китайские солдаты обнаружили взрывчатку, план под-

¹Буяков А. М. Провал операции «Сунгарийский мост». С. 64–67.

ходов и схему самого моста со штампами КВЖД, а также ружье Пудина с отпечатками пальцев¹.

В Харбин все участники операции добрались благополучно и были размещены на конспиративных квартирах, а затем переправлены по подложным документам в СССР. Вина за провал была возложена на В. И. Пудина.

Впоследствии диверсионные мероприятия проводил сам Леонид Наумов (Эйтингон). Так, 4 июня 1928 г. им и резидентом 4-го Управления (Разведупра) Штаба РККА в Шанхае Христофора Салныня около Мукдена был осуществлен подрыв вагона, в котором ехал Чжан Цзолинь. Раненый маршал скончался в Мукденском госпитале. И вскоре Маньчжурия перешла под контроль Нанкинского правительства².

После провала операции «Сунгарийский мост» как на враждебном для советской власти Севере Китая, так и на некогда дружеском юге, где поссорились националисты Гоминьдана и китайские коммунисты, начались нападения на дипломатические представительства СССР в Пекине, Шанхае и Харбине. После захвата секретных документов последовали провалы сотрудников резидентур советской военной и политической разведок зимой 1926–1927 гг. В связи с этим вся система безопасности советских консульств, резидентур ОГПУ–РККА и система шифрования были пересмотрены. Техническая часть резидентуры ОГПУ в Харбине была перенесена в Читу. Работа производилась на конспиративных квартирах в Чите, где проводились фотографические, переводческие, машинописные и шифровальные работы, т. е. шла обработка материалов, получаемых от резидентур ИНО в Китае, агентов Коминтерна, а также особо ценного сотрудника под псевдонимом «300»³.

Разведывательные сведения по распоряжению М. А. Трилисера должны были аккумулироваться в Чите в местном территориальном органе ОГПУ и оттуда направляться в центральный аппарат ОГПУ в Москву. Кроме того, руководство ИНО ОГПУ решило создать Дальневосточный сектор. Он начал функционировать в феврале 1927 г. во Владивостоке.

Руководил аппаратом сектора Е. А. Фортунатов (оперативный псевдоним «Джек»), заместителем руководителя был кадровый

¹ Буяков А. М. Провал операции «Сунгарийский мост». С. 68–71.

² Буяков А. М. Провал операции «Сунгарийский мост». С. 72.

³ Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора Иностранного отдела ОГПУ во Владивостоке // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. М., 2023. С. 88–89.

сотрудник ИНО под псевдонимом «Смит», а на лето 1928 г. был уже «Жак». В штат входили 2 переводчика, шифровальщик, 2 машинистки, стенографистка, фотограф, сотрудники охраны.

Конспиративная квартира Дальневосточного сектора ИНО ОГПУ состояла из 8 комнат и располагалась на 5 этаже большого дома, известного как «Дом Совкино» на улице Ленинской (ныне Светланской, 50). В квартире были установлены несгораемые сейфы, проведена электрическая сигнализация, установлены ночные дежурства сотрудников. Квартиру оформили на «Совкино», а сотрудников под вымышленными фамилиями – как на артистов кино и сотрудников съемочной группы. О деятельности сектора в городе знали только три человека – заместитель начальника Владивостокского окружного отдела ГПУ А. С. Славатинский, начальник КРО того же отдела П. А. Коркин и курьер-связник от отдела¹.

С сентября 1927 г. три машинистки (одна из них стенографистка) работали во время поступления материалов от источника «300» с двумя переводчиками японского языка – «Профессором» и «Павлом». Третья машинистка сначала Зина, а затем Эмма работали с Е. А. Фортунатовым в номере гостиницы «Версаль», где он проживал. Именно из этого номера Фортунатов вел организационную работу аппарата сектора, просматривал переведенные материалы от источника «300» (по мнению Буякова это сотрудник канцелярии консульства Иномато Фудзиро), составлял тексты для шифровок в центр, встречался с резидентами и курьерами ИНО ОГПУ из Китая, приезжавшими во Владивосток. Секретные документы не хранились в номере, а на ночь перевозились на конспиративную квартиру и запирались в сейфе. В период с сентября 1927 по февраль 1928 г., до прекращения работы источника «300» во Владивостоке, аппарат сектора работал с огромной нагрузкой. Руководящие сотрудники аппарата доставляли на конспиративную квартиру документы, полученные от секретного агента, там их фотографировали и затем документы передавались обратно источнику.

Пленку проявляли, с нее печатались фотокопии, затем переводчики переводили с японского на русский язык и диктовали его машинисткам. Готовые тексты курьер-связник доставлял на радиостанцию ОГПУ, откуда она уходила в Москву².

С февраля 1928 г. произошла смена работников аппарата. Уехали Павел, Зина, Эмма, Юна. Им на смену из Москвы прибыли фотограф «Бородин» с женой, машинистка Столовская.

¹ Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора... С. 89–91.

² Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора... С. 91–92.

С 10 марта 1928 г. у аппарата Дальневосточного сектора появилась вторая конспиративная квартира, состоявшая из четырех комнат и также находившаяся в центре города. Квартира имела три выхода, общие с Дальбанком и Рыбосиндикатом. Сюда была перенесена комната шифрования. В другой комнате было устроено помещение для переводчиков и машинисток. В третьей комнате была приемная, в четвертой – спальня. В последующем на эту квартиру из гостиничного номера «Версаля» переехал Е. А. Фортунатов¹.

В работе руководителя были проколы. Так, в 1927 г. на английской таможне в Шанхае был вскрыт багаж сотрудника ИНО ОГПУ Мушницкого, в котором перевозились копии документов, полученные от японского агента, работника генерального консульства Японии в Шанхае. Информация касалась отчетов японского консула в МИД Японии.

В июне 1928 г. Е. А. Фортунатов был снят с работы за финансовые нарушения и отозван в распоряжение ИНО ОГПУ. 25 июня он уехал в Москву, где был зачислен в резерв ИНО. Дела и кассу он сдал «Федору», который исполнял обязанности до приезда из Москвы нового начальника «Петрова» Ежи Францишека Маковского, бывшего резидента в Шанхае, отозванного в 1928 г. В сентябре 1928 г., с инспекторской проверкой во Владивосток прибыли помощник начальника ИНО ОГПУ С. Г. Вележев, бывший до этого главным резидентом ИНО в Китае и отозванный оттуда для работы в центральном аппарате ОГПУ. Финансовую проверку сектора проводил уполномоченный по финансовой части ОГПУ И. А. Ключаров, который и обнаружил недочеты финансовой отчетности и неподтвержденное расходование валютных средств. Однако по решению М. А. Трилиссера результаты финансовой проверки для Е. А. Фортунатова остались без последствий. Из значимой информации, добытой Фортунатовым, – это японский дипломатический шифр, план мобилизационной подготовки Японии в Маньчжурии на случай войны с США².

Кроме того, в феврале 1927 г. Е. А. Фортунатову было поручено руководство операцией по ликвидации атамана Г. М. Семенова. Ранее в ноябре 1926 г. по предложению начальника ИНО ОГПУ М. А. Трилиссера эту операцию в Китае начал готовить сотрудник резидентуры внешней разведки в Пекине И. Т. Иванов-Перекрест (оперативный псевдоним «Трей»). Он был в курсе контактов Семенова с полпредством СССР в Пекине. Атаман вел перегово-

¹ Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора... С. 93–94.

² Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора... С. 94–95.

ры по золоту, которое он отбил от «золотого эшелона» А. В. Колчака. Сопровождал на переговорах Г. М. Семенова капитан японской жандармерии. Японские спецслужбы предлагали, по сути, сотрудничество. В это время главным противником Японии видела в Китае США.

Г. М. Семенов пытался установить контакт с советскими властями относительно украденного им золота и выторговывал преференции. Планировалось, что ликвидация Г. М. Семенова будет осуществлена путем отравления цианистым калием на квартире полковника Анатолия Калачева, хорошо знавшего атамана. Калачев был завербован Ивановым-Перекрестом, выступавшим под видом агента японской разведки. Однако в последний момент операцию отменили.

Следует сказать, что И. Т. Иванов-Перекрест сумел завербовать ряд белогвардейцев: полковника Николаева, Петрова из уголовного розыска Харбина, Цыхановича из полицейского управления и др. Руководил своей сетью агентов он из Шанхая. Именно через свою агентуру в японском консульстве в Шанхае И. Т. Иванов-Перекрест сумел добыть широко известный меморандум Танаки. Однако после того как выяснилось, что меморандум фальшивка, И. Т. Иванов-Перекрест был арестован и 9 месяцев содержался в Бутырской тюрьме. В 1929 г. по указанию помощника начальника СОУ ОГПУ А. Х. Артузова был освобожден и направлен на судостроительный завод в Ленинград, где вновь был арестован. Потом через 10 месяцев был освобожден. Третий раз подвергся аресту во время репрессий в 1937–1938 гг., тогда он был помощником прораба в Москве. 2 июля 1939 г. осужден по 58 статье на 15 лет¹.

Что касается Е. А. Фортунатова, то он в январе 1929 г. стал особо уполномоченным закордонной части ИНО ОГПУ. Был отправлен в Европу. Но в декабре 1931 г. отозван из-за склонности к пьянству. 1 марта 1932 г. переведен в Ленинградл простым оперуполномоченным ОГПУ. С 1 июля 1936 г. начальник музея УГБ УНКВД по Ленинградской области. 3 сентября 1937 г. арестован, 11 января 1938 г. расстрелян².

Итак, в 20-х гг. XX в. иностранный отдел ОГПУ создает в Китае резидентуру. Центром «восточных» резидентур становится негласная столица Северо-Востока Китая (Маньчжурии) – Харбин. Там резидентура ИНО ОГПУ действовала под «крышей» советского генерального консульства в Китае.

¹ Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора ... С. 96–97.

² Буяков А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора ... С. 99–100.

Заключение

Итак, в начале XX в. специальными службами была создана агентурная сеть, имеющая своей задачей сбор информации как о нахождении в регионе политических противников, так и для сбора иных сведений, составляющих оперативную значимость для политических структур России. В качестве агентов использовались как специально направленные за границу агенты, так и сеть местных осведомителей, работавших на действовавших за границей при консульствах сотрудников специальных служб.

Зарождение и становление заграничных агентур Российской империи в Китае в начале XX в. связано прежде всего с министерством иностранных дел и министерством финансов Российской империи. В 1902 г. эти ведомства создали в Шанхае и Мукдене первые агентурные сети, снабжавшие информацией политического и экономического характера как местные консульские подразделения, так и пограничную стражу России в регионе.

Представители Военного министерства Российской империи накануне Первой мировой войны стали создавать обширную агентурную сеть в Китае. Руководство военной разведкой в приграничном Китае первоначально осуществляли штабы Иркутского и Приамурского военных округов, а впоследствии и Главное Управление Генерального штаба, куда посылались сведения от военных агентов, действовавших при консульских учреждениях России в Китайской республике. Военная разведка была ориентирована на сбор военно-политической информации о состоянии войск Китайской республики и сепаратистских настроений малых народов, населявших русско-китайское пограничье.

Агентурная работа Заамурского округа пограничной стражи и шанхайской группы разведки Министерства финансов Российской империи была ориентирована, во-первых, на сбор информации о криминальном мире пограничной зоны – о бандитах-хунхуза, о контрабандистах, перевозивших опиум через границу, торговавших людьми. Во вторую очередь разведка Министерства финансов добывала информацию о политической жизни Китая. Здесь ее деятельность активно пересекалась с агентурой Военного министерства Российской Империи.

Деятельность агентуры жандармско-полицейского управления Китайской Восточной железной дороги была, во-первых, нацелена на обеспечение порядка и безопасности на железнодорожных коммуникациях; во-вторых, по инициативе Владивостокского охранного отделения и ее пунктов – на выявлении революционеров;

в-третьих, по инициативе жандармского руководства – на противодействие в годы Первой мировой войны германской разведке и ее агентам в Китае.

Работа агентурного аппарата советских спецслужб в 20-е гг. XX в. осуществлялась тремя ведомствами. Во-первых, военной разведкой РККА, которая не только собирала сведения военно-политического характера, но и активно поддерживала «революционный юг» Китая, во-вторых, сотрудниками отдела международных связей Коминтерна и тесно с ними связанными агентами Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления. Последними была создана сеть резидентур в Китае с разведцентром в Харбине.

Список сокращений

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов;
ЖПУ ЖД – Жандармское полицейское управление железной
дороги;
МВД – Министерство внутренних дел;
ДП – Департамент полиции МВД;
МПС – Министерство путей сообщения;
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога;
ГЖУ – Губернское жандармское управление;
КРО – Контрразведывательное отделение;
ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи;
ГУГШ – Главное управление Генерального штаба;
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив
Дальнего Востока;
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края;
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи;
НСБ – научно-справочная библиотека.

Список источников и литературы

Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, г. Москва)

Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел (1880–1917 гг.).

Фонд 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ г. Москва)

Фонд. Китайский стол. Опись 491.

Фонд. Миссия в Пекине. Опись 761.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток)

Фонд 497. Жандармское полицейское управление Уссурийской железной дороги. г. Владивосток 1893–1917. Оп. 1; Оп. 2.

Фонд 542. Временное жандармское полицейское управление КВЖД. г. Харбин 1902–1915 гг. Оп. 1.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК, г. Хабаровск)

Фонд И16. Жандармско-полицейские управления. Оп. 1.; Оп. 2. Оп. 7; Оп. 8. Д. 1.

Государственный архив Приморского края (ГАПК, г. Владивосток)

Фонд 16. Коллекция документов Владивостокского охрannого отделения. Оп. 1.

Государственный архив Иркутской области

Ф. 600. Иркутское губернское жандармское управление. Оп.1.

Ф. 705. Судебный следователь по особо важным делам Иркутского окружного суда. Оп. 1; Оп. 2; Оп. 3.

Нормативные правовые акты

Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром «Об упразднении Сибирского жандармского округа и добавлении к дополнительному штату шести Помощников Начальников Управлений» от 20 июня 1902 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1904. – Т. XXII. – Отд. I. – № 21739.

Высочайше утвержденное «Временное Положение о военнопленных Русско-Японской войны» от 13 мая 1904 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – Т. XXIV. – Отд. I. – № 24523.

Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1908. XXV. – Отд. I. – № 26803.

Именной Высочайший указ, данный Сенату «О предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий в случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном» от 29 ноября 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1908. – XXV. – Отд. I. № 26984.

Именной Высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои не принимали участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия» от 2 декабря 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. СПб., 1908. – XXV. – Отд. I. – № 26987.

Именной Высочайший указ, данный Сенату «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах» от 14 декабря 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1908. – XXV. – Отд. I. – № 27043.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О пособиях детям чинов полиции и корпуса жандармов, погибших или пострадавших при беспорядках и покушениях на сих чинов» от 22 апреля 1906 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1909. – XXVI. Отд. I. – № 27775.

Высочайше утвержденное положение Совета Министров «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати» от 24 декабря 1906 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1909. – Т. XXVI. – Отд. I. – № 28700.

Высочайше утвержденное положение Совета Министров «О назначении суточного довольствия жандармским чинам командиремым для охраны железнодорожных поездов» от 4 мая 1907 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1910. – Т. XXVII. – № 29178.

Высочайше утвержденный «Устав конвойной службы» от 10 июня 1907 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1910. Т. XXVII. – № 29272а.

Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «О путевом довольствии нижним чинам Жандармских Полицейских Управлений сооружаемых казенных железных дорог» от 21 июня 1910 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1913. – Т. XXX. – Отд. I. – № 33884.

Именной Высочайший указ, данный Сенату «О дальнейшем оставлении в исключительном положении некоторых местностей Империи и о сохранении за некоторыми губернскими начальства-

ми временно предоставленных им особых полномочий по охране общественного порядка и безопасности» от 29 августа 1912 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. – СПб., 1915. – XXXII. – Отд. I. – № 38066.

Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. В. И. Добряков. – СПб., 1903. – 688 с.

Приказы по Военному ведомству за 1895 г. – СПб., 734 с.

Приказы по Военному ведомству за 1906 г. – СПб., 1906.

Приказы по Военному ведомству 1913 г. – СПб., 1913. – 2039 с.

Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1908 г. – СПб., 1906.

Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1913 г. – СПб., 1906.

Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1914 г. – СПб., 1906.

Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1915 г. – СПб., 1906.

Систематический сборник Циркуляр Департамента Полиции и Штаба Отдельного корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний / сост. С. В. Савицкий. – СПб., 1908. – 318 с.

Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: Сенатская тип., 1903. – 144 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересм. и доп. – СПб.: Н.С. Таганцев: Гос. тип., 1904. – 958 с.

Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1911. – 1264 с.

Сборники документов и материалов

ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. III. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. В 2 ч. Ч. 1. / Рос. центр хранения и изучения док. новейшей ист., Ин-т Дальнего Востока РАН, Восточноазиат. семинар свобод. ун-та Берлина. – М.: АО «Буклет», 1999. – 740 с.

Дальний Восток России: Из истории системы управления. Документы и материалы к 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства / сост. Н. А. Троицкая, А. А. Торопов; под ред. Е. В. Ермакова. – Владивосток: Изд-во: РГИА ДВ, 1999. – 233 с.

Обязанности жандармской железнодорожной полиции. / По жандармско-полицейской части: изд. второе перераб. и доп. сост. полковник Тимофеев. – СПб.: Тип. МВД, 1912. – 1195 с.

Попов, А. А. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний / сост. полковник А. А. Попов. – СПб., 1885. – 227 с.

Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного Корпуса жандармов / сост. генерал-майор И. П. Залесский. – СПб.: тип. Штаба ОКЖ, 1910. – 288 с.

Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны. Штрихи времени, голоса современников: док. и материалы / Федерал. архив. агентство, ФКУ «Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока» (РГИА ДВ); сост. и ред. канд. ист. наук Н. А. Троицкая. – Владивосток: РГИА ДВ, 2014. – 280 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 г. 1 и 2 части. – Пг.: Тип. Штаба ОКЖ, 1915. – 807 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15 февраля 1916 г. 1 и 2 части. – Пг.: Тип. Штаба ОКЖ, 1916. – 816 с.

Воспоминания, мемуары

Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с.

Заварзин, П. П. Жандармы и революционеры. Воспоминания // Париж: изд. автора, 1930. – 255 с.

«Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. В 2 т. – М., 2004. – Т. 1. 509 с.; Т. 2. – 598 с.

Справочные издания

Справочная книга для чинов Жандармских Полицейских управлений железных дорог. По жандармско-полицейской части. Общие обязанности жандармской железнодорожной полиции / сост. старший адъютант Штаба Отдельного корпуса жандармов, подполковник Л. А. Тимофеев. – СПб., 1908. – 1238 с.

Справочная книга для чинов полиции на 1900 год / сост. А. Букуновский. – М.: Губернская типография, 1900. – 294 с.

Периодические издания

Алексеевский листок. – Алексеевск, 1917.

Амурский листок. – Благовещенск, 1912, 1914.

Амурский пионер. – Благовещенск, 1912.

Амурское эхо. – Благовещенск, 1915, 1916, 1917.

Благовещенское утро. – Благовещенск, 1915.

Восток. – Владивосток, 1915.

Восточный вестник. – Владивосток, 1914.

Выставка Приамурского края. – Хабаровск, 1913.

Далекая окраина. – Владивосток, 1915, 1916.
Дальний Восток. – Владивосток, 1911, 1912, 1916.
Приамурская жизнь. – Хабаровск, 1914.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии

Адибеков, Г. М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943 / Г. М. Адибеков, Э. Н. Шахназарова, К. К. Ширина; М.: РОССПЭН, 1997. – 288 с.

Агафонов, В. К. Заграничная охранка: (сост. по секрет. документам загранич. агентуры и департамента полиции). С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секрет. сотрудников загранич. агентуры / В. К. Агафонов. – Пг.: Книга, 1918. – 388 с.

Ансимов, Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.) / Н. Н. Ансимов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с.

Ахмедов, Ч. Н. Правоохранительная система Российской империи: исторический опыт формирования и структурирования: монография / Ч. Н. Ахмедов. – СПб.: Астерион, 2008. – 384 с.

Балакшин, П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. / П. Балакшин. Сан-Франциско – Париж – Нью-Йорк: Книгоиздательство Сириус, 1958–1959. – Т. 1. 3–430 с.; Т. 2. 3–374 с.

Беляева, Н. А. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX в.: монография / Н. А. Беляева, Л. А. Лаврик, С. Н. Ляпустин, А. В. Попенко, Н. А. Шабельникова, Е. М. Щербина. – М.: Проспект, 2019. – 240 с.

Беседовский, Г. З. На путях к термидору / Г. З. Беседовский. – М.: Современник, 1997. – 461 с. : ил.

Григорьев, Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов / Борис Григорьев, Борис Колоколов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 852 с.

Гредескул, Н. А. Террор и охрана / Н. А. Гредескул. – СПб.: Изд. тип. т-ва обществ. польза, 1912. – 35 с.

Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 1997. – 208 с.

Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков / Н. И. Дубинина. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2001. – 352 с.

Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.

Ерошкин, Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Учпедгиз, 1960. – 395 с.

Ерошкин, Н. П. Самодержавие накануне краха / Н. П. Ерошкин. – М.: Просвещение, 1975. – 160 с.

Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: Олма-Пресс, 2002. – 640 с.

Иконникова, Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны / Т. Я. Иконникова. – Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. – 365 с.

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.

История железнодорожного транспорта России: в 2 т. Т. 1. 1836–1917. / Г. М. Фадеев [и др.]; под общ. ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина. – СПб., 1994. – 336 с.

Колпакиди, А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. – М.: Родина, 2023. – 256 с.

История полиции России: (1718–1917 гг.) / М. И. Сизиков, А. В. Борисов, А. Е. Скрипилев. – М.: Изд. А.П.О., 1992. – 56 с.

Кокурин А., Петров Н. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. Серия: Россия XX век. Документы. Редактор Александр Яковлев. – М.: Международный фонд «Демократия», 2003 г. – 768 с.

Лопухин, А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – М.: Тип. В. М. Саблина, 1907. – 79 с.

Ляпустин, С. Н. Организация борьбы с контрабандой в условиях Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке / С. Н. Ляпустин, Н. А. Беляева. – Владивосток: ВФ РТА, 2014. – 104 с.

МВД Российской империи: 1802–1917 // МВД России: Люди, структура, деятельность. – Т. I, ч. 1 / С. А. Лукьянов, Ю. Н. Морук, З. И. Перегудова, Н. В. Степанова, С. М. Штутман. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. – 319 с.

Мулукаев, Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М.: Высш. школа МООП РСФСР, 1964. – 28 с.

Новиков, П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.

Нилус, Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / По поручению правления О-ва и под редакцией Специальной комиссии составил агент Правления О-ва

Е. Х. Нилус. – Харбин: Типография Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923. – 690 с.

Осоргин, М. А. Охранное отделение и его секреты / М. А. Осоргин. – М.: Изд. Грядущее, 1917. – 36 с.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. / В. Б. Барковский [и др.]. Т. 2 / ред. Е. М. Примаков. – М.: Международные отношения, 1997. – 272 с.

Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 432 с.

Позняк, Т. З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т. З. Позняк. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 315 с.

Позняк, Т. З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории / Т. З. Позняк. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 728 с.

Полиция Российской империи: монография / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 320 с.

Реент, Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России (1879–2009): монография / Ю. А. Реент. – М.: Объединенная редакция ФСИН России, 2009. – 152 с.

Потемкин, И. А. Министерство внутренних дел Российской империи в обеспечении безопасности государства в условиях Первой мировой войны: монография / И. А. Потемкин. – 2-е изд., доп. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. – 256 с.

Реент, Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.): монография / Ю. А. Реент. – Рязань: Узоречье, 2001. – 286 с.

Рууд, Ч. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях / Ч. Рууд, С. А. Степанов. – М.: Мысль, 1993. – 464 с.

Синиченко, В. В. Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны: монография / В. В. Синиченко. – М.: Проспект, 2021. – 144 с.

Синиченко, В. В. Взаимодействие МВД и военной контрразведки России в годы первой мировой войны в Сибирском и Дальневосточном регионах: монография / В. В. Синиченко, А. И. Сирохин. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020 – 90 с.

Сорокина, Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.): монография / Т. Н. Сорокина. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 1999 – 264 с.

Три века российской полиции / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев. – М.: РИПОЛ Классик, 2016. – 608 с.

Холодов, Н. Уссурийский край: историко-географическое описание / Н. Холодов. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1908. – 88 с.

Ципкин, Ю. Н. Русская контрразведка на Дальнем Востоке в конце XIX – 1917 гг.: монография / Ю. Н. Ципкин, Е. Б. Кондратов. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2017. – 255 с.

Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: в 2 т.; пер. с франц. / Серия: Секретные миссии. – М.: Терра, 1997–1998. – 528 с.

Шелудько, В. О. Органы внутренних дел Приморья (1860–1917 годы) / В. О. Шелудько, А. М. Буяков, В. А. Черномаз. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 386 с.

Шинджикашвили, Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили. – Омск: М-во внутр. дел СССР. Ом. высш. школа милиции, 1974. – 111 с.

Щеголев, П. Е. Охранники и авантюристы / П. Е. Щеголев. – М.: Изд. политкаторжан, 1930. – 160 с.

Schleifman N. Undercover agents in the Russian revolutionary movement: The SR party, 1902–14. London: Macmillan, 1988. – 222 p.

Zuckerman, F. S. The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917. London: Macmillan press, 1996. – 345 p.

Статьи

Абитов, Р. Р. Корпус жандармов в Российской империи в начале XX в. / Р. Р. Абитов // Вестник Российского университета кооперации. – 2011. – № 1 (6). – С. 63–66.

Амельчаков, И. Ф. Становление и развитие транспортной полиции России в XVIII – начале XX веков / И. Ф. Амельчаков, А. Н. Александров, С. Ю. Дергилова // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3.

Буяков, А. М. Провал операции «Сунгарийский мост» // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. – М.: Родина, 2023.

Буяков, А. М. Секретные операции Дальневосточного сектора Иностранного отдела ОГПУ во Владивостоке // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. – М.: Родина, 2023.

Виноградов, П. В. Китайско-Восточная железная дорога – главная транспортная артерия на Дальнем Востоке в годы Первой миро-

вой войны / П. В. Виноградов, Н. А. Шабельникова // Клио. – 2020. – № 7 (163).

Гамалей, С. Ю. История становления транспортной полиции в Российской империи / С. Ю. Гамалей, А. А. Гамалей // 300 лет на страже закона и правопорядка: материалы всерос. научн.-практ. конф. (19–20 апреля 2018 г.) / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018.

Гостева, С. С. Жандармско-полицейский надзор на железных дорогах России в начале XX века / С. С. Гостева, В. В. Мыцыков // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2009. – № 1.

Гурлев, И. В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи (1826–1917 гг.) / И. В. Гурлев // Власть. – 2017. – № 7.

Иванов, А. А. Из истории политической полиции Иркутска / А. А. Иванов // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур: сборник научных трудов / Восточно-Сибирский институт МВД России. – Иркутск, 2013.

Казанцев, В. П. Формирование административно-полицейской системы КВЖД (1896–1905) / В. П. Казанцев // Россия и АТР. – 2012. – № 3 (77).

Казанцев, В. П. Строительство КВЖД глазами современника / В. П. Казанцев, Я. Л. Салогуб // Железнодорожный транспорт. – 2012. – № 2.

Казанцев, В. П. «Управление железной дороги... принимает все меры, чтобы постройка дороги не подняла цены...»: Аналитическая записка военного разведчика Б. Л. Громбчевского о ходе строительства КВЖД. 5 сентября 1898 г. / В. П. Казанцев, Я. Л. Салогуб // Отечественные архивы. – 2014. – № 6.

Качкин, А. Н. Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке перед началом и в году Первой мировой войны / А. Н. Качкин // Вестник ТОГУ. – 2012. – № 1 (24).

Качкин, А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды / А. Н. Качкин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1. – С. 61–65.

Качкин, А. Н. Формирование пеших жандармских команд на Дальнем Востоке России / А. Н. Качкин // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 8.

Ковальчук, М. А. Железнодорожный транспорт Дальнего Востока России (1891 – июнь 1941 гг.): опыт формирования и модернизации отрасли / М. А. Ковальчук // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2008. – № 1 (17).

Ковальчук, М. А. Статус Китайской Восточной железной дороги: формально-юридический и фактический аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49).

Ковальчук, М. А. Управление Китайской Восточной железной дорогой (1903–1917 гг.): историко-правовой аспект / М. А. Ковальчук // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем востоке. – 2014. – № 1 (41).

Ковальчук, М. А. Организационно-правовые меры борьбы с революционным движением на железных дорогах Дальнего Востока России в начале XX в. / М. А. Ковальчук, Е. В. Стрелкова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 4 (32).

Коновалов, И. А. Организационно-правовое развитие полиции в Сибири в конце XIX – начале XX в. / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 4 (37).

Крушанов, А. И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. / А. И. Крушанов // Материалы по истории Владивостока. Книга первая. 1860–1917. Сер. «Историческая». Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960.

Кудинова, Н. Т. Формирование жандармской полиции на Дальнем Востоке Российской империи: предпосылки и особенности / Н. Т. Кудинова, А. Н. Качкин // Вестник ТОГУ. – 2012. – № 2 (25).

Лаврёнова А. М. Архив Штаба Отдельного корпуса жандармов // История и архивы. 2019. № 2.

Лезина Е. П., Лазарева О. В. Становление российского полицейского законодательства: проблемы периодизации // Новый ракурс. 2015. № 11.

Лясович, Т. Г. Охрана общественного порядка на железных дорогах Российской империи в начале XX века / Т. Г. Лясович, И. А. Макеева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): сб. труд. по матер. конф. / СПбУ МВД России. – СПб., 2017.

Медведева, Л. М. Китайско-Восточная железная дорога как средство реализации Дальневосточной политики России в конце XIX – начале XX веков / Л. М. Медведева // Былые годы. – 2021. – № 16 (3).

Миняйленко, Н. И. Вопросы правового обеспечения деятельности вооруженной охранной стражи на железных дорогах Российской империи в начале XX века / Н. И. Миняйленко, В. Е. Санин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (62).

Мурашко, А. И. Деятельность железнодорожных жандармов по обеспечению государственной безопасности Российской

империи / А. И. Мурашко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 3.

Мурашко, А. И. Особенности профессиональной подготовки чинов жандармской железнодорожной полиции Российской империи / А. И. Мурашко // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2017. – № 1 (8).

Мухортов, А. А. Организационно-правовые основы функционирования жандармерии в Российской империи / А. А. Мухортов // Закон и право. – 2011. – № 1.

Нестерова, Е. И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) / Е. И. Нестерова // Вестник ДВО РАН. – 2000. – № 2 (90).

Перегудов, А. В. Русский жандарм начала XX века: особенности восприятия (по воспоминаниям офицеров Отдельного корпуса жандармов) / А. В. Перегудов // Труды Карельского научного центра РАН. – 2013. – № 4.

Петров, А. И. История решения вопроса о подсудности китайских иммигрантов в восьмидесятые годы XIX века / А. И. Петров // Труды ИИАЭ НДВ ДВО РАН. – Владивосток, 2003. – Том XII.

Петрыкин, Н. Н. Об актуальности изучения деятельности жандармских полицейских подразделений железных дорог / Н. Н. Петрыкин, В. В. Петрыкина // Теория и история права и государства. – 2018. – № 1.

Рассказов, Л. П. Правовое регулирование взаимодействия таможенного ведомства России с полицейскими органами и спецслужбами (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Л. П. Рассказов, Ю. И. Ястребова // Общество и право. – 2020. – № 1 (71).

Рыжова, Ю. В. Специальные функции в деятельности жандармских полицейских управлений железных дорог и их правовое закрепление / Ю. В. Рыжова // Российская полиция: три века служения Отечеству: сб. статей юбилейной междунар. науч. конф. – М.: Академия управления МВД России, 2019.

Санин, В. Е. Опыт профессиональной подготовки нижних чинов жандармской железнодорожной полиции в Российской империи (на примере жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги) / В. Е. Санин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: сб. материалов XXI международной научно-практической конференции: в 2-х ч. СибЮИ МВД России, 2018.

Синиченко, В. В. Агентурная работа жандармерии России на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны / В. В. Синиченко // Исторические чтения на Лубянке. Отечествен-

ные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междунар. науч. конф. – М.: Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018.

Синиченко, В. В. Внутренняя агентура и контрразведывательная работа жандармов на русском Дальнем Востоке в начале XX в. / В. В. Синиченко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2019. – № 19-2.

Синиченко, В. В. К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности чинов жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги / В. В. Синиченко // Российская полиция: три века служения отечеству: сборник статей Юбилейной международной научной конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2019.

Синиченко, В. В. Перлюстрация в деятельности органов военной контрразведки Первой мировой войны / В. В. Синиченко // Гуманитарные чтения: сб. статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы // ДВФУ. 2020.

Синиченко, В. В. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны / В. В. Синиченко, Г. С. Токарева // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 2.

Соколенко, А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в борьбе со шпионажем в Приамурском генерал-губернаторстве до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.: особенности и проблемы / А. В. Соколенко // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 3 (72).

Соколенко, А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи в охране, предотвращении побегов и поиске сбежавших военнопленных на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны (август 1914 г. – революция 1917 г.) / А. В. Соколенко // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 7 (109).

Соколенко, А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905–1911 гг. Часть вторая. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер / А. В. Соколенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2016. – № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 2.

Соколенко, А. В. Взаимодействие Хабаровского контрразведывательного отделения с другими органами и учреждениями на Даль-

нем Востоке России до Первой мировой войны / А. В. Соколенко // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (38).

Соколенко, А. В. Роль Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем востоке России в период Первой мировой войны. Август (июль) 1914 г. – март 1917 г. / А. В. Соколенко // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2016. – Т. 15.

Филонов, А. М. Становление Дальневосточного форпоста России / А. М. Филонов // Приамурское географическое общество. – 2021. – № 1 (30).

Фролов, В. В. Обеспечение правопорядка в Российской империи в начале XX в., связь истории и современности / В. В. Фролов, Н. К. Тышковец // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 3 (43).

Хлобустов, О. М. Разведка и контрразведка в начале XX века // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. – М.: Родина, 2023.

Шабельникова, Н. А. Жандармско-полицейские управления на Дальнем Востоке России: перспективы формирования источниковой основы исследования / Н. А. Шабельникова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20–2.

Шабельникова, Н. А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии / Н. А. Шабельникова // Клио. – 2021. – № 3 (171).

Шабельникова, Н. А. К вопросу об изучении деятельности жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России / Н. А. Шабельникова, А. В. Милежик // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сб. материалов междунар. научн.-практ. конф. – Хабаровск, 2019.

Шабельникова, Н. А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. / Н. А. Шабельникова // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской миграции: сб. материалов Второй международной научной конференции / ДВЮИ МВД России. – Хабаровск, 2017.

Яковкин, Е. В. Советская разведка в борьбе с русской эмиграцией в Китае: 1920–1945 гг. // Колпакиди А. И. Тайная история отечественной внешней разведки. Книга 2. – М.: Родина, 2023.

Научное издание

Синиченко Владимир Викторович

**В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ: ОТ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЫ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ДО ЗАГРАНИЧНЫХ
РЕЗИДЕНТУР ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ (1913–1930 ГГ.)**

Редактор: *А. А. Уварова*
Верстка *С. Н. Портновой*

Подписано в печать 29.07.2024. Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 43 экз. Заказ № _

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907721-38-8

9 785907 721388 >